К. Военскій.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 года

ВЪ ЗАПИСКАХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

(Матеріалы Военно-Ученаго Архива).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

К. Военскій.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 года

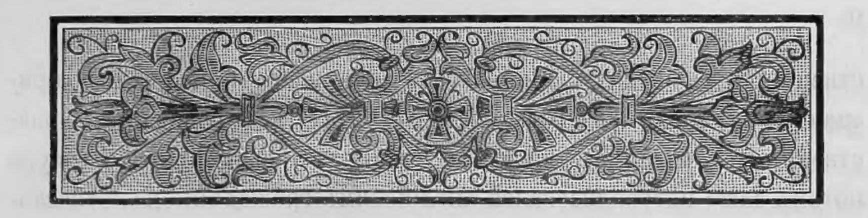
ВЪ ЗАПИСКАХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

(Матеріалы Военно-Ученаго Архива).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1911.

15

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Близится 100-лѣтняя годовщина великой борьбы русскаго народа съ врагомъ, проникавшимъ въ самое сердце Россіи и не знавшимъ дотолѣ неудачъ въ своихъ завоевательныхъ замыслахъ. Безпримѣрная въ исторіи народная война 1812 г. до сихъ поръ остается благодарнымъ полемъ изслѣдованія какъ для историковъ Россіи, такъ и спеціально для военной науки.

Среди вопросовъ, вызывающихъ наибольшее разногласіе въ исторіи Отечественной войны, самое спорное мѣсто занимаетъ толкованіе Березинской переправы и тѣхъ ошибокъ, которыя допустили при этомъ командующіе отдѣльными арміями. Императоръ и вся Россія ожидали плѣненія Наполеона, какъ справедливаго возмездія за дерзкое нашествіе и униженіе великаго народа. Надежда эта не оправдалась. Затравленный русскими ловчими, хищный матерый звѣрь ускользнулъ, употребивъ всѣ силы ума, чтобы обмануть бдительность русскихъ отрядовъ. Плѣненіе Наполеона у Березины, несомнѣнно, оказало бы огромное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію Европы и Александръ I имѣлъ бы, быть можетъ, возможность диктовать Европѣ свою волю, не выводя войскъ за предѣлы Россіи.

Современники совершенно ясно сознавали всю важность этого момента, упущеннаго по чьей-то винѣ и общественное мнѣніе старалось найти лицо, на которое можно было бы возложить всю отвѣт-

ственность за неудачу. Виновнымъ чаще всего признавали и признаютъ адмирала Чичагова, который и самъ, потрясенный нравственными страданіями, навсегда покинулъ Россію въ 1815 году, а потомъ даже натурализовался англійскимъ гражданиномъ, отказавшись вернуться на родину, какъ то требовалъ отъ всѣхъ русскихъ, проживающихъ за границей, Высочайшій указъ 1834 г. Это добровольное изгнаніе еще болѣе укрѣпило за Чичаговымъ обвиненіе въ неправильныхъ дѣйствіяхъ при Березинѣ.

Задача, которая была возложена на Дунайскую армію, являлась крайне отвѣтственной и трудно осуществимой. Она требовала полнаго соглашенія между всѣми тремя главнокомандующими, чего, повидимому, въ дѣйствительности не было. Гонимые страхомъ и отчаяніемъ французы неслись, какъ лавина, и для полнаго преграждения имъ пути требовались, быть можетъ, силы втрое большія тѣхъ, которыми располагалъ Чичаговъ. Кромѣ того Наполеонъ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы обмануть непріятеля, производилъ ложныя диверсіи, обнаруживалъ желанія переправиться то въ этомъ, то въ другомъ мѣстѣ. Пущена была въ ходъ даже сложная игра на суетливой пронырливости борисовскихъ евреевъ. Имъ сообщили о мѣстѣ переправы, конечно, не дѣйствительной и взяли съ нихъ клятву въ молчаніи въ надеждѣ, что они ее тотчасъ же нарушатъ и все раскажутъ русскимъ. Такъ оно и случилось и евреи, думавшіе заслужить доносомъ у русскихъ, были повѣшены впослѣдствіи по приказанію Чичагова.

Такимъ образомъ Дунайской арміи приходилось слѣдить за дѣйствіями непріятеля на разстояніи не менѣе 20 верстъ и сильно растянуть линію своихъ войскъ. Между тѣмъ арміи Кутузова и Витгенштейна дѣйствовали съ тылу недостаточно энергично и безпрерывно упускали непріятеля изъ виду. Но самымъ крупнымъ недостаткомъ, которымъ страдали распоряженія главнокомандующихъ, была крайне слабо поставленная развѣдочная служба и несогласованность ея во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, которыя не имѣли возможности обмѣниваться свѣдѣніями въ то время, когда была дорога каждая минута и событія наростали съ необычайной быстротой. Наполеонъ зналъ о русскихъ, русскіе почти ничего не знали о движеніи французскихъ отрядовъ.

Несомнѣнно, однако, что обвинять въ неудачѣ исключительно однихъ главнокомандующихъ было бы далеко несправедливымъ. Значительная вина падаетъ и на подчиненныхъ имъ начальниковъ отрядовъ, не всегда стоявшихъ на высотѣ великой задачи, которую должны были выполнить во имя блага родины и чести ея арміи. Въ запискахъ, печатаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ не мало данныхъ для сужденія о нѣкоторыхъ лицахъ, образъ дѣйствія которыхъ не свидѣтельствуетъ о сознаніи высокаго патріотическаго долга.

Эпизоды Березинской переправы и составляютъ значительную часть собранныхъ въ этой книгѣ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ военно-ученаго архива и впервые появляющихся въ свѣтъ. Авторы этихъ воспоминаній, по большей части второстепенные дѣятели, въ военныхъ лѣтописяхъ Отечественной войны сравнительно мало извѣстные, которые ограничивались описаніемъ отдѣльныхъ событій, не дѣлая попытокъ писать исторію войны. Подобный матеріалъ представляетъ несомнѣнную цѣнность уже въ виду того, что авторы записокъ не разбрасываются, а, напротивъ, сосредоточиваются въ своихъ описаніяхъ, стараясь не упустить ни одной мелочи, что особенно важно для новыхъ изслѣдователей эпохи 1812 г., которымъ не разъ придется идти по уже прото則енному пути и отыскивать новое въ томъ, что, быть можетъ, проглядѣли или не знали историки прежніе.

Нарисовать правдивую картину прошлаго, отдаленнаго отъ насъ почти на цѣлое столѣтіе, — дѣло далеко не легкое. Современники не могутъ быть безпристрастными; люди ближайшихъ эпохъ еще полны кровной связи съ недавнимъ прошлымъ, и только болѣе отдаленные потомки спокойно, не задѣтые интересами той или другой стороны, той или другой личности, могутъ выполнить великій актъ, который называется *судомъ исторіи*.

Къ сожалѣнію, безпристрастные толкователи прошлаго наталкиваются на особое затрудненіе: матеріалы, съ которыми приходится имѣть дѣло, страдаютъ зачастую слишкомъ субъективнымъ освѣщеніемъ, а воспоминанія лицъ, отъ которыхъ нерѣдко зависѣлъ исходъ событій, и подавно мало достойны довѣрія, такъ какъ часто представляютъ лишь средства для оправданія собственныхъ оши-

бокъ передъ потомствомъ. Вотъ почему особенно цѣнны записки второстепенныхъ и третьестепенныхъ участниковъ войны, не боявшихся, въ качествѣ простыхъ исполнителей, написать безхитростную правду.

Предлагаемый въ настоящемъ сборникѣ матеріалъ касается преимущественно Березинской переправы и событій, съ нею связанныхъ. Къ этому отдѣлу относятся записки Малиновскаго, Арнольди, Храповицкаго, гр. Орурка, Изюмова, дневникъ Сухецкаго и отчасти записки князя Голицына. Отдѣльно стоятъ записки ген.-лейтенанта Эмме о блокадѣ Риги и записки неизвѣстнаго о сдачѣ Москвы.

Всѣ записки являются впервые въ печати, исключая воспоминаній Голицына, напечатанныхъ въ военномъ журналѣ 1859 года, но мы считаемъ умѣстнымъ ихъ помѣщеніе въ виду того, что онѣ увидѣли свѣтъ лишь съ нѣкоторыми сокращеніями и самый военный журналъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость.

Рукописи напечатаны съ подлинниковъ съ сохраненіемъ орѳографіи оригиналовъ, причемъ каждому документу предпосланъ краткій біографическій очеркъ автора.

К. Военскій.

Записки генералъ-лейтенанта С. С. Малиновскаго о дѣйствіяхъ при Березинѣ въ 1812 году.

Авторъ небольшой записки о Березинской переправѣ, дѣятельный участникъ Отечественной войны, генералъ-лейтенантъ Сильверстъ Сигизмундовичъ Малиновскій, родился въ 1788 г. въ Могилевской губерніи. Какъ большинство дворянъ онъ пошелъ на военную службу и въ 1809 г. былъ зачисленъ прапорщикомъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ и тотчасъ отправился въ Дунайскую армію въ Валахію, гдѣ, участвуя въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, выдѣлился храбростью и находчивостью, получилъ три почетныхъ раны, былъ произведенъ сначала подпоручикомъ, затѣмъ въ поручики и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1811 г. Малиновскій былъ переведенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части.

Въ 1812 г. Малиновскій былъ назначенъ въ авангардъ Дунайской арміи адмирала Чичагова въ отрядъ генерала графа Орурка 1-го и участвовалъ въ бою 11 сентября у м. Локачей съ союзными войсками, которыми командовалъ князь Шварценбергъ; 12 сентября будучи въ рекогносцировкѣ у м. Киселенъ, онъ захватилъ непріятельскіе пикеты; черезъ два дня (14 сентября) Малиновскій былъ посланъ съ полуротой піонеровъ и сотней казаковъ для устройства рѣчной переправы при дер. Ягодно; вытѣснивъ непріятеля онъ удачно навелъ мосты и удержалъ ихъ до прихода всего авангарда. 23 сентября съ двумя сотнями казаковъ онъ овладѣлъ гор. Кобринымъ и спасъ магазины, зажженные отсутствовавшимъ непріятелемъ. Съ этими же казаками, подкрѣпленными третьимъ

уральскимъ полкомъ, Малиновскій 26 сентября напалъ на французскую заставу при дер. Городечной, разсѣялъ и взялъ въ плѣнъ 12 человѣкъ и, несмотря на сильное сопротивленіе, овладѣлъ дефиле Козій-бродъ и мостами, гдѣ отбивался отъ насѣдавшаго врага до прибытія авангарда арміи. 14 ноября Малиновскій былъ посланъ графомъ Орурксмъ съ 10 казаками на рекогносцировку Березины, по дорогѣ къ м. Бѣлыничи. Узнавъ отъ встрѣчныхъ жителей, что неподалеку въ м. Погостъ эскадронъ польскихъ уланъ спокойно кормитъ лошадей, Малиновскій бросился въ это мѣстечко и взялъ въ плѣнъ трехъ офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ, везшихъ диспозицію генералу Домбровскому. Эти крайне важныя бумаги были доставлены Малиновскимъ Главнокомандующему адмиралу Чичагову.

Въ ноябрѣ Малиновскій былъ прикомандированъ къ отряду генерала Чаплица и участвовалъ въ сраженіи при дер. Стаховѣ 16 ноября, когда Чаплицъ и Чигаговъ атаковали корпуса Удино и Нея въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ, подкрѣпленныхъ резервомъ изъ гвардіи подъ личнымъ начальствомъ Наполеона. Уронъ русскихъ простирался до 2 тысячъ человѣкъ, непріятельскій же—до 5 тысячъ, и всетаки Наполеонъ, отразивъ наши многочисленныя и безпорядочныя атаки, прорвался на дорогу къ Зембину.

18 ноября Малиновскій дѣлаетъ съ казачьимъ Исаева полкомъ лихой набѣгъ на непріятеля, проходитъ сквозь горящую деревню Нестановичи, беретъ въ плѣнъ 200 человѣкъ и овладѣваетъ небольшимъ мостомъ вмѣстѣ съ защищавшимъ его единственнымъ орудіемъ. Затѣмъ Малиновскій участвовалъ въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, Лейпцигомъ и Майнцомъ и во взятіи высотъ Монмартра (Парижъ 18 марта 1814 г.). Особенно же отличился при осадѣ крѣпости Торна (съ 16 февраля по 4 апрѣля 1813 г.), гдѣ былъ тяжело раненъ 25 марта картечью въ голову и, несмотря на трудную операцію, продолжалъ дѣятельно руководить осадными работами.

За эту кампанію Малиновскій получилъ чины штабсъ-капитана, капитана и подполковника, ордена: Анны 4 ст., Анны 2 ст., золотую шпагу «за храбрость», алмазные знаки къ ордену Анны 2 ст., третное не въ зачетъ жалованіе и серебряную медаль.

Въ 1815 г. Малиновскій назначается оберъ-квартирмейстеромъ 4-го пѣхотнаго корпуса; въ 1817 г. за отличіе по службѣ производится въ полковники; въ 1818 г. назначается оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса; въ 1826 г. производится въ

генералъ-маіоры и зачисляется въ Свиту его Императорскаго Величества; въ слѣдующемъ году онъ получаетъ командованіе сначала 3-й бригадой 16-й пѣхотной дивизіи, а потомъ 2-й бригадой той же дивизіи и съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ 1828 г. назначается состоять при Главнокомандующемъ. Здѣсь Малиновскій участвуетъ при осадѣ и взятіи крѣпости Браилова (3—6 іюня), за что получаетъ украшенное алмазами оружіе. 13 января Малиновскій руководитъ и беретъ штурмомъ крѣпость Кале, затѣмъ переходитъ въ отрядъ графа Ланжерона и участвуетъ въ продолжительной блокадѣ и бомбардировкѣ (съ 13 по 30 января) крѣпости Турно, окончившихся сдачей всего гарнизона крѣпости на милость побѣдителей. Участіе въ этихъ дѣлахъ дало ему орденъ Анны 1 ст. и Георгія 3 ст. Въ февралѣ того же года Малиновскій сжигаетъ турецкую флотилію изъ 30 судовъ при впаденіи р. Осьмы въ Дунай. Послѣ взятія Адріанополя и заключенія мира Сильверстъ Сигизмундовичъ дѣлаетъ обратный походъ въ Россію, куда и прибываетъ въ декабрѣ 1829 г.

Въ польскую кампанію 1831 г. Малиновскій, назначенный командиромъ 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, участвуетъ съ нею въ усмиреніи мятежниковъ, закончившемся штурмомъ и взятіемъ Варшавы (26 августа 1831 года) и за свою ревностную службу получаетъ орденъ Св. Владиміра 2 ст. и чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ 1832 г. генералъ-лейтенантъ Малиновскій назначается командиромъ пѣхотной дивизіи и Черноморской кордонной линіи. 1834 и 1835 гг. Малиновскій проводитъ на Кавказѣ, гдѣ участвуетъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова въ походахъ противъ горцевъ и въ 1836 г., въ отсутствіе генералъ-лейтенанта Вельяминова, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, исполнялъ должность командующаго войсками. Въ это время онъ получаетъ орденъ Бѣлаго Орла.

Въ началѣ 1839 г. Малиновскій назначается командиромъ 4-й пѣхотной дивизіи; въ этой должности онъ остается до мая 1845 г., когда назначается присутствующимъ въ Варшавскихъ департаментахъ Сената. 62 лѣтъ Малиновскій подаетъ прошеніе (по болѣзни) объ отставкѣ, которую и получаетъ 15 декабря 1850 г. О семейной жизни С. С. Малиновскаго извѣстно, что онъ былъ два раза женатъ, но имѣлъ только одного сына Николая отъ перваго брака.

Малиновскій оставилъ послѣ себя записки о достопамятной Березинской переправѣ. Наши неудачи въ этомъ дѣлѣ онъ приписы-

ваетъ исключительно адмиралу Чичагову и отмѣчаетъ слѣдующія, по его мнѣнію, ошибки Главнокомандующаго Дунайской арміей: 1) Чичаговъ перешелъ на лѣвую сторону рѣки Березины и, не подкрѣпляя авангарда, предоставилъ его самому себѣ, благодаря чему произошло безпорядочное отступленіе нашихъ войскъ, дурно повліявшее на духъ арміи; 2) Адмиралъ Чичаговъ оставилъ безъ защиты дорогу на Зембинъ и мосты черезъ рѣку Гайну, чѣмъ умѣло воспользовался непріятель; 3) Главнокомандующій недовѣрчиво отнесся къ донесенію генерала Чаплица и не подалъ послѣднему своевременную помощь, и 4) Чичаговъ не занялъ выгодныхъ позицій: Зембинскую и при дер. Стаховѣ, тогда какъ эти позиціи могли сильно помѣшать отступленію арміи Наполеона и дали бы возможность корпусу Витгенштейна сблизиться съ большой арміей.

К. В.

———

По 10-е ноября всякій шагъ 3-й Западной арміи дѣйствительно былъ блистателенъ, да и ожидать важнѣйшихъ послѣдствій можно было,—войска были самыя надежныя, испытанныя шестилѣтней Турецкой войны побѣдами; въ Отечественной же войнѣ всякъ жаднчалъ только, какъ бы встрѣтить непріятеля и доказать оному, что можетъ умереть, но не быть побѣжденному.

9-го ноября послѣ взятія Борисовскаго укрѣпленія съ городомъ вся армія сконцентрирована была къ сему пункту. Въ оной состояло, по точному исчисленію, пѣхоты—59-ть баталіоновъ, кавалеріи—88-мъ эскадроновъ, артилеріи—180 орудій, казачьихъ полковъ 13-ть; считая же всякій баталіонъ на худой конецъ по 350 человѣкъ, всего было пѣхоты 19.750 человѣкъ.

Кавалеріи эскадронъ по 100 человѣкъ, всего было 8.800 человѣкъ.

Артилеріи при 180 орудіяхъ всего 1.100 человѣкъ.

Казачій полкъ считался по 280 человѣкъ, всего 3.250 человѣкъ.

Итого во всей арміи вѣрно не менѣе было 32.800 человѣкъ.

Оставалось только употребить съ пользою сіи войска, за успѣхъ же навѣрное отвѣчать можно было.

Войска сказанныя въ сей день расположены были: авангардъ—впереди Борисова по дорогѣ къ Оршѣ; корпуса и резервъ—при тетъ-де-понѣ; отряды: генерала *Чаплица*—въ Зембинѣ; полковника Луковкина—при дер. Ушѣ.

10-го ноября, повидимому, желалъ главнокомандующій адмиралъ Чичаговъ идти къ Оршѣ, для дѣйствія противу войскъ маршала *Виктора*, но не зная еще о прибытіи всей арміи Наполеона и для того приказалъ всѣмъ войскамъ, бывшимъ въ Борисовѣ, перейти рѣку Березину, расположиться при Борисовѣ, куда и сказаннымъ отрядамъ повелѣно прибыть. Итакъ вся пѣхота, перейдя упомянутую рѣку, расположилась . . . . (смотри приложенный при семъ планъ) [1]. А кавалерія оставалась единственно для того на правой сторонѣ рѣки, что не имѣлось мѣста къ расположенію, гдѣ и отрядъ генералъ-маіора Чаплица расположился, а полковникъ *Луковкинъ* ночевалъ при Шебашевичахъ.

Трудно заключить, почему въ сей день всѣ были усыплены, что ничего для предназначеннаго пути по дорогѣ къ Оршѣ не послано легкихъ кавалерійскихъ отрядовъ къ открытію, а вмѣстѣ и для преслѣдованія бѣжавшихъ остатковъ войскъ генерала *Домбровскаго*.

11-го ноября, довольно нынѣ видно, что адмиралъ *Чичаговъ* не имѣлъ никакихъ извѣстій о движеніи войскъ непріятельскихъ и о мѣстѣ ихъ нахожденія [2], ибо отдалъ въ приказѣ сего числа, что авангардъ выступаетъ въ 6-ть часовъ утра, а прочія войска въ 10-ть и слѣдуютъ по дорогѣ къ Бобру, — вслѣдствіе чего авангардъ съ разсвѣтомъ послалъ квартирьеровъ съ малымъ прикрытіемъ къ дер. Лошницѣ для занятія лагерныхъ мѣстъ и самъ вслѣдъ выступилъ. Сказанные квартирьеры, при упомянутой деревнѣ, сыскали непріятельскіе аванпосты, ограждающіе ихъ лагерь, на которыхъ напавъ, схватили двухъ въ плѣнъ, кои открыли, что вся Наполеонова армія въ разстояніи на одинъ маршъ отъ оной деревни находится. Таковое извѣстіе съ оными плѣнными, штабсъ-капитаномъ *Малиновскимъ* сейчасъ сообщено авангардному командиру генералъ-маіору графу *Палену*, который приказалъ ускорить маршъ его войскамъ, а самъ не преминулъ донести адмиралу *Чичагову* и просилъ подкрѣпленія, какъ дорога дефилейная, пѣхоты имѣлъ мало, а кавалеріи дѣйствовать было невозможно. Получа таковое донесеніе, адмиралъ никакъ не могъ вѣрить показанію плѣнныхъ, полагая оное ихъ выдумкой и приказалъ авангарду непремѣнно занять назначенный ему пунктъ, пѣхотѣ всей арміи варить кашу, а кавалеріи послать фуражировать. Послѣдствія сего дѣла ясно описаны въ журналѣ 11-го ноября, по коимъ можно заключить,

---

[1] Въ бумагахъ не найденъ.

[2] Которыя легко могъ имѣть, если бы употребилъ легкіе отряды, какъ выше сказано.

отчего произошло таковое ошибочное мнѣніе адмирала, и что не только не подкрѣпилъ авангарда, но и съ прочими войсками ничего въ предосторожность не предпринялъ и допустилъ сей день кончить съ ужасной потерей обозовъ, всего дежурства и полковыхъ, всѣхъ раненыхъ въ городѣ и были отрѣзаны три егерскіе полка и до 3 тысячъ кавалеріи; послѣднія сіи войска обязаны спасеніемъ благоразумнымъ своимъ начальникамъ, которые къ томъ же самомъ мѣстѣ переправились въ бродъ черезъ рѣку, гдѣ воспослѣдовалъ прорывъ войскъ Наполеона и, примкнувъ къ арміи, не преминули донести адмиралу, что для переправы самое удобное мѣсто.

12-го ноября, по несчастномъ отступленіи войскъ изъ Борисова, армія была расположена при тетъ-де-понѣ и *адмиралъ* сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Отряду генералъ-маіора *Чаплица* къ дер. Брилеву и аванпостамъ занять пространство по рѣкѣ Березинѣ отъ оной деревни до Зембина, а генералъ-маіора *графа Орурка* послалъ въ дер. Юшкевичи, дабы, прибывъ туда, принять отрядъ полковника *Луковкина* подъ свое начальство и тамъ бы находился, прикомандировавъ еще *Волынско-Уланскій полкъ*, артиллеріи: *конную роту № 12* и полъ-роты понтонной, дабы при оной деревнѣ маскировать, что желаетъ учредить на лѣвомъ берегу Березины переправу.

Едва лишь графъ Оруркъ занялся симъ препорученіемъ, какъ вдругъ адмиралъ Чичаговъ приказалъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ слѣдовать къ мѣстечку Березинѣ и наблюдать за непріятельскимъ движеніемъ. Куда я и былъ командированъ.

Прочія войска оставались сей день расположенными при Борисовскомъ укрѣпленіи.

Въ теченіе сего дня примѣтно было, что непріятель сосредоточиваетъ всѣ свои войска къ городу Борисову, посылая частью колонны къ Старому Борисову и внизъ по рѣкѣ къ деревнѣ Ухолодѣ; никакихъ покушеній и приготовленій къ переправѣ нигдѣ не было.

13-го ноября адмиралъ *Чичаговъ* на разсвѣтѣ сего дня приказалъ всей арміи слѣдовать къ деревнѣ Шебашевичамъ, оставя авангардъ генералъ-маіора *графа Палена*, подкрѣпивъ оный изъ резерва 12-мъ егерскимъ полкомъ противу Борисова, полагая, что непріятель сдѣлаетъ прорывъ при мѣстечкѣ Березинѣ.

Генералъ-маіоръ *гр. Оруркъ*, въ 2 часа пополудни, съ даннымъ ему отрядомъ, выступя изъ деревни Юшкевичи, достигъ до деревни Уша, гдѣ усталой пѣхотѣ приказалъ нѣсколько часовъ отдохнуть,

самъ же съ кавалеріею и артилеріею къ полуночи поспѣшилъ прибыть къ м. Березинѣ. Авангардъ графа Палена и отрядъ генералъ-маіора *Чаплица* оставались сей день въ прежнихъ своихъ расположеніяхъ, а къ вечеру и вся армія адмирала Чичагова была расположена при деревнѣ Шебашевичахъ.

Въ этотъ день непріятель началъ дѣлать приготовленія къ переправамъ. 1-е при Ухолодѣ, а 2-е при Бриловѣ, какъ донесли аванпосты, расположенные по рѣкѣ.

Трудно заключить, почему адмиралъ Чичаговъ, получа таковое донесеніе, не сдѣлалъ движенія вспять отъ Шебашевичъ къ укр. Борисовскому, дабы быть въ центрѣ у предназначенныхъ непріятелемъ для переправы пунктовъ, но вдобавокъ приказалъ генералъ-маіору Чаплицу съ его отрядомъ отъ Брилова слѣдовать къ г. Борисову на соединеніе съ авангардомъ генералъ-маіора графа Палена, оставя безъ уваженія пунктъ, на которомъ непріятель дѣлалъ приготовленія къ переправѣ.

14-го ноября, на разсвѣтѣ, генералъ маіоръ Чаплицъ сконцентрировалъ свой отрядъ къ деревнѣ Стахову, и во исполненіе повелѣнія Главнокомандующаго пошелъ, оставя казачьи посты по рѣкѣ, и уже былъ почти у самаго Борисовскаго укрѣпленія, какъ изъ форпостовъ донесли, что непріятель переправляется между Стаховымъ и Бриловымъ, то генералъ-маіоръ Чаплицъ, о семъ давъ знать Главнокомандующему, самъ съ отрядомъ поспѣшно слѣдовалъ назадъ. Но переходъ 12-ти верстъ все же доставилъ времени непріятелю; по прибытіи сейчасъ же атаковалъ, но уже сбить былъ не въ состояніи; поставленная батарея изъ 30 или 40 орудій большого калибра [1]) прикрывала переправу въ бродъ и постройку мостовъ.

Наши же конныя орудія долго не могли устоять; только егеря, пользуясь лѣсомъ, удерживали и не впускали въ оный, и такъ держался весь день и ночь, не позволяя непріятелю занять высотъ, бывъ подкрѣпленъ частью авангарда генералъ-маіора графа Палена. Генералъ-маіоръ графъ Орурkъ прибылъ въ м. Березину съ кавалеріею ночью, а къ разсвѣту прибыла и пѣхота. Не видя вовсе непріятеля за рѣкой, послалъ меня съ 10-ю казаками, переправивъ за рѣку, дабы слѣдовать по дорогѣ къ мѣстечку Бѣлыничи и настояще узнать о непріятельскихъ движеніяхъ. Слѣдуя, я, по назначенному направленію, черезъ м. Погостъ и доходилъ до деревни Приборка, въ коей жители показали единогласно, что непріятель

[1]) На высотахъ лѣваго берега рѣки, при которыхъ она имѣетъ свое теченіе.

сосредоточиваетъ свои войска къ Борисову и что тамъ имѣетъ сдѣлать переправу.

Не видя нигдѣ непріятеля и дабы не терять понапрасну времени, отъ деревни Приборка пошелъ я на возвратъ и, не доходя мѣстечка Погостъ, встрѣченъ приверженными жителями, что сейчасъ прибылъ изъ Бобруйска эскадронъ польскихъ улановъ и слѣдуетъ къ Борисову и что кормятъ лошадей.

Пользуясь сей безпечностію, бросился я въ мѣстечко и сказанный эскадронъ взялъ въ плѣнъ, въ числѣ 3-хъ офицеровъ и 38-ми рядовыхъ, съ которыми къ вечеру и возвратился въ м. Березину.

При командирѣ сего эскадрона, капитанѣ *Сулятыцкомъ*, сыскано повелѣніе, дабы поспѣшно слѣдовалъ бы къ Борисову, гдѣ имѣетъ быть прорывъ, что и удостовѣряло показаніе жителей.

Генералъ-маіоръ *Орурвъ*, получа таковое удостовѣрительное показаніе, сейчасъ сообщилъ Главнокомандующему, ожидая отъ онаго дальнѣйшаго приказанія. Адмиралъ Чичаговъ, сей день остававшійся при Шебашевичахъ, получа же донесеніе отъ генералъ-маіора *Чаплица* о переправѣ непріятеля, приказалъ авангарду генералъ-маіора *Палена* секурсировать Чаплица, оставляя, однако, часть войскъ и для наблюденія Борисова.

15-го ноября, на разсвѣтѣ, адмиралъ Чичаговъ, получа отъ графа Орурка донесеніе, что точно имѣетъ быть переправа непріятеля при Борисовѣ или окрестностяхъ, приказалъ всѣмъ войскамъ, какъ наипоспѣшнѣе, сосредоточиваться къ Стахову и самъ выступилъ со всей арміею туда же.

Но дошедъ до укрѣпленій Борисовскихъ, расположился почевать, а авангардъ подкрѣпилъ генералъ-маіоръ *Чаплица*, который, уже сражаясь другой день, никакъ непріятелю не позволялъ занять высоты и выйти на дорогу, идущую въ Зембинъ. Непріятель же, переправляясь черезъ рѣку, располагался на лугахъ низменныхъ оной рѣки.

Генералъ-маіоръ Орурвъ, получа повелѣніе какъ можно поспѣшнѣе прибыть къ Стахову, выступя сейчасъ, къ полуночи прибылъ къ деревнѣ Юшкевичи, гдѣ усталымъ совершенно людямъ нужно было дать отдыхъ.

Къ вечеру сего дня непріятель очистилъ г. Старый Борисовъ, а въ 11-ть часовъ ночи прибыли войска авангарда большой дѣйствующей арміи подъ командою атамана *Платова* и генералъ-маіора *Ермолова* и къ разсвѣту понтонные мосты отъ арміи адмирала были наведены при г. Борисовѣ.

16-го ноября, съ разсвѣтомъ дня, какъ авангардъ большой дѣйствующей арміи, переправясь по сказаннымъ понтонамъ, такъ и вся армія Чичагова, равно и отрядъ графа *Орурка* прибыли къ деревнѣ Стахову и при оной въ боевомъ порядкѣ расположились.

Отрядъ генералъ-маіора Чаплица, подкрѣпленный на разсвѣтѣ остальною частью авангарда графа *Палена*, дрались безъ утомительно, и *егерскіе полки*—12-й, 22-й, 27-й, 7-й, 14-й, 28 и 32-й—покрыли себя безсмертною славою, порядкомъ и храбростію отличавшихся, которые были разсыпаны въ стрѣлкахъ съ должными резервами, а *Павлоградскій* гусарскій полкъ въ мѣстахъ выгодныхъ располагался по-эскадронно въ тылу егерей, непріятель же, переправясь черезъ рѣку и не имѣя успѣха въ прорывѣ, рѣшился, наконецъ, во что бы ни стало, оный совершить; итакъ, въ 10-ть часовъ утра сформировалъ колонну кавалеріи, вмѣщая въ оную всѣ чины, начавъ отъ генерала и до солдата, кого только способнымъ нашли къ сему предпріятію; вслѣдъ же за сей кавалерійской колонной, построилась колонна пѣхоты съ артилеріею.

Адмиралъ *Чичаговъ* прибылъ съ арміею въ 9 часовъ къ Стахову, терялъ напрасно время устройствомъ въ боевой порядокъ своей арміи; напослѣдокъ, на ежеминутныя требованія генералъ-маіора *Чаплица* помощи пѣхоты и артилеріи, послалъ двѣ дивизіи, 9-ю и и 18-ю, подчинивъ оныя начальнику своего штаба, генералъ-лейтенанту *Сабанѣеву*, который долженъ только былъ въ колоннахъ слѣдовать къ мѣсту сраженія, занять высоты, которыя еще были въ рукахъ нашихъ егерей, и поставленными батареями уничтожить покушеніе непріятеля къ прорыву. Но потерянный часъ времени доставилъ непріятелю время построиться, какъ прежде сказалъ, въ колонны и сдѣлать сильную атаку на одинъ пунктъ. Пробившись сквозь линію егерей, бросился на оныхъ съ кавалеріею и наносилъ жестокіе удары.

Въ эту минуту генералъ-лейтенантъ Сабанѣевъ, приближаясь съ своими дивизіями къ мѣсту сраженія, слишкомъ заблаговременно разсыпалъ въ стрѣлки болѣе половины числа сихъ дивизій. Непріятель же, поражая упорствующихъ и отлично храбрыхъ, но слабыхъ егерей, когда увидѣлъ сближающіяся массы, бросился на оныя съ отчаянною яростію, но сказанныя дивизіи, вмѣсто чтобы дать отпоръ, были объяты какимъ-то ужасомъ и поворотились бѣжать.

Неустрашимость и присутствіе генераловъ удержали и устроили сіи войска въ должный порядокъ, а болѣе способствовалъ къ сему генералъ-маіоръ Чаплицъ, бросившись лично съ 2-мя эскадронами *Павлоградскихъ* гусаровъ и опрокинувъ непріятельскую кавалерій-

скую колонну, почти истребилъ всю, но Наполеонъ жертвой сей открылъ путь къ Зембину. Маршалъ *Удино*, пользуясь симъ временемъ, вступилъ въ бой, который сдѣлался кровопролитнѣйшимъ; огонь жестокій продолжался до 11 часовъ ночи. Артилерія, какъ непріятельская, такъ и наша, дѣйствовала только на большой дорогѣ, и непріятель, прикрывшись корпусомъ маршала Удино, съ остальными поспѣшно отступалъ на Зембинъ. При прорывѣ же непріятеля до 600 человѣкъ егерей, бывшихъ на лѣвомъ флангѣ и полковъ 9-й и 18-й дивизіи, отрѣзано и взято въ плѣнъ.

Войска арміи *Чичагова* только пѣхоты часть половинной была въ дѣлѣ и по 4 орудія артилерійскихъ на дорогѣ дѣйствовали. Кавалерія же, кромѣ *Павлоградскаго* гусарскаго полка, была въ бездѣйствіи, равно и авангардъ большой дѣйствующей арміи съ войсками атамана *Платова*. А какъ лѣсъ такой рѣдкій между Стаховымъ и Зембиномъ, что можно было съ выгодой двигать колонны пѣхоты и даже кавалеріи и во всякомъ мѣстѣ дѣйствовать артилеріей и хотя генералы, гр. *Ланжеронъ*, *Воиновъ* и *Чаплицъ*, требовали у адмирала войскъ для сдѣланія сильнаго натиска, но на сіе не послѣдовало его согласія и даже мѣсто сраженія не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ, оставаясь въ дер. Стаховѣ.

Примѣчанія. Непростительны адмиралу Чичагову сдѣланныя столь важныя ошибки въ военныхъ соображеніяхъ:

1) Что по взятіи г. Борисова перешелъ на лѣвую сторону р. Березины, оставя за собой и имѣя впереди дефилеи и что 11-е ноября почти самъ способствовалъ своему пораженію, не подкрѣпляя авангардъ, который не могъ противустать сильному непріятелю; послѣдствіемъ сего было безпорядочное отступленіе пѣхоты, потеря обозовъ, всѣхъ раненыхъ и отрѣзанными были три полка егерскихъ и до трехъ тысячъ кавалерійскихъ фуражировъ, которые, однако же, случайно спаслись. А болѣе всего сіе несчастное событіе навлекло на войско какое то уныніе, котораго прежде никогда не ощущали, пріобыкши только побѣждать.

2) Что адмиралъ Чичаговъ 13-го числа пошелъ къ дер. Шебашевичи, уже зная, что непріятель при Ухолодѣ и Бриловѣ дѣлаетъ приготовленія къ переправѣ, а потому онъ и долженъ былъ остаться при Борисовѣ, дабы быть въ центрѣ обоихъ сихъ пунктовъ; уповательно онъ сіе движеніе предпринялъ, дабы поставить себя на флангѣ непріятельской арміи, полагая, что ежели непріятель сдѣлаетъ прорывъ при

Ухододѣ или Брилевѣ, то навѣрное пойдетъ черезъ Минскъ къ Несвижу для соединенія съ арміей князя *Шварценберга*, ибо того же числа самъ, тронувшись къ Шебашевичамъ, приказалъ генералъ-маіору *Чаплицу* съ отрядомъ отъ дер. Стахова прибыть къ Борисову, а тѣмъ самымъ Зембинскую дорогу оставилъ безъ малѣйшаго вниманія и мосты трехсотъсаженные на рѣчкѣ Гайнѣ остались неистребленными въ пользу непріятеля.

3) Ежели бы адмиралъ 14-го числа, получа донесеніе отъ генералъ-маіора *Чаплица* о точной переправѣ непріятеля при Бриловѣ, сейчасъ бы рѣшился идти со всей арміей ему на помощь, то бы довольно имѣлъ времени 15-го числа атаковать утромъ слабаго непріятеля, подавить онаго и, истребя Зембинскіе мосты, поставить сильный отрядъ въ Зембинѣ, а болѣе, чтобы имѣть вольное сообщеніе съ крѣпостью Бобруйскою и корпусомъ генерала *Эртеля.*

4) Препятствовать построенію новыхъ мостовъ. Ежели бы непріятель обратился бы къ Минску, то долженъ былъ преодолѣть отъ натуры крѣпкую позицію при дер. Стаховѣ, передъ которою болѣе ста саженей широты болото, и протекающая рѣчка служила бы оплотомъ важнѣйшимъ для арміи, защищавшей переходъ. И такимъ бы образомъ переправясь непріятель черезъ рѣку Березину еще долженъ бы былъ предпринять другой прорывъ, который навѣрно, полагать можно, былъ бы сопряженъ съ гораздо важнѣйшими невыгодами, какъ переправа рѣки Березины, ибо обѣ позиціи, Зембинская и Стаховская, были самыя для насъ выгодныя. Ежели бы онъ взялъ направленіе между рѣчекъ Гайной и Болотистой, текущей при Стаховѣ къ дер. Антонополь, то бы вошелъ въ непроходимые болота и лѣса, а симъ самымъ ископалъ бы себѣ гробъ, ибо съ избыткомъ была армія его разстроена, духъ потерянъ, морозы сдѣлались довольно чувствительны и совершенный голодъ поглощалъ его армію. Ежели бъ *Чичаговъ* занималъ сіи двѣ позиціи, отъ натуры крѣпчайшія, какъ впредь сказалъ, при Зембинѣ и Стаховѣ, то задержаніемъ выигралъ бы нѣсколько дней. Сближалась бы большая дѣйствующая армія и корпусъ генерала *Витгенштейна* и неминуемо дерзкій *Наполеонъ*, съ остатками своей арміи, остался бы въ нашихъ рукахъ, или погибъ бы отъ голода и морозовъ, которые доходили до 15-ти градусовъ.

Изъ записокъ И. К. Арнольди о 1812 годѣ.

Наѣздъ на Слонимъ и плѣненіе польскаго генерала Конопки. — Березинская переправа.

Авторъ описанія набѣга на Слонимъ и Березинской переправы, сенаторъ, генералъ отъ артиллеріи, Иванъ Карловичъ Арнольди, одинъ изъ выдающихся боевыхъ артиллерійскихъ генераловъ прошлаго вѣка, родился въ 1782 г. въ семьѣ Курляндскихъ дворянъ. Получивъ образованіе въ Кадетскомъ корпусѣ, онъ въ 1799 г., на 17 году отъ роду, выпущенъ подпоручикомъ въ Спб. полевой артиллерійскій баталіонъ, откуда въ слѣдующемъ году переведенъ въ 1-й Арт. полкъ, а въ 1803 году: во 2-й Конно-арт. баталіонъ въ Шкловѣ. Въ началѣ 1806 года онъ зачисленъ въ 5-ую Артиллерійскую бригаду съ назначеніемъ въ роту генералъ-маіора Богдановича, а вскорѣ затѣмъ назначенъ адъютантомъ къ будущему герою Бородина генералъ-маіору графу Кутайсову. Замѣченный начальствомъ молодой Арнольди уже въ то время выполняетъ различныя возлагаемыя на него хозяйственныя порученія, неоднократно сберегая казнѣ значительныя суммы.

Свое боевое поприще И. К. Арнольди началъ въ кампанію 1805 года и въ слѣдующемъ году обратилъ на себя вниманіе выдающеюся храбростью, въ кровопролитномъ Прейсишъ-Эйлаусскомъ сраженіи, за которое награжденъ золотымъ знакомъ на Георгіевской лентѣ. Въ 1809 году онъ назначенъ въ распоряженіе тогдашняго инспектора всей артиллеріи, барона Меллеръ-Закомельскаго, по порученію котораго неоднократно занимался формированіемъ новыхъ артиллерійскихъ частей, преимущественно конныхъ ротъ при артиллерійскихъ бригадахъ, проявивъ въ этой дѣятельности выдающіяся организаторскія способности.

Одною изъ такихъ вновь сформированныхъ ротъ, а именно 13-ю конною, Арнольди, въ чинѣ капитана, командовалъ въ достопамятную Отечественную войну и съ нею же совершилъ походы 1813 и 1814 гг.—Въ октябрѣ 1812 года, находясь въ авангардномъ отрядѣ П. П. Чаплица, Арнольди участвуетъ въ смѣломъ набѣгѣ этого генерала на Слонимъ, во время котораго уничтоженъ былъ только что сформированный польско-литовскій гвардейскій уланскій полкъ и взятъ въ плѣнъ командовавшій имъ генералъ Конопка... Здѣсь, въ 25 верстахъ отъ Слонима, во главѣ небольшого кавалерійскаго отряда изъ 100 Павлоградскихъ гусаръ и полусотни казаковъ, конно-артиллеристъ Арнольди, съ лихостью истаго кавалериста, нагоняетъ отдѣлившійся отъ полка Конопки отрядъ уланъ, захватываетъ въ плѣнъ 200 нижнихъ чиновъ, 2-хъ офицеровъ и отбиваетъ полковую кассу въ 200,000 франковъ золотомъ.

Въ ноябрѣ 1812 года, на берегахъ Березины, Арнольди является однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ финальнаго акта великой драмы 1812 года. Для наблюденія Березинскаго побережья отъ Стахова до Зембина, изъ войскъ авангарда Чаплица составляется особый отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Корнилова. Въ отрядъ этотъ, состявшій изъ 2-хъ егерскихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, эскадрона Волынскихъ уланъ и 2-хъ казачьихъ полковъ, вошла и 13-я конная рота Арнольди. Остатки разстроенной, но все еще грозной обаяніемъ Наполеона Великой арміи, сосредоточились у Студянки и съ храбростью отчаянія рѣшили проложить себѣ дорогу черезъ полузамерзшую рѣку. На слабый отрядъ Корнилова обрушился первый ударъ французовъ. Въ мѣстечкѣ Брили, на болотистомъ поросшемъ лѣсомъ правомъ берегу Березины, противъ Студянки, по обѣимъ сторонамъ небольшой площадки, Арнольди съ трудомъ размѣстилъ четыре конныхъ орудія, снаряды которыхъ однако не достигали лѣваго берега. Между тѣмъ на высотахъ лѣваго берега французы выставили батарею изъ 40 орудій большого калибра и огонь ихъ сталъ осыпать ядрами роту Арнольди. Молодой капитанъ трое сутокъ дрался на берегахъ Березины, потерявъ убитыми и ранеными людей и лошадей болѣе чѣмъ наполовину, причемъ, по выраженію автора, 13-я рота «отбыла эту адскую пытку въ шесть смѣнъ, т. е. каждыя два орудія дѣйствовали не долѣе получаса, оканчивая обыкновенно полнымъ истребленіемъ себя». Въ Стаховскомъ бою 16 ноября рота Арнольди и прибывшія къ нему на помощь три другія роты были совершенно уничтожены.

Наградою за эту выдающуюся храбрость былъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Продолжая командовать тою же конной ротой въ походѣ 1813 года, Арнольди особенно отличился въ дѣлѣ подъ крѣпостью Торгау, за что награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени и прусскимъ орденомъ «За заслуги». Въ Лейпцигскомъ сраженіи онъ тяжело раненъ въ лѣвую ногу, что однако же не помѣшало ему еще въ теченіе 6-ти часовъ руководить дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и только послѣ того, какъ онъ вторично былъ раненъ въ ту же ногу ниже колѣна,—онъ передалъ командованіе ротой другому. Чинъ полковника и шведскій орденъ Меча, возложенный на него на полѣ сраженія самимъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, были наградою за его мужество. Въ 1814 году, въ чинѣ полковника, онъ принимаетъ участіе въ походѣ и послѣ Ватерлооскаго сраженія, извѣстіе о которомъ пріостановило дѣйствія русскихъ войскъ, онъ вернулся въ Россію. Произведенный въ генералъ-маіоры и занимая послѣдовательно должности командира гвардейской конной артилеріи, начальника артилеріи 4-го резервнаго корпуса и начальника артилеріи военныхъ поселеній Херсонской и Екатеринославской губерній, Иванъ Карловичъ снова выступаетъ на боевомъ поприщѣ въ турецкую войну въ 1828 и 1829 гг. и за сраженіе подъ Кулевчею, близъ Шумлы, въ которомъ отбиваетъ у непріятеля 43 орудія, 11.000 ружей, 2,000 плѣнныхъ и многочисленный обозъ,—награждается орденомъ св. Анны 1-й степени.

Послѣ заключенія Адріанопольскаго мира И. К. Арнольди назначенъ состоять при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ; въ 1834 году—начальникомъ конно-артилерійскаго резерва; въ 1835 г. производится въ генералъ-лейтенанты и въ 1841 году назначается начальникомъ Артилеріи по части инспектора резервной кавалеріи. Высоко цѣня боевыя заслуги Арнольди, Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ его чиномъ генерала отъ артилеріи и въ 1852 году назначилъ сенаторомъ, съ зачисленіемъ по полевой конной артилеріи. И. К. Арнольди скончался въ 1860 году въ преклонномъ 78-ми лѣтнемъ возрастѣ.

Въ своихъ запискахъ Арнольди является безусловнымъ защитникомъ адмирала Чичагова. По его мнѣнію, удержать переправу французской арміи, при наличныхъ силахъ адмирала, было дѣломъ совершенно невозможнымъ, при томъ же по мнѣнію И. К., Чичаговъ дѣйствовалъ по указанію фельдмаршала и на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Витгенштейна, дѣйствія котораго онъ подвергаетъ жестокой критикѣ. *К. В.*

Письмо И. К. Арнольди къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Вотъ вамъ, любезный другъ, Александръ Ивановичъ, описаніе Березинской переправы и наѣзда на Слонимъ. Не взыщите, если не вполнѣ удовлетворяю васъ, какъ историка этой эпохи.

Всѣ мои записки о 1812 годѣ, вмѣстѣ съ книгами, за неимѣніемъ всегда помѣщенія въ кочевой жизни моей, простоявъ по этой причинѣ въ Воронежѣ болѣе года въ ящикахъ въ амбарѣ, отправлены въ прошломъ году въ деревушку мою подъ Одессъ(?) и потому все, что написалъ теперь, извлекъ большею частію изъ памяти, а какъ мнѣ уже стукнуло пятьдесятъ, то быть можетъ, что она въ чемъ либо измѣнила на этотъ разъ.

Подробности, которыя встрѣтите въ этомъ описаніи, собственно меня касающіяся,—сообщаю не для историка, а другу, увѣренъ будучи, что и самыя малости въ общемъ, такихъ исполинскихъ происшествій, какъ 1812 годъ, прочтетъ онъ на досугѣ не безъ удовольствія? Выберите изъ разсказа моего все, что стоитъ и должно войти въ исторію, сохраните остальное у себя на память въ знакъ дружбы; мнѣ пріятно будетъ думать иногда, что и вамъ извѣстно о той лептѣ, которая положена мною на алтарь отечества, въ годину его бѣдствій и вмѣстѣ торжества. Вы желаете, чтобы я сообщилъ вамъ описаніе 2-хъ или 3-хъ дней до переправы: въ тетради моей найдете это гораздо далѣе назадъ, и именно отъ взятія Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія; о томъ, что я дѣлалъ во время переправы и сраженія при Стаховѣ,—написалъ кажется и болѣе даже, чѣмъ скромность дозволяла, наконецъ, о преслѣдованіи найдете не только до Вильны,—какъ вы хотѣли,—но и до Нѣмана; въ этихъ 3-хъ вопросахъ заключалось ваше требованіе.

Служеніе мое въ 1812 году было такъ чисто, съ такимъ усердіемъ, съ такимъ безотчетнымъ самоотверженіемъ, что врядъ ли кто тогда, изъ всѣхъ вообще русскихъ, дѣйствовалъ съ большимъ противъ меня самопожертвованіемъ. Слѣдственно вы поймете, отъ чего съ такою жаждою силился передать вамъ въ запискахъ моихъ, все что собственно до меня касалось, а понявъ это чувство— вамъ легко будетъ извинить мою словоохотливость.

О полученіи вами моей рукописи, подарите меня, любезнѣйшій другъ, нѣсколькими строками, помѣтивъ между ними откровенное ваше сужденіе объ ней, и можете ли успѣть нѣкоторымъ образомъ въ исполненіи моей просьбы.—Прощайте,

Съ душевною преданностію неизмѣнный *И. Арнольди.*

Саратовъ, 23 августа 1857 г.

Наѣздъ на Слонимъ въ 1812 году и плѣненіе польскаго генерала Конопки.

Послѣ соединенія въ 1812 году Чичагова съ 3-ю Западною арміею, по приходѣ его въ Брестъ-Литовскъ, когда корпуса Шварценберга и Ренье раздѣлены были движеніями его арміи (отбросивъ перваго за Бугъ и пошедшаго на селенія Яново и Константиновъ къ Венгрову; и другого по лѣвому берегу рѣки, на селенія: Волчинъ, Немировъ и Мельники къ Дрогочину) отправили два отряда для истребленія непріятельскихъ провіантскихъ запасовъ, депо и формирующихся какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, такъ и въ Литвѣ, разныхъ частей войскъ; одинъ подъ начальствомъ графа *Ламберта* пустился по дорогѣ къ Варшавѣ, и не дошелъ только двухъ переходовъ до нея, а другой подъ командою генералъ-маіора *Чаплица*—въ Слонимъ. Послѣдній состоялъ изъ полковъ: 28-го и 32-го Егерскихъ, Павлоградскаго гусарскаго, двухъ казачьихъ (*Дячкина* и *Поздѣева*) и конной № 13 капитана *Арнольди* роты. Отъ Бреста до Слонима, самымъ прямымъ и кратчайшимъ трактомъ на Кобринъ и Картузъ-Березу 160 верстъ, а ежели изъ Картузъ-Березы повернуть черезъ Ружаны, то будетъ 170 верстъ, куда и направился отрядъ Чаплица, пройдя до Картузъ-Березы 91 версту въ 3 дня, а отъ Картузъ-Березы до Слонима остальныя 79 верстъ въ теченіи однѣхъ сутокъ съ небольшимъ роздыхомъ, принаровивъ приходъ свой туда на разсвѣтѣ 8-го октября. Въ Слонимѣ формировался въ это время *гвардейскій уланскій полкъ* подъ начальствомъ генерала *Конопки.* Онъ былъ совсѣмъ уже готовъ и состоялъ изъ 2,000 отличныхъ нижнихъ чиновъ, при 40 кажется оберъ и около 10-ти штабъ-офицерахъ; въ числѣ штабъ-офицеровъ было много самыхъ отличныхъ, служившихъ въ Гишпаніи и пріобрѣвшихъ у развалинъ Сарагоссы и въ другихъ мѣстахъ громкую извѣстность по своей храбрости. Квартировавъ въ 1808, 1809 и 1810 годахъ въ званіи адъютанта при графѣ *Кутайсовѣ* въ Слонимѣ и Несвижѣ, я имѣлъ совершенныя понятія, какъ объ окружныхъ мѣстностяхъ этихъ обоихъ городовъ, такъ и о ихъ собственномъ расположеніи внутри; почему *отъ Ружанъ и поручилъ мнѣ генералъ-маіоръ Чаплицъ вести колонну войскъ его, а по приходѣ предъ разсвѣтомъ подъ Слонимъ, отдѣливъ часть ихъ подъ особенное мое начальство, предоставилъ мнѣ подойти чрезъ поля и огороды, сколь можно тихо къ дому, занимаемому генераломъ Ко-*

нопкой, и схватить его вмѣстѣ съ семействомъ. Зная даже имена хозяевъ огородовъ, чрезъ кои мнѣ надо было идти, я пробрался безъ малѣйшаго затрудненія до самаго дома и какъ уже стала заниматься заря, то крайне удивился, не видя ни движенія въ домѣ, ни караула около его, или по крайности часового у крыльца. Бросившись однако съ нѣсколькими бывшими у меня гусарами къ самымъ дверямъ, я тутъ только узналъ, что никого уже не было, и по разспросѣ пойманнаго дворника, удостовѣрился, что *Конопка*, бывъ извѣщенъ за нѣсколько времени до насъ о нашемъ приходѣ, вѣроятно жидомъ какимъ,—выпроводилъ за часъ, не долѣе, предъ нами свою жену, жену *Домбровскаго*, тутъ же бывшую и *Заіончека* тожъ, по дорогѣ къ Гродно на Дерегинъ; самъ собравъ полкъ, потянулся недавно только чрезъ Дзенціолы по дорогѣ къ Вильно, и что по той дорогѣ, гдѣ поѣхали дамы въ каретахъ, отправлена также касса, и какъ при ней, такъ и въ конвоѣ у генеральшъ до 250 уланъ при 4-хъ офицерахъ. Пославъ обо всемъ этомъ сказать генералу *Чаплицу*, и зная, что за ушедшимъ полкомъ пошлютъ казаковъ, съ коими не угоняешься и навѣрное отстанешь, я увѣдомилъ его тогда же, что *отправляюсь съ 150 человѣками по дорогѣ, куда пошла касса и взявъ изъ своей части войска 100 человѣкъ Павлоградскихъ гусаръ и 50 казаковъ, поскакалъ по дорогѣ въ Дерегинъ*, въ верстахъ 15-ти отъ Слонима. Не доѣзжая верстъ восьми селенія Галынка, *нагналъ я уланъ въ лѣсу съ кассою*: уланы, выстроившись, сколько широта дороги позволяла, ожидали меня, отправивъ однакожъ кассу впередъ съ прикрытіемъ около 25-ти человѣкъ. Я также остановился, чтобъ оправиться и дать поравняться отставшимъ сзади и потомъ тронулся съ мѣста шагомъ, дабы подойти на небольшое разстояніе и ударить фронтомъ. Маршъ, маршъ! Только что скомандовалъ я это, какъ уланы, заѣхавъ по три налѣво кругомъ, пустились во всѣ лопатки, у кого куда глаза глядятъ. Догоняя ихъ на этомъ побѣгѣ, *забралъ я 200 человѣкъ нижнихъ чиновъ, двухъ офицеровъ и кассу, застигнутую мною за 23 версты подъ селеніемъ Галынка, около самой уже рѣчки*, вытекающей изъ рѣки Щары, чрезъ кою у этого селенія ходитъ паромъ и который только что присталъ на ту сторону и съ коего свезли два экипажа. Въ нихъ были: г-жи *Домбровская* и *Конопкина*, а *Заіончекова* переѣхала нѣсколько прежде. Дѣлать было нечего. Счастье и ночной 65-ти-верстный переходъ спасли дамъ, а то врядъ ли бы уйти имъ. Между тѣмъ какъ я былъ въ этой экспедиціи, *Чаплицъ* со всѣми казаками и Павлоградскими гусарами, нагналъ полкъ и по незначи-

тельной стычкѣ обратилъ его въ бѣгство; догонялъ потомъ такимъ же образомъ, какъ и я своихъ; самого Конопку догналъ казачій урядникъ *Дячкинъ* и ранивъ его пикою, взялъ въ плѣнъ. Убило весьма немного, кажется, человѣкъ съ 100 нижнихъ чиновъ и два офицера, остальные всѣ взяты и между ними довольно раненыхъ. Кассу и плѣнныхъ представилъ я генералъ-маіору Чаплицу; въ ней оказалось до 200 тысячъ франковъ; со мною былъ въ это время и раздѣлялъ всѣ труды корнетъ *Алферьевъ*, теперь генералъ-лейтенантъ, бывшій тогда адъютантомъ у Чаплица; съ нимъ мы были нераздѣльны почти въ 1812 году. Въ Слонимѣ дождались арміи Чичагова, когда она двинулась къ Березинѣ.

Березинская переправа.

Въ Отечественную 1812 года войну, послѣ соединенія 2-й арміи съ Молдавскою, подъ Луцкомъ, за рѣкою Стырь,—изъ оборонительнаго положенія перешла она въ наступательное, и непріятель въ свою очередь сталъ ретироваться; Главная квартира, дойдя въ этомъ видѣ до Бреста-Литовскаго, остановилась тамъ, и отряды ея, пользуясь раздѣленіемъ корпусовъ Шварценберга и Ренье—проникли съ одной стороны почти до стѣнъ Варшавы, а съ другой по дорогѣ на Минскъ до Слонима, чѣмъ и очищенъ былъ путь арміи подойти ближе къ центру дѣйствій всѣхъ нашихъ силъ.

Отъ Слонима, по приходѣ туда авангарда подъ начальствомъ графа Ламберта, отдѣльный отрядъ генералъ-маіора Чаплица, занявшій напредъ сего Слонимъ съ бою, и остававшійся тамъ до прихода изъ-подъ Бреста графа Ламберта, отошелъ влѣво отъ большой дороги, идущей въ Минскъ, и слѣдовалъ отъ оной въ разстояніи добраго перехода на одной высотѣ съ авангардомъ, до самого Несвижа, гдѣ и выждалъ прихода по Минской дорогѣ всей 2-й арміи, оставивъ отсель уже аріергардъ ея; идя однакожъ все по лѣвой сторонѣ большого тракта, для прикрытія отъ стороны Вильны тяжестей арміи и малыхъ командъ, по оному идущихъ къ своимъ частямъ войскъ; въ такомъ положеніи отрядъ прибылъ къ Борисову въ то самое время, когда послѣ взятія предмостнаго Борисовскаго укрѣпленія съ 8-ю въ немъ орудіями, командованіе надъ авангардомъ 2-й арміи, по случаю полученной въ этомъ дѣлѣ графомъ Ламбертомъ раны, отдано было подъ начальство графа Павла Палена и коего въ сію минуту тѣснили встрѣтившіяся съ нимъ на лѣвой сторонѣ Березины на переходъ отъ Борисова, передовыя вой-

ска корпуса маршала Виктора, отступавшія сами чрезъ Лепель къ Борисову, послѣ пораженія ихъ графомъ Витгенштейномъ при Полоцкѣ; нечаянное появленіе непріятеля во флангѣ и въ тылу даже авангарда, — обратило его со всею поспѣшностію назадъ къ Борисову, причемъ и сдѣлалась суматоха, превратившаяся потомъ въ величайшій безпорядокъ. Войска спасались, кто какъ могъ, въ Борисовѣ была Главная квартира арміи, суета сдѣлалась тамъ ужасная при появленіи тамъ авангарда и съ нимъ вмѣстѣ на плечахъ почти непріятеля. Главнокомандующій тотчасъ обратно переѣхалъ за рѣку на правый ея берегъ, и мостъ былъ сожженъ; отъ этого нѣкоторыя части войска изъ авангарда, не успѣли перейти рѣку, и очутились отрѣзанными; они должны были идти на удачу въ разныя стороны, держась ближе къ берегу, для отысканія возможности переправиться; наступившая темнота способствовала къ этому многимъ изъ нихъ, и тѣмъ спасла отъ неминуемаго плѣна; по появленіи такимъ образомъ непріятельскихъ войскъ на Березинѣ у Борисова, не было уже никакого сомнѣнія о намѣреніи ихъ искать переправы около этихъ мѣстъ, но гдѣ именно, предоставлялось угадать опытности; вслѣдствіе чего составленъ былъ отрядъ изъ авангарда генералъ-маіора Чаплица, собранный изъ полковъ: 28-го и 32-го егерскихъ, Павлоградскаго гусарскаго, 200 уланъ Волынскихъ, 2-хъ казачьихъ полковъ (одинъ Мельникова, а другого не упомню) и конно-артилерійской № 13-го капитана Арнольди роты; отрядъ сей порученъ былъ генералъ-маіору Корнилову, и ему назначили наблюдать влѣво отъ Борисова, верхъ Березины, по дорогѣ черезъ селеніе Стахово къ Зембину, дабы на этомъ пространствѣ, ежели непріятель вздумаетъ переправляться, недопустить его къ тому, сколько возможность позволитъ, или по крайней мѣрѣ затруднить переправу всѣми средствами. Въ ту же ночь, т. е. съ 9-го на 10-е ноября, отрядъ выступилъ изъ-подъ Борисова и пошелъ густымъ лѣсомъ по дорогѣ къ Зембину, пройдя селеніе Стахово версты съ 4, и не дойдя до Зембина верстъ съ семь, остановился онъ почти противъ селенія Брили, *находящагося на другой сторонѣ рѣки* [1]), будучи заслоняемъ и отдаляемъ въ томъ мѣстѣ отъ нея большимъ пространствомъ значительной густоты лѣса; на другой день, предъ разсвѣтомъ, казаки были посланы въ Зембинъ, оттудова небольшая партія должна была переправиться на ту сторону и занять Брили; другимъ велѣно наблюдать противъ Зембина и по берегу влѣво отъ него; въ ночь съ 11-го на 12-е число постъ съ

[1]) Гайны, отдѣляющей Брили отъ Зембина?

той стороны изъ Брили далъ знать, что не вдалекѣ отъ селенія показалась значительная партія непріятелей и опять скрылась, а 12-го съ разсвѣтомъ снова тотъ же постъ увѣдомлялъ о приходѣ уже туда значительнаго числа пѣхоты, кавалеріи и артилеріи какъ равно и о томъ, что вслѣдствіе сего партія очистила Брили и перешла на эту сторону; изъ Зембина получены были такія же вѣсти, что напротивъ ихъ появились на той сторонѣ отряды непріятельской кавалеріи и части пѣхоты, почему обо всемъ этомъ послано немедленно донесеніе къ главнокомандующему, съ увѣдомленіемъ при томъ, что сколько можно видѣть съ этой стороны, то войска непріятельскія прибываютъ все къ Брили, слѣдственно надо предполагать въ томъ какое либо намѣреніе. 13-го опять увидѣли приходъ новыхъ войскъ и необыкновенное между ними движеніе, даже явственно сталъ слышенъ стукъ какъ будто чего-то срубливаемаго, о чемъ и въ этотъ день послано также генералъ-маіоромъ Корниловымъ донесеніе къ главнокомандующему, бывшему тогда, кажется, въ 2-хъ переходахъ за Борисовымъ вдоль Березины, и ежели не ошибаюсь, то именно въ мѣстечкѣ Березинѣ. 14-го, по утру, рано всматриваясь въ трубу, я первый увидѣлъ сносимые и свозимые на берегъ противъ насъ: лѣса, хворостъ и солому, и множество стоящихъ около того мѣста чиновниковъ, потомъ далѣе, на значительной высотѣ отъ этого пункта, по лѣвой сторонѣ селенія Брили (Студенки), на всей горѣ и почти надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ складывались лѣса и хворостъ, насчиталъ я 40 стоящихъ орудій, послѣ этого нельзя уже было имѣть и малѣйшаго сомнѣнія, что переправа пріуготовляется именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ; и потому въ ту же почти минуту былъ опять отправленъ нарочный къ адмиралу Чичагову съ извѣщеніемъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, но не успѣлъ онъ отъѣхать и 3-хъ верстъ, какъ поскакалъ другой вслѣдъ за нимъ, что непріятель приступилъ къ формальной уже постройкѣ моста, ибо онъ дѣйствительно тогда же и началъ это.

Мѣстоположеніе нашей стороны было низменное и отъ берега рѣки до дороги, думаю, болѣе полуверсты разстоянія—все болото, къ тому же вплоть къ рѣкѣ, по обѣимъ сторонамъ небольшой площадки, на которой съ трудомъ можно было поставить 4 орудія, примыкалъ густой лѣсъ. Я поспѣшилъ, какъ только увидѣлъ несомнѣнныя приготовленія къ переправѣ, поставить немедленно туда 4 орудія, думая вредить по крайней мѣрѣ по мосту, когда доведутъ его до середины рѣки и бить на немъ работниковъ, ежели ужъ нельзя было дѣйствовать изъ легкихъ орудій за отдаленностью на

тотъ берегъ, съ мѣста, гдѣ онѣ стояли. Подвинуть же ихъ ближе къ берегу для сокращенія разстоянія, еще менѣе можно было о томъ думать, по причинѣ болота. Когда постройка моста началась уже со всею дѣятельностью и все ясно стало быть видимо, хотѣлъ я испробовать, не долетятъ ли можетъ быть какимъ нибудь образомъ ядра до того берега? А ежели не долетятъ, то гдѣ именно лягутъ онѣ, чтобъ знать навѣрное, когда можно начать стрѣльбу съ существеннымъ вредомъ для непріятеля. Для этого, наведя самъ орудія, началъ дѣйствіе, но едва былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ, какъ насъ привѣтствовала съ горы 40-орудійная батарея, засыпавшая всѣхъ съ ногъ до головы ядрами и землею. Люди и лошади повалились, *мнѣ осталось полное убѣжденіе, что нѣтъ никакой возможности помѣшать переправѣ, а тѣмъ менѣе дѣйствовать съ этого пункта артилеріею, выстрѣлы коей ложатся только что по серединѣ рѣки, тогда какъ непріятельскіе, бывъ большаго гораздо калибра и брошены съ значительной высоты, могли бить насъ по одиночкѣ на выборъ, какъ изъ ружья.* Только что помѣнялся я этою мыслію съ генералъ-маіоромъ Корниловымъ, какъ вдругъ съ лѣвой стороны дороги изъ Зембина, прискакалъ казачій офицеръ съ донесеніемъ, что непріятельская кавалерія въ значительномъ весьма числѣ переправляется въ бродъ прямо противъ Зембина, и потому оба полка (казачьи) отступаютъ къ отряду; и дѣйствительно вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ явственны стали ружейные выстрѣлы и крики французовъ. Какъ все пространство отъ Борисова до Зембина, и далеко еще за онымъ, покрыто по обѣимъ сторонамъ дороги густымъ лѣсомъ, то и послана была немедленно наша пѣхота для задержанія натиска непріятельской кавалеріи, а артилерія моя, вмѣсто безполезнаго дѣйствія за рѣку, пріуготовилась на томъ же мѣстѣ встрѣтить непріятеля вдоль по дорогѣ съ лѣвой ея стороны. Казаки примкнули къ намъ, *и съ этой минуты должно считать переправу французовъ чрезъ Березину вполнѣ утвердившеюся.* Вольтижеры французскіе и перевезенная кавалеріею пѣхота, разсыпались во множествѣ по лѣсу и тѣснили уже нашу пѣхоту, между тѣмъ какъ такая же колонна подвигалась по дорогѣ. Въ этомъ только мѣстѣ, гдѣ я стоялъ въ лѣсу, можно было помѣстить 4 орудія въ линію, а впрочемъ дорога такъ узка, что съ трудомъ устанавливались два орудія въ рядъ. Непріятель увеличивался все болѣе и болѣе, работы около моста шли быстро впередъ, удержать переправы и прежде, до перехода французовъ у Зембина, не было никакой возможности, а съ той минуты, какъ тамъ пере-

правилась кавалерія и перевезла съ собой пѣхоту, продолжая это какъ видно и теперь все еще, было бы безразсудно со стороны генералъ-маіора Корнилова оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ, подвергаясь къ тому еще губительнымъ выстрѣламъ съ боку изъ 40 орудійной батареи, не имѣя между тѣмъ возможности платить ей той же монетою. *Въ такомъ крайнемъ положеніи рѣшился этотъ храбрый генералъ отступать шагъ за шагомъ, удерживая непріятеля на каждомъ, сколько силы дозволятъ.* Когда показались первые переправившіеся у Зембина французы, то было съ небольшимъ за полдень, и съ той минуты до ночи, отступилъ отрядъ отъ занимаемой имъ утромъ позиціи, не болѣе $1^3/_4$ версты, продавая всякую пядень земли дорогою цѣною; дойдя же въ этомъ отступленіи до новой площадки въ густомъ лѣсу, я тотчасъ воспользовался ею и *поставилъ* уже столь часто, какъ только возможно было, *всѣ 12 орудій, и началъ дѣйствовать изъ нихъ во всѣ стороны съ быстротою, какая только могла быть произведена, что и продолжалось около 3-хъ часовъ;* такими лишь усиліями дѣйствій артилеріи и необычайною храбростію пѣхоты, вмѣстѣ со спѣшившимися казаками и частію кавалеріи, удержанъ былъ непріятель, и далѣе не сдѣлалъ ни шагу, несмотря на превосходство его силъ и то, что лѣзъ съ отчаянною дерзостію, отодвинувъ отрядъ сколь можно далѣе къ Борисову, и даже за Борисовъ, чтобъ имѣть двѣ дороги къ отступленію. Къ успѣшному удержанію въ этомъ мѣстѣ скопившагося къ вечеру въ значительномъ числѣ непріятеля, способствовало весьма много *неимѣніе у него артилеріи*, которая за неготовностію моста не могла быть перевезена ранѣе, какъ *передъ разсвѣтомъ только на 15-е число;* а у насъ, напротивъ, дѣйствовавшія 12 орудій причиняли ему значительный вредъ и были главною причиною, что войска отстояли со славою до глубокой ночи то мѣсто, до котораго дошли они; были однако же минуты, что наша пѣхота отодвигалась далеко назадъ въ лѣсъ за линію, на которой стояла артилерія, и стрѣлки французскіе въ кучахъ выступали впередъ къ опушкѣ онаго, производя со всѣхъ сторонъ сильную стрѣльбу по артилеріи; однѣ лишь вспышки на полкахъ ружей ихъ, указывали мѣсто, куда стрѣлять картечью, которая одна только давала пѣхотѣ нашей возможность вытѣснять ихъ снова за нашу линію. Одинъ разъ высыпали стрѣлки въ большомъ весьма числѣ и съ крикомъ бросились на батарею, къ счастію, въ прикрытіи были у меня тогда два эскадрона *Кинбурнскихъ драгунъ*, только что пришедшихъ изъ Борисова, и я закричалъ имъ спѣшиться, они исполнили это въ

минуту и открыли батальный огонь, я стрѣлялъ тоже картечью изъ орудій, и тѣмъ удержали непріятеля, рѣшившагося въ эту минуту завладѣть орудіями во чтобы то ни стало. Ночь прекратила бой, а утро освѣтило оба войска въ виду одно другого, и въ разстояніи ближе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Такъ прошелъ и весь день 15-го числа, никто не имѣлъ охоты начинать дѣла: мы были слишкомъ слабы для этого, хотя ночью подошли кой-какіе полки изъ Борисова, а французы спѣшили переправой, и потому довольны были, что ихъ не безпокоятъ. *Къ вечеру 15-го числа прибылъ главнокомандующій и бывшія съ нимъ войска, почему въ ту же ночь и собрались къ нему на совѣтъ всѣ генералы.* На этомъ совѣщаніи условились атаковать непріятеля на разсвѣтѣ 16-го числа по всей линіи, почему правый флангъ въ лѣсу отдали подъ начальство генералъ-маіора *Корнилова*, лѣвый также въ лѣсу,—генералъ-маіора *Мещеринова*, а центръ, то самое мѣсто на дорогѣ, гдѣ кончился бой 14-го числа, и гдѣ стояли и теперь мои орудія—генералъ-маіора *Рудзевича*; первый мой выстрѣлъ долженъ быть сигналомъ наступательнаго дѣйствія всей линіи. 16-го, рано очень, чуть стала заниматься заря, навелъ я среднія два орудія на стрѣлковые резервы, стоявшіе въ отдаленіи подъ лѣсомъ въ небольшихъ колоннахъ, и съ полетомъ этихъ двухъ ядеръ,—бой закипѣлъ на всемъ пространствѣ: колонки разсыпались, а стрѣлки и стоявшія на дорогѣ противъ меня, въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла, снятыя съ передковъ два орудія, повернулись тихо назадъ и пошли скорымъ, но не бѣглымъ шагомъ также къ лѣсу на присоединеніе къ своимъ резервамъ; я пустилъ во второй разъ нѣсколько картечь уже вмѣсто ядеръ и, зарядивши снова орудія, взялъ на передки и скомандовалъ впередъ. Дорога отъ того мѣста, гдѣ у опушки лѣса стояли французскіе стрѣлковые резервы, образуетъ тупой уголъ и поворачиваетъ вправо, идя отсель въ прямомъ уже направленіи до самой той позиціи, гдѣ съ 4-мя орудіями стоялъ я утромъ 14-го числа, когда началась переправа, и гдѣ прямо противъ этой переправы выходитъ небольшая площадка съ весьма незначительною песчаною возвышенностью, образовавшеюся отъ наноса песку; до сказаннаго поворота дороги, вся наша линія не встрѣтила ни выстрѣла и слѣдственно прошла это пространство весьма скоро; но только лишь повернули мои орудія за уголъ направо, какъ были осыпаны ядрами изъ стоявшихъ на помянутой возвышенности въ три ряда 9-ти орудій, т. е. по три въ каждомъ ряду, и стрѣлявшихъ одно черезъ другое, имѣя къ тому возможность по вышеупомянутой песчаной воз-

вышенности. Легкими моими 6-ти-фунтовыми орудіями я не могъ съ этого мѣста отвѣчать тѣмъ же, и потому подвигался впередъ на дистанцію, съ которой бы была польза открыть огонь; но не такъ-то легко было пройти полъ-версты разстоянія подъ градомъ ядеръ. *Пока дошелъ я, или лучше сказать пробѣжалъ эту тяжкую пытку—у меня не стало трети людей и лошадей, одного офицера и одного заряднаго ящика*, взлетѣвшаго на воздухъ; за всѣмъ тѣмъ однакожъ я поставилъ орудія тамъ, гдѣ хотѣлъ, и настойчивостію этою повлекъ за собою и пѣхоту нашу, которая видя, что по дорогѣ артилерія идетъ впередъ, бросилась къ лѣсу и сама въ ту же минуту съ крикомъ, попятивъ тѣмъ и всю непріятельскую линію; это переполошило французовъ, ибо могло лишить ихъ переправы и предать на той сторонѣ въ руки графа Витгенштейна, вѣроятно не менѣе половины не успѣвшихъ еще переправиться. Понявъ всю важность нашего натиска, послали они въ ту же секунду въ обѣ стороны лѣса сильныя подкрѣпленія и въ свою очередь осадили насъ; мы также получили помощь свѣжими войсками, и опять взяли верхъ, но и опять не дошли далѣе прежняго мѣста—такимъ образомъ *въ продолженіи цѣлаго дня дрались обѣ арміи въ лѣсу, разсыпавъ въ немъ съ обѣихъ сторонъ, конечно, не менѣе 75-ти тысячъ человѣкъ.* Французы лѣзли съ ожесточеніемъ и полные отчаянія, ибо дѣло шло не о мѣстѣ сраженія и отрѣзанія у насъ какой-либо части войска, а о участи значительнаго числа людей, погибающихъ на той сторонѣ безъ всякой возможности спастись, ежели только переправа на правомъ берегу рѣки останется за нами. При такомъ многократномъ напорѣ французовъ, когда наши подавались въ лѣсу назадъ, я оставлялъ тогда стрѣльбу по непріятельскимъ орудіямъ на дорогѣ, поворачивая свои въ то время въ обѣ стороны, направлялъ ихъ въ непріятельскія кучки по опушкѣ, и губилъ картечью; нѣсколько разъ собирались они въ большемъ гораздо числѣ къ канавамъ дороги и платили мнѣ за это убійственнымъ огнемъ, но я обрекъ уже себя въ этотъ день, и несмотря, что часто весьма былъ почти окружаемъ ими, продолжалъ съ одинакимъ хладнокровіемъ накладывать ихъ въ кучи одинъ на другого, думаю, что рѣшимость моя въ эти минуты сохранить свое мѣсто, когда непріятельскіе стрѣлки были на одной уже линіи съ моими орудіями, послужила сильною причиною удержаться нашей пѣхотѣ и имѣть возможность всегда опять скоро оправляться ей. Чтобъ дать понятіе, каково было мое положеніе въ этотъ день, и что стоило *въ продолженіи 12-ти-часового боя сохраненіе занятой мною съ утра по-*

зиціи, скажу только, что *я одинъ изъ всѣхъ артилерійскихъ командировъ русской арміи* (ибо графъ Витгенштейнъ сталъ дѣйствовать на лѣвомъ берегу послѣ уже полудня и по сложеніи тамъ французами оружія, продолжалось это не такъ долго) *дрался на обоихъ берегахъ Березины трое сутокъ*, истребивъ въ это время 4 артилерійскія роты, въ томъ числѣ свою первую, и до такой степени, что черезъ три часа по начатіи дѣла, она не могла уже болѣе дѣйствовать, потерявъ убитыми и ранеными людей и лошадей, больше чѣмъ на половину, взлетѣвшихъ на воздухъ ящиковъ зарядныхъ девять, и два передка, да офицеровъ раненыхъ 3-хъ, изъ коихъ одинъ потерялъ выше колѣна ногу; подо мной убиты 3 лошади, и теплая моя шинель походила на рѣшето отъ ружейныхъ пуль. Какъ дорога, гдѣ я стоялъ, была нѣсколько уже той, на которой помѣщалась французская артилерія, то моя рота и отбила эту адскую пытку въ 6 смѣнъ, т. е. каждыя два орудія дѣйствовали не долѣе ½ часа, оканчивая обыкновенно совершеннымъ истребленіемъ себя. По уничтоженіи такимъ образомъ всей роты, послалъ я просить о присылкѣ мнѣ свѣжей, въ такомъ же порядкѣ: по два орудія на позицію въ каждый разъ, вызвавшись при этомъ оставаться и съ чужими орудіями до конца дѣла, не желая уступать этой чести по той причинѣ никому другому, что *я первый изъ русскихъ замѣтилъ и встрѣтилъ переправу французскихъ войскъ, и первый же началъ съ ними дѣло какъ нынѣ, такъ и 14-го числа, не отходя въ теченіе этихъ 3-хъ дней отъ колеса своихъ орудій на аванпостѣ*, до сей минуты ни на пядень. Первыя пришедшія на смѣну моимъ два орудія, были пѣшей батарейной *подполковника Пащенки* роты, подъ командою штабсъ-капитана *Чарторижскаго*; эти не стояли и четверти часа, бывъ также уничтожены, какъ и мои, и тѣмъ же порядкомъ приходили по два, одни за другими свѣжія, пока, наконецъ, вся рота была доведена до такого же состоянія, какъ и моя; я послалъ опять просить другой роты и мнѣ снова прислали пѣшую подполковника *Де-Борбиша*, такимъ же образомъ вступила и эта въ дѣло, и часа черезъ 2½ перешла въ такую же невозможность дѣйствовать, какъ и первыя двѣ; за нею къ вечеру поступила ко мнѣ послѣдняя уже легкая *капитана Пребстинга*; въ бытность на позиціи этой оттѣсненъ былъ, наконецъ, непріятель до самой уже переправы и въ то же почти время, гораздо однако жъ за полдень, услышали мы на той сторонѣ рѣки канонаду, что и было сигналомъ прихода туда графа *Витгенштейна* (кажется, это былъ тотъ моментъ, когда сдалась колонна Партуно). Въ ту же минуту

объявили объ ономъ войску и вѣсть эта воспламенила ихъ—всѣ какъ бы съ новыми силами бросились впередъ, не давая нигдѣ остановиться непріятелю и оттолкнули его, такъ сказать, однимъ натискомъ до самой переправы. Все что не успѣло убраться до этого по дорогѣ къ Зембину—все было тутъ взято нами, но за всѣмъ тѣмъ наступившія сумерки спасли многихъ; орудій стояло на берегу у переправы и по дорогѣ въ лѣсу также много; послѣднія были совсѣмъ запряжены. Такъ кончилась къ 8-ми часамъ вечера знаменитая Березинская переправа. Потеря наша значительна, но непріятеля, думаю, ежели не вдвое, то навѣрное въ полтора раза болѣе, ибо силы его превышали, конечно, въ три раза наши силы.

Рота моя, пока я весь день въ дѣлѣ, исправилась, какъ могла: лошадей пополнилъ я изъ взятыхъ у французовъ въ самомъ сраженіи и послѣ онаго; вмѣсто взорванныхъ ящиковъ взялъ французскіе и чрезъ ночь укомплектовались такимъ образомъ. *Утромъ 17-го числа*, за часъ до разсвѣта, *выступилъ опять съ авангардомъ Чаплица на преслѣдованіе непріятеля*, котораго аріергардъ и догнали мы пополудни уже въ Плещеницахъ, въ переходѣ за Зембиномъ по дорогѣ къ Вилейкѣ; на всемъ этомъ пространствѣ дорога идетъ въ лѣсу гатью и непріятель завалилъ всю ее деревьями и попортилъ мосты, коихъ тамъ подѣлано множество и два изъ нихъ чрезъ рѣчки; это задержало нѣсколько слѣдованіе авангарда и дало непріятелю возможность увести благополучно артиллерію, обозы и всѣ свои тяжести, чего не могъ онъ сдѣлать впослѣдствіи уже и именно начиная съ послѣдующаго перехода; зато *до Плещеницъ взято у него много отсталыхъ и мародеровъ*; *настоящее же бѣдствіе французской арміи*, извѣстное цѣлому свѣту по отступленіи ихъ отъ Березины до Нѣмана, *начинается отъ Плещеницъ. Я былъ личный этому свидѣтель и до самаго Нѣмана лежалъ, такъ сказать, у нихъ на плечахъ*; вотъ скоро минетъ этой эпохѣ 25-ть лѣтъ, но еслибъ я прожилъ еще столько, не забылъ бы и тогда картины всѣхъ возможныхъ ужасовъ остервенѣнія, какіе встрѣчалъ на каждомъ шагу. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ тысячъ примѣровъ: въ то время, когда я разилъ картечью по дорогѣ колонны французскія, въ 20-ти шагахъ отъ меня съ боку, сидѣла кучка ихъ у огня и вырѣзала у умирающаго товарища своего мягкія части тѣла для пищи себѣ, за которыя тутъ же двое поссорившись, закололи одинъ другого, не обративъ на это ни малѣйшаго вниманія остальныхъ товарищей. Въ теченіи 15-ти дней преслѣдованія французовъ отъ Березины до Нѣмана, подобная этой сценѣ

и даже еще ужаснѣйшія не оставляли являться намъ на каждой верстѣ почти. Изъ Плещеницъ повернулъ авангардъ влѣво къ Молодечнѣ, на большую почтовую дорогу, идущую изъ Минска въ Вильно; на этомъ переходѣ взято нами 64 орудія и плѣнныхъ тысячи четыре кажется, большая половина того и другого съ боя, остальная при пробѣгѣ непріятеля подъ самымъ Молодечно. Не переходя еще рѣки Уши, завязался довольно жаркій бой, непріятелю хотѣлось удержать насъ, сколь можно долѣе, дабы увесть орудія и тяжести, съѣхавшіяся во множествѣ въ мѣстечко. Сильный натискъ нашъ обратилъ однакожъ его въ бѣгство, давъ всетаки время испортить мостъ чрезъ рѣку Ушу; за неимѣніемъ въ авангардѣ піонеръ, артилеристы мои были во всю дорогу до Нѣмана вмѣстѣ съ ними, а потому мостъ тутъ же былъ и исправленъ; въ дѣлѣ подъ Молодечнымъ сошелся съ авангардомъ нашимъ и передовой отрядъ *графа Платова*. Наказный атаманъ генералъ-лейтенантъ *Мартыновъ*, бывшій въ это время у меня на батареѣ, раненъ тутъ двумя пулями въ плечо; отсюда, до самой Вильны, гнали мы непріятеля все тѣмъ же порядкомъ, вытѣсняя его изъ каждой позиціи, гдѣ только задумывалъ онъ останавливаться, исключая лишь за два перехода отъ Ошмянъ до Вильны, откудова уже преслѣдованіе было сопряжено съ большею нѣсколько трудностію, ибо въ Ошмяны пришло къ нему 10 тысячъ, если не болѣе, свѣжаго войска, прибывшаго изъ резервовъ въ Германіи оставшихся; съ этими нужно было драться нѣсколько посерьезнѣе.

Между Ошмянами и Мѣдниками, послѣдней станціей къ Вильно, замѣтилъ я, въ боку нѣсколько отъ дороги, 5 фуръ съ запряженными лошадьми, кои при сильной пальбѣ моей изъ орудій не успѣвъ быть взвезены на небольшой пригорокъ, остались брошены, и какъ бывшихъ въ запряжкѣ фурахъ по тройкѣ тощихъ лошадей никто не понукалъ везть на скользкій пригорокъ, то онѣ и стояли преспокойно на одномъ мѣстѣ; между тѣмъ изъ колоннъ, стоявшихъ впереди этихъ фуръ на небольшой возвышенности, гдѣ выстроился непріятель, бѣгали безпрестанно къ этимъ открытымъ фурамъ по нѣсколько человѣкъ, и становясь на колеса ихъ, вынимали что то; сначала подумалъ я, что это патроны, и имѣя того болѣе надобность стеречь движеніе непріятельское впереди меня, оставилъ ихъ пока безъ вниманія, но когда поверхность сраженія уже была значительно на нашей сторонѣ, я снова сталъ всматриваться въ эту нескончаемую бѣготню, и тогда не усомнился, что это патронныя фуры. Взявъ орудія на передки, раздѣлилъ я батарею пополамъ и

велѣлъ старшему офицеру подскакать съ первою половиною къ колоннамъ, на дорогѣ стоящимъ, на картечный выстрѣлъ, самъ съ другой частью сдѣлалъ тоже влѣво къ самымъ фурамъ, и снявъ около нихъ съ передковъ, не далъ опомниться колоннѣ, стоявшей напротивъ, заѣхалъ ей почти во флангъ; этимъ быстрымъ движеніемъ моимъ, о которомъ уговорился я еще прежде съ командиромъ *Павлоградскаго* гусарскаго полка *княземъ Жеваховымъ*, ударившимъ вмѣстѣ со мною, французы были сбиты, и фуры и возвышенность впереди ихъ съ нѣсколькими орудіями достались намъ. Скомандовавъ впередъ на передки, чтобъ догонять непріятеля, я заглянулъ въ фуры и увидѣлъ все боченки съ золотомъ, и въ 3 хъ фурахъ по одному такому разбитому, изъ которыхъ вѣроятно бѣгавшіе французы и набивали себѣ карманы. Приставивъ тутъ же караулъ, одного изъ своихъ унтеръ-офицеровъ и 4-хъ рядовыхъ и столько же гусаръ, сказалъ гусарскому штабсъ-ротмистру *Штенгеру*, чтобъ онъ распорядился немедленно отвозомъ этихъ фуръ въ Мѣдники къ авангардному командиру генералъ-маіору *Чаплицу*, самъ поскакалъ подстрѣливать врага. Къ ночи прогнавъ французовъ чрезъ Мѣдники, авангардъ остановился тамъ поздно уже ночевать, и какъ нѣсколько избъ только въ цѣломъ мѣстечкѣ оставались несгорѣвшими, и тѣ были безъ крышъ, слѣдственно корму никакого не было, то и *послалъ я офицера отыскать Чаплица и спросить у него*, не могу ли я надѣяться получить откуда-либо сѣна или соломы для корма лошадей, которыя весьма истощали, имѣя на большомъ такомъ переходѣ во весь день дѣло съ непріятелемъ. Посланный мой чрезъ часъ почти ходьбы между развалинами выгорѣвшаго мѣстечка, насилу могъ отыскать генерала, и то только по моимъ стоящимъ золотымъ фурамъ. *Въ какомъ то подземельѣ находился генералъ-маіоръ Чаплицъ, часовой не хотѣлъ впустить его, но онъ тронулъ уже дверь, которая однакожъ была заперта снутри и не отворялась; онъ постоялъ немного и услышалъ стукъ золота, какой обыкновенно бываетъ, когда считаютъ его и голосовъ 6-ти, разговаривающихъ между собою людей*; съ этимъ вернулся онъ ко мнѣ вмѣсто сѣна и соломы. Итакъ, подумалъ я, *вотъ куда достались плоды моихъ усилій и вѣрноподданническаго долга, по которому стремился я съ такою пламенною храбростію, завладѣть сокровищемъ непріятельскимъ для пользъ моего Государя и общей всѣмъ намъ чести.* Та ли эта минута, чтобъ заниматься *алчбою.* Пока хоть одинъ врагъ еще находился на землѣ нашей, не должны ли мы были всѣ отъ младенца до старца только

и помышлять о его изгнаніи и о его истребленіи, и всѣ равно достигать этой цѣли съ полнымъ самоотверженіемъ? Но морозъ былъ огромный, у лошадей ни крошки корма и мнѣ право не до философіи. Пододвинувшись вмѣстѣ съ офицерами моими къ одной догоравшей избѣ, мы согрѣлись немного около послѣднихъ тлѣвшихъ ея бревенъ, а нѣсколько стакановъ чаю, — только что и имѣли мы въ теченіи трехъ уже дней, —довершили свое благодѣтельное дѣйствіе на 26-ти градусномъ холодѣ. На утро передъ зорею всполошились мы: нѣсколько людей лежало съ отмороженными ногами, а лошади, всѣ безъ изъятія, безъ хвостовъ, точно какъ англизированныя. Съ холоду и голоду отъѣли онѣ ихъ одна у другой. Отъ Мѣдниковъ до Вильны 30-ть слишкомъ верстъ, на этомъ переходѣ мы почти не дрались, потому что французы поднялись съ полночи въ величайшей тишинѣ и убрались по добру по здорову въ Вильну. Мы шли скоро и забирали по дорогѣ все; у самой *Остробрамы*[1]) завязалось жаркое дѣло; но не для удержанія, кажется, города дрались французы, а лишь дабы выиграть время вывести изъ него войска и вещи. Защита не помогла, а мы на холоду тряхнули стариной: ядра мои очистили Остробраму, а тамъ и улицу, отъ нее идущую, пѣхота пошла довершать начатое. Съ занятіемъ Вильны досталось намъ до 30-ти, кажется, тысячъ плѣнныхъ вмѣстѣ съ ранеными, множество пушекъ съ фурами зарядными, нѣсколько генераловъ и офицеровъ и огромные запасы провіанта и водки, винъ, рому, кожъ, сѣделъ, суконъ и всевозможнаго для прихотливой арміи; я поспѣшно проѣхалъ городъ и подгонялъ французовъ ядрами сзади *къ Понарской горѣ*[2]), гдѣ на встрѣчу имъ, съ противуположной стороны, ожидалъ ихъ графъ *Платовъ* со своими наѣздниками. Тутъ ничего уже не ушло, ни люди, ни лошади, ни пушки или кареты, ни коляски, словомъ не было увезено ни одного колеса, а людей спаслось весьма мало. Подошва горы походила на Коренную ярмарку по столпившимся на ней экипажамъ, людямъ и прочимъ обозамъ. До Нѣмана была та же самая исторія, какъ и до Вильны, и признаюсь, я едва самъ уже добрелъ туда. Людей оставалось у меня очень немного, а лошадей и того менѣе, нѣкоторыя орудія давно везлись парою, а ящики—по одной; французскихъ лошадей и подумать нельзя было запрягать или сѣдлать —онѣ такъ были тощи и обезсилены,

[1]) Остра брама—ворота въ старой Виленской стѣнѣ, нѣкогда окружавшей городъ, извѣстны часовней, въ которой сохраняется мѣстная святыня— чудотворная икона Остробрамской или Островоротной Божьей Матери, одинаково почитаемая православными и католиками.

[2]) Понары или Понарскія высоты въ 7 верстахъ отъ Вильны. *К. В.*

что право казались не ѣвшими отъ самой Москвы. Къ тому же и не кованы. На Нѣманѣ, помолившись усердно Господу Богу за освобожденіе отечества и изгнаніе враговъ изъ земли нашей, и поблагодаривъ Его отъ глубины души за спасеніе въ эту годину испытанія тѣхъ изъ насъ, кого Ему было угодно пощадить,—повернулъ я оглобли назадъ и съ разстановкою уже прибылъ обратно въ Вильну, для пополненія и сформированія всего недостающаго въ ротѣ. Чрезъ двѣ недѣли былъ опять молодцомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Людей, лошадей, артилерію, и заряды дали мнѣ изъ другихъ двухъ конныхъ ротъ, и по пріемѣ всего этого отправился я въ слѣдъ за арміею на Вислу, въ отрядъ *графа Воронцова*, въ городъ Бромбергъ.

На всей ретирадѣ отъ Березины до Нѣмана взято однимъ авангардомъ до 350 пушекъ и болѣе тысячи пятисотъ фуръ съ зарядами и патронами, исключая множества сожженыхъ. *Переходъ къ Сморгонямъ* былъ самый обильный и гдѣ еще, кромѣ пушекъ и оружія, досталась намъ бездна экипажей; *я самъ взялъ тутъ двѣ коляски Бертье съ картами и шкатулкой съ машиною, для дѣланія нашихъ сторублевыхъ ассигнацій*, съ большимъ запасомъ въ ней бумаги для этой работы, что и представилъ авангардному начальнику, оставивъ у себя экипажи и карты, кои и теперь сохраняю.

Если бы кто вздумалъ упрекать *Чичагова* въ допущеніи французовъ переправляться черезъ Березину, то полагаю, упрекъ этотъ несправедливъ, ибо, какъ личный свидѣтель, могу удостовѣрить, что это было дѣло невозможное, а тѣмъ паче ежели взять въ соображеніе, что онъ *имѣлъ у себя подъ ружьемъ на Березинѣ едвали 22 тысячи человѣкъ, съ коими онъ долженъ былъ оберегать рѣку, на пространствѣ болѣе 100 верстъ* и столько же тысячъ людей противъ себя непріятельской арміи, стремящихся съ оружіемъ въ рукахъ перейти ее. Да и есть ли примѣръ въ исторіи, чтобъ какую нибудь армію, могъ кто либо остановить на переправѣ, и не далъ бы ей возможности перейти? А тѣмъ менѣе, можно было это сдѣлать съ Наполеономъ.

Къ тому же у насъ извѣстно было, что *Чичаговъ* въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ болѣе по указаніямъ самого свѣтлѣйшаго князя *Кутузова* и полученнымъ имъ отъ графа *Витгенштейна* свѣдѣніямъ, въ коихъ оба обращали все свое вниманіе на переправу гораздо ниже Борисова и оба совѣтовали стеречь ее, сколько можно къ сторонѣ Бобруйска, въ предположеніи, что вся цѣль *Наполеона*

быть какъ можно ближе къ дорогѣ, идущей чрезъ Мозырь на Житомиръ, куда, какъ и всѣ тогда полагали, имѣлъ онъ непремѣнное намѣреніе проникнуть.

Нѣтъ сомнѣнія, что средство было удесятерить потерю французовъ на Березинѣ, но не остановить ее, и это средство не зависѣло отъ Чичагова, а отъ самого князя Кутузова и съ нимъ вмѣстѣ и графа Витгенштейна, коимъ Чичаговъ пособлялъ бы только при этомъ въ 3-мъ лицѣ. Средство сіе слѣдующее. *Армія Кутузова и Витгенштейна должны были лежать у французовъ на плечахъ, а не итти за 100 верстъ отъ нихъ,* и чтобъ преслѣдовать не отрядами въ 4 и 5 тысячъ человѣкъ, а авангардомъ, составленнымъ изъ половиннаго числа арміи, идя съ другою половиною не далѣе какъ за переходъ только отъ него; тогда натискъ этотъ не только разстроилъ бы совершенно французскую армію до прихода ея на Березину, но и спасшихся до этого мѣста какимъ либо чудомъ, вмѣстѣ и съ пришедшимъ отъ Полоцка корпусомъ маршала *Виктора*, придавилъ бы къ Березинѣ окончательно, не давая имъ и полъ дня времени на постановку моста, который они строили 4 дня и потомъ переправлялись через него 2½ сутокъ, не бывъ обезпокоиваемы въ теченіи всего этого времени съ лѣвой стороны Березины, ни однимъ даже выстрѣломъ изъ ружья. Самый натискъ графа Витгенштейна, хотя и поздній, доказываетъ, что то же самое было бы со всею арміею Наполеона, что и случилось черезъ 6 сутокъ послѣ, по приходѣ французовъ на Березину съ остаткомъ ея, который, не успѣвъ перейти на правый берегъ, положилъ оружіе безпрекословно[1]), лишь только показался графъ Витгенштейнъ.

Въ томъ, что результатъ при такихъ условіяхъ былъ бы точно этотъ, можно поспорить съ цѣлымъ міромъ, ибо гдѣ непріятелю думать перейти рѣку, когда около 100 тысячъ (въ авангардѣ, какой я предполагаю, вмѣстѣ съ войсками графа Витгенштейна, такое число могло быть) сидятъ у него на шеѣ, и толкаютъ его въ воду. Да и до драки ли ему, когда армія его стоитъ задомъ къ рѣкѣ, на самой оконечности ея берега, имѣя въ добавокъ еще и на той сторонѣ, за спиною у себя, непріятельскую же армію въ 20-ть тысячъ.

Не выдаю этихъ мыслей за безпрекословное правило, но и не могу объ эпохѣ Березинской переправы думать иначе.

---

[1]) Дивизія Портупо.

Воспоминанія Я. С. Храповицкаго о Березинской переправѣ.

Ясопъ Семеновичъ Храповицкій, сынъ предводителя дворянства Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, родился въ 1785 г. и шестнадцати лѣтъ поступилъ на военную службу унтеръ офицеромъ конной гвардіи (1801). Въ 1802 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты и переведенъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ составѣ котораго участвовалъ въ кампаніи 1805 — 1806 гг. въ Саксоніи, Баваріи, Австріи и Пруссіи и въ бояхъ при Энсѣ, Гроссѣ и Шенграбенѣ и за эти дѣла былъ награжденъ орденомъ Св. Анны за храбрость.

Въ 1807 г. Храповицкій перечисляется въ Волынскій уланскій полкъ, гдѣ одно время служитъ въ одних чинахъ (маіоромъ) съ своимъ роднымъ братомъ Степаномъ Семеновичемъ, производится въ штабъ-ротмистры и участвуетъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, за которое жалуется золотымъ крестомъ; въ томъ же году, при Альтенбургѣ, онъ съ командой охотниковъ врубается въ непріятельское карре. Въ 1808 г., будучи произведенъ въ ротмистры онъ, въ отрядѣ графа Орурка отбываетъ турецкую кампанію, находясь съ 1-го по 28-е ноября въ Молдавіи и Бессарабіи. Въ 1810 г., отличается при штурмѣ крѣпости Бани и при пораженіи турокъ при укрѣпленіи Ясики (26-го августа) войсками графа Орурка и Георгія Чернаго, гдѣ онъ командуетъ двумя эскадронами Волынскихъ уланъ при одномъ орудіи Донской конной артиллеріи и за это дѣло получаетъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Проявивъ особенное мужество при Праговѣ (6-го сентября), гдѣ подъ нимъ была убита лошадь, Храповицкій награждается золотой саблей. При взятіи Гургосовецъ (7-го ноября) былъ раненъ саблей въ голову. Въ 1811 г. за бой при Калафатѣ онъ получаетъ орденъ Св. Анны 2 ст. и 9-го октября, подъ Видинымъ, командуя казаками и уланами, Храповицкій съ большой опасностью для жизни спасаетъ

двухъ казаковъ, при чемъ получаетъ рану пулей въ плечо. За этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ маіоры.

Въ 1812 г. Храповицкій, назначенный командиромъ *2-го Украинскаго казачьяго полка*, принимаетъ участіе въ преслѣдованіи французской арміи отъ Борисова до Нѣмана. По занятіи нами г. Вильны, онъ былъ назначенъ комендантомъ города и, какъ таковой, присутствовалъ при первой и послѣдней встрѣчѣ князя Кутузова съ адмираломъ Чичаговымъ. При свиданіи между ними произошелъ очень короткій разговоръ, пріобрѣтающій особое значеніе, если принять во вниманіе недавнія неудачи Чичагова и то, что оба были далеки отъ взаимнаго расположенія. Вотъ какъ передаетъ ихъ бесѣду Храповицкій: «...когда все утихло и воцарилась тишина, князь Кутузовъ, наклонивъ немного голову, сказалъ адмиралу: «поздравляю васъ, ваше высокопревосходительство, съ одержанными побѣдами надъ врагомъ и вмѣстѣ съ симъ благодарю васъ за всѣ ваши распоряженія»... Адмиралъ, «не останавливаясь нимало», голосомъ твердымъ и громкимъ, отвѣчалъ: «честь и слава принадлежитъ Вамъ одному, ваше сіятельство, ибо все, что ни дѣлалось, все, что ни исполнялось—исполнялось буквально во всей силѣ слова согласно повелѣній вашихъ, а слѣдовательно, побѣды и всѣ распоряженія есть ваше достояніе». Отпустивъ другъ другу такового рода привѣтствія оба пріумолкли.

Въ 1813 г., Храповицкій, принимая участіе въ двухдневной битвѣ при Бауценѣ (8-го и 9-го мая) между союзными войсками подъ общимъ начальствомъ графа Витгенштейна и французскими войсками, подъ личнымъ руководствомъ Наполеона, и въ преслѣдованіи непріятеля до м. Левенберга, когда былъ взятъ въ плѣнъ французскій генералъ Пюто съ дивизіей и 16 орудіями; былъ въ дѣлахъ при Гофъ-Кирхенѣ (22-го августа), при Рейхенбахѣ (23-го августа), при Бишофсвердѣ (10-го сентября) и въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ (6-го октября); за отличіе въ послѣднемъ онъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. Въ 1814 г., Храповицкій, произведенный въ полковники, участвовалъ въ осадѣ крѣпости Кассель, послѣ переправы черезъ Рейнъ въ битвахъ при крѣпости Мецъ (16-го и 17-го февраля), преслѣдуя корпусъ маршала Мармона, доходитъ до Суасона и отличается при взятіи Монмартрскихъ высотъ близъ Парижа.

Въ 1818 г. Храповицкій назначается командиромъ 2-й бригады 3-й Уланской дивизіи; въ 1820 г. производится за отличіе по службѣ въ генералъ-маіоры и въ слѣдующемъ 1821 г. переходитъ

на гражданскую службу съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначается Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ и занимаетъ этотъ постъ до 1829 г. Въ 1827 г. Храповицкій получилъ орденъ Св. Анны 1 ст.

Кромѣ государственной службы, Храповицкій служилъ по выборамъ отъ дворянъ. Такъ въ 1835 г. онъ былъ выбранъ Краснинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1838 г. Смоленскимъ губернскимъ предводителемъ.

Въ 1839 г. Храповицкій былъ назначенъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1840 г. онъ получилъ орденъ Св. Анны 1 ст. съ Императорской короной. Въ 1842 г. онъ назначается членомъ Высочайше утвержденнаго комитета по составленію проекта положенія о правахъ и обязанностяхъ попечительнаго комитета о ремесленникахъ и рабочихъ гор. С.-Петербурга.

Умеръ Ясонъ Семеновичъ Храповицкій въ 1851 г., 66 лѣтъ отъ роду.

Подробно описывая въ своихъ запискахъ расположеніе войскъ русскихъ и Наполеоновскихъ и дѣйствія тѣхъ и другихъ отрядовъ онъ приходитъ къ выводу, что наша неудача при Березинѣ не можетъ быть поставлена въ вину исключительно Чичагову, такъ какъ послѣдній руководствовался распоряженіями свѣтлѣйшаго Кутузова, но въ то же время признаетъ за Чичаговымъ недостатокъ инициативы.

Главной же причиной неудачи Храповицкій считаетъ плохую постановку развѣдочной службы, въ чемъ сходится съ мнѣніемъ большинства военныхъ историковъ.

Письмо Я. С. Храповицкаго къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ.

Исполняя желаніе вашего превосходительства честь имѣю препроводить при семъ описаніе перехода черезъ Березину. Я не искалъ, ни возвысить, ни унизить никакихъ событій и прикрасить дѣйствія, какъ обыкновенно то бываетъ при описаніи реляціи, и вамъ, какъ опытному военному человѣку, сіе извѣстно. Вы желали, чтобы мой разсказъ былъ разсказъ истины.—Я сіе выполнилъ, и почту неизмѣрнымъ себѣ удовольствіемъ всегда и во всякомъ случаѣ дѣлать вамъ угодное. Многому описанному мною я былъ личный

свидѣтель, а о дѣйствіяхъ непріятеля я имѣлъ случай много слышать отъ лицъ, бывшихъ въ то время въ рядахъ непріятельскихъ, и кои, не останавливаясь, разсказывали мнѣ откровенно о всѣхъ тогдашнихъ горестныхъ и несчастныхъ своихъ положеніяхъ.

Примите увѣреніе истиннаго моего почитанія и преданности, съ каковою пребыть на всегда честь имѣю, ваше превосходительство, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

Храповицкій.

Удостойте меня увѣдомить о полученіи сего пакета.

29-го октября 1836 года.
Г. Смоленскъ.

Описаніе перехода черезъ Березину.

Послѣ битвы при Луцкѣ на Стырѣ, князь *Шварценбергъ*, отступивъ за Бугъ, прикрылъ симъ движеніемъ Галицію и Варшаву, но открылъ совершенно Минскъ, гдѣ хранились большіе запасы всякаго рода, но болѣе всего, онъ поставилъ *Наполеона* въ самое гибельное положеніе, ибо далъ возможность и средство адмиралу *Чичагову* къ совокупнымъ дѣйствіямъ съ главною нашею арміею, вслѣдствіе чего графъ *Сакенъ* былъ оставленъ съ 18-ти-тысячнымъ корпусомъ противъ князя Шварценберга, а съ остальными адмиралъ послѣдовалъ чрезъ Слонимъ къ Минску, который и взялъ. По взятіи Минска, армія послѣдовала къ Борисову. Графъ *Ламбертъ* 9-го числа ноября атаковалъ непріятельскій редутъ, устроенный предъ Борисовскимъ мостомъ, и овладѣлъ городомъ. Редуты сіи были защищаемы войсками корпуса генерала *Домбровскаго*. Сопротивленіе было сильное. Графъ Ламбертъ, ко всеобщему сожалѣнію, въ семъ дѣлѣ былъ раненъ и принужденнымъ нашелся оставить авангардъ. *Но, пока продолжалось назначеніе командира на его мѣсто, прошло болѣе сутокъ времени:* никто изъ генераловъ, неизвѣстно почему, не хотѣлъ принять командованіе онымъ; наконецъ, жребій палъ на графа *Палена* (Павла Петровича [1]). Въ продолженіе всего времени, въ коемъ не было настоящаго начальника въ авангардѣ, всѣ дѣйствія авангардной службы прекратились, никакихъ разъѣздовъ на рекогносцировки не дѣлалось, однимъ словомъ, никто не

---

[1]) Графъ Павелъ Петровичъ фонъ-деръ-Паленъ (род. 1775 † 1834), впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и ген.-адъютантъ. Старшій братъ изв. кавал. генерала графа Петра Петровича ф. д. Палена. *К. В.*

зналъ навѣрное, гдѣ именно и что дѣлалъ непріятель. Въ сіе время адмиралъ *Чичаговъ* перешелъ мостъ и остановился съ главною своею квартирою въ Борисовѣ, гдѣ получилъ повелѣніе отъ князя *Кутузова*, въ которомъ онъ его извѣщалъ: что, по полученнымъ извѣстіямъ, непріятель будетъ всѣ мѣры употреблять перейти Березину между Борисовымъ и нижнею Березиною, почему предписываетъ ему подъ собственною его отвѣтственностью наблюдать, какъ можно, переправу непріятеля. Вслѣдъ за симъ и графъ *Витгенштейнъ* увѣдомилъ его, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, непріятель беретъ свое направленіе къ нижней Березинѣ; что и могло быть весьма удостовѣрено, ибо графъ Витгенштейнъ, бывъ съ сильнымъ корпусомъ на правомъ флангѣ непріятеля, конечно, приметъ всѣ мѣры и не допуститъ его податься въ верхъ, а тѣмъ болѣе начать дѣлать мосты для переправы, и, сверхъ сего, имѣя всѣ способы и всю возможность быть въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ главною нашею арміею, которая, конечно, также слѣдуетъ по пятамъ непріятеля,— принудитъ его непремѣнно обратиться къ сему пункту, какъ къ единственному пункту своего спасенія; между тѣмъ генералъ *Эртель*, несмотря на неоднократныя предложенія адмирала, дабы присоединиться къ нему и совокупно вмѣстѣ дѣйствовать и защищать переправу, подъ разными предлогами отказался выполнить требованіе его. Послѣ сего и всѣхъ полученныхъ увѣдомленій, адмиралъ *Чичаговъ* поставленъ былъ въ самое затруднительное положеніе, ибо переправа непріятеля, гдѣ бы она ни послѣдовала, несмотря на всѣ извѣщенія, имъ полученныя, оставалась на собственной его личной отвѣтственности. Хотя пространство на всей отступательной линіи, начиная даже отъ Брилова до мѣстечка Н. Березайки и не было такъ велико, но за то и силы его, откомандированіемъ графа *Сакена* и разными другими обстоятельствами, тоже значительно уменьшились. По поводу чего адмиралъ рѣшился остаться въ Борисовѣ, генерала *Чаплица* послалъ къ Зембину, генералъ графъ *Орурკъ* слѣдилъ направленіе на Нижнюю Березину, генералу *Ланскому* предписалъ идти съ отрядомъ по направленію къ Молодечнѣ и открыть, что въ оныхъ мѣстахъ дѣлается,—авангарду же велѣлъ слѣдовать по большой дорогѣ. Но, дабы имѣть лучшій обзоръ совокупныхъ дѣйствій, обратился къ непріятельской арміи. Я имѣлъ случай много говорить о семъ съ разными генералами и офицерами французской арміи, бывши во время 1813 года вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ для сдѣланія перемирія въ замкѣ Паршевицъ, и они мнѣ пересказывали слѣдующее. Не доходя трехъ переходовъ отъ

Борисова, на другой день по взятіи нами онаго, Наполеонъ получилъ съ нарочно присланнымъ офицеромъ отъ генерала *Домбровскаго* о семъ извѣщеніе. Несчастное для него сіе событіе поразило его подобно громовому удару и онъ не могъ удержаться въ первомъ порывѣ горя, не воскликнуть, взглянувъ на небо: «Видно тамъ—тамъ свыше намъ опредѣлено на каждомъ шагу дѣлать пагубныя ошибки». Послѣ сего тотчасъ собралъ главныхъ своихъ генераловъ и объявилъ имъ: Минскъ и Борисовъ взяты, князь *Шварценбергъ* отступилъ за Бугъ и потому слѣдовать къ оному нѣтъ возможности, но что намѣреніе его есть, со всѣми силами, какія только имѣетъ, сосредоточить ихъ вмѣстѣ—ударить на графа *Витгенштейна*, разбить его, если возможно будетъ, или откинуть его вправо и перейти Березину при самой ея вершинѣ и потомъ уже идти на Вильно или выше, смотря по обстоятельствамъ.

На сіе нѣкоторые изъ призванныхъ генераловъ сдѣлали возраженіе, представивъ, что графъ Витгенштейнъ, стоя со свѣжимъ войскомъ и имѣя всѣ выгоды позиціи на своей сторонѣ, не вступитъ, конечно, въ генеральную битву; но, защищая упорно каждую позицію и удерживая оную, по возможности задержитъ ихъ и окончитъ пораженіе, ибо дастъ время главной россійской арміи настигнуть ихъ, между тѣмъ какъ они уже выиграли два марша (перехода), но что, въ теперешнемъ положеніи дѣлъ ихъ, всякая перемѣна дороги умножитъ потерю арміи, а сверхъ сего войско и всѣ обозы въ боковыхъ дорогахъ, идущихъ чрезъ лѣса и безплодныя болота, могутъ заплутаться и растеряться; но что, слѣдуя по большой дорогѣ, еще можно сохранить совокупность и, такимъ образомъ, Борисовъ есть одинъ пунктъ, къ которому должны стремиться и стараться всѣми силами непремѣнно имъ овладѣть. А вправо отъ сего города есть дорога, идущая чрезъ Зембинъ, Молодечно въ Вильно. Дорога сія, хотя проходитъ и по болотамъ, но на оныхъ устроены деревянные мосты, и, такимъ образомъ, слѣдуя по оной, Минскъ останется далеко влѣво, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *Чичаговъ*, а графъ Витгенштейнъ вправо. Императоръ *Наполеонъ* на сіе согласился и далъ повелѣніе генералу Эбле́ съ саперами и піонерами и частію войскъ слѣдовать къ Студянкѣ и отыскать вправо или влѣво удобное мѣсто для переправы, донося ему каждые шесть часовъ о своихъ дѣйствіяхъ, нарочныхъ же съ сими донесеніями посылать къ нему по направленію къ Борисову, куда онъ поспѣшитъ послѣдовать. Между тѣмъ по данному повелѣнію маршалъ *Удино́* слѣдовалъ прямо въ Борисовъ; онъ присоединилъ къ себѣ остатки разбитаго корпуса

генерала *Домбровскаго* и, не доходя верстъ 12-ти отъ онаго, встрѣтился съ нашимъ авангардомъ. Дѣло завязалось сильное и продолжалось до самаго вечера, но, несмотря на упорное сопротивленіе графа *Палена* и отличную храбрость нашей пѣхоты, мы были оттиснуты назадъ, егерскіе полки отрѣзаны отъ кавалеріи и отброшены въ лѣса, потерявъ ранеными и убитыми значительное число, и не прежде какъ на другой день присоединились къ арміи и сіе обязаны были хладнокровію и расторопности полковника *Красовскаго* (что нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи). Графъ *Паленъ* отретировался въ Борисовъ, оставилъ его и перешелъ мостъ (мнѣ помнится). Князь *Щербатовъ* прикрылъ съ частію своей пѣхоты отступленіе кавалеріи и удержалъ непріятеля у самого предмѣстія города, пока главная квартира, орудія, снаряды и обозы, бывшіе въ Борисовѣ, переправились черезъ рѣку—послѣ чего и онъ перешелъ мостъ и въ трехъ мѣстахъ разорилъ его. Въ Борисовѣ маршалъ *Удино́* узналъ, что направо, въ 15-ти верстахъ между Борисовымъ и Веселовымъ, у Студянки есть бродъ. Свѣдѣніе ему было сообщено однимъ изъ его генераловъ [1]), который самъ проѣзжалъ въ семъ мѣстѣ черезъ сей бродъ. Тотчасъ имъ было сіе донесено Наполеону, и дано имъ повелѣніе съ 11-го на 12-е число занять Студёнку. Между тѣмъ, дабы, если можно, обмануть адмирала *Чичагова* и всѣхъ, началъ онъ ложными демонстраціями показывать, какъ будто намѣреніе его есть искать переправы по направленію къ Минску, и 12-го числа послалъ нѣсколько войска въ Ухолоду и прочія близкія селенія, съ повелѣніемъ, какъ наискорѣе, собирать, гдѣ только можно было, всѣ нужные матеріалы къ строенію переправы. Собралъ жидовъ, распрашивалъ ихъ о всѣхъ бродахъ, о удобной переправѣ, и о дорогахъ, ведущихъ именно чрезъ какія селенія къ Минску, и притворясь совершенно довольнымъ полученными отъ нихъ свѣдѣніями, наградя ихъ, отпустилъ, оставивъ нѣкоторыхъ какъ бы для показанія дорогъ, а отпущенныхъ заставилъ поклясться, что они никому не скажутъ, о чемъ онъ у нихъ распрашивалъ [2]).

Сія военная, хотя и ничтожная, хитрость вполнѣ ему удалась, ибо отпущенные жиды тотчасъ же всюду разгласили обо всемъ, а сильное собраніе въ окрестностяхъ Ухолоды и ниже, всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для устроенія переправы еще болѣе удостовѣрили въ точномъ намѣреніи ихъ переправиться чрезъ Березину по

[1]) Генералъ Корбино́.

[2]) См. К. Военскій. Наполеонъ и Борисовскіе евреи. «Эпизодъ изъ исторіи Отечественной войны». С.-Петербургъ, 1906. *К. В.*

направленію къ Минску. Адмиралъ, бывъ сими ложными демонстраціями совершенно обманутъ и, соображаясь предъ симъ полученными ото всюду извѣстіями, рѣшился съ 13-го на 14-е число идти внизъ Березины къ Шабашевичамъ, давъ повелѣніе всѣмъ войскамъ, находившимся выше Борисова, немедленно примкнуть къ нему, оставя на всякій случай одни извѣщательные посты.

Въ самое же сіе время маршалъ *Удино́*, по повелѣнію Наполеона, слѣдовалъ въ Студёнку съ корпусомъ своимъ, гдѣ уже находился съ отрядомъ генералъ *Эблѐ* и строилъ въ самой глубокой тишинѣ переправу. Въ 11 часовъ ночи и Наполеонъ тоже выступилъ со своей гвардіей изъ Борисова и провелъ нѣсколько часовъ въ замкѣ *Радзивила*, лежащаго недалеко отъ Стараго Борисова [1]), и на разсвѣтѣ присоединился къ Удино. Французы работали цѣлую ночь, и въ 12 часовъ утра мостъ уже былъ наведенъ, но, при всей тишинѣ, съ каковою производилась работа, посты наши, оставленные для извѣщенія, усмотрѣли оную и въ ту же минуту донесли генералу *Чаплицу*, который, несмотря на повелѣніе, имъ полученное, пріостановился въ Стаховѣ. Тотчасъ онъ довелъ все сіе до свѣдѣнія адмирала, а самъ повернулся назадъ, сталъ впереди Стахова на позиціи и ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. Адмиралъ, получа сіе донесеніе отъ Чаплица, все колебался, не зная навѣрное, не ложными ли сими демонстраціями непріятель хотѣлъ отвлечь насъ отъ настоящаго пункта своей переправы и, сверхъ того, получа тоже извѣщенія, что и ниже Борисова, въ разныхъ мѣстахъ, собираются матеріалы самымъ поспѣшнымъ образомъ для устроенія мостовъ и что слышенъ стукъ производящейся работы, и соображаясь съ прежде полученными отъ всюду извѣщеніями, оставался въ совершенномъ недоумѣніи, на что рѣшиться. Но не менѣе того, послалъ нѣсколько баталіоновъ на помощь генералу *Чаплицу*, а графу *Орурку* предписалъ тотчасъ отправить надежнаго офицера чрезъ Березину, велѣть ему непремѣнно, гдѣ бы то ни было, отыскать какой-либо отрядъ, принадлежащій нашей главной арміи и объявить начальнику того отряда извѣщеніе генерала Чаплица съ повелѣніемъ отъ имени его, дабы все сіе тотчасъ было бы доведено до свѣдѣнія самого князя *Кутузова*. Самому же графу Орурку сдѣлать по той сторонѣ рекогносцировку по направленію къ Ухолодѣ и большой дорогѣ и, буде ничего не откроетъ заслуживающаго вниманія, тотчасъ бы поспѣшилъ со всѣмъ своимъ отрядомъ присоединиться къ нему, оставя достаточный казацкій отрядъ по усмотрѣ-

---

[1]) Нынѣ имѣніе Вел. Кн. Николая Николаевича. *К. В.*

нію его для извѣщеній. Но графъ Оруркъ, еще прежде сего повелѣнія, тотчасъ по приходѣ своемъ въ мѣстечко Нижнее-Березино, сдѣлалъ по всѣмъ направленіямъ по той сторонѣ рѣки сильный поискъ и взялъ нѣсколько польскихъ уланъ съ однимъ эскадроннымъ командиромъ въ плѣнъ.—Сей военноплѣнный объявилъ, что онъ съ небольшимъ своимъ отрядомъ былъ откомандированъ для фуражированія, что онъ принадлежитъ къ корпусу маршала *Виктбра*, который, оставивъ до 3½ тысячъ войска въ Борисовѣ для удержанія его и замаскированія дальнѣйшихъ своихъ движеній, съ остальнымъ цѣлымъ своимъ корпусомъ послѣдовалъ тоже въ Студянку, гдѣ уже устраивается переправа через Березину и онъ навѣрное полагаетъ, что мосты должны уже быть наведены. Показаніе сего офицера ясно намъ открыло, что мы были обмануты и введены въ заблужденіе сдѣланными ими ложными демонстраціями и между тѣмъ какъ всѣхъ нашихъ начальниковъ вниманіе обращено было на Нижнюю Березину, непріятель устраивалъ свое спасеніе выше Борисова. Немедленно графъ *Орурк*ъ послалъ подробное донесеніе обо всемъ адмиралу *Чичагову* и вмѣстѣ съ онымъ самаго плѣннаго эскадроннаго командира, прося его снабдить дальнѣйшими приказаніями. Въ сіе самое время пришло прежде посланное повелѣніе адмирала, почему графъ Орурк, не дожидаясь уже дальнѣйшихъ, тотчасъ со всѣмъ своимъ отрядомъ выступилъ для присоединенія къ арміи, а меня послалъ открыть сношеніе съ главною нашею арміею и выполнить вышеприписанное повелѣніе адмирала и сверхъ сего объявить, что непріятель переправляется уже по сдѣланнымъ имъ мостамъ въ Студянкѣ.

Я, переправясь чрезъ рѣку, по разспросамъ у обывателей, отыскалъ по направленію къ м. Погосту, такъ называемый, летучій корпусъ, принадлежащій главной нашей арміи, находившейся подъ командою графа *Ожаровскаго.* Генералъ *Курута* тоже былъ въ семъ отрядѣ; онъ стоялъ (не помню названія) въ какой-то деревнѣ, и, послѣ сдѣланнаго мною ему подробнаго обо всемъ донесенія, графъ Ожаровскій никакъ не хотѣлъ повѣрить истинѣ онаго. Но когда я ему объявилъ, что, во всякомъ случаѣ, если Ваше Сіятельство не доведете тотчасъ всего мною вамъ объявленнаго до свѣдѣнія самаго князя *Кутузова*, то вся отвѣтственность неминуемо падетъ на васъ, присовокупивъ къ тому, что штабъ-офицеръ, посланный съ такими важными словесными препорученіями отъ Главнокомандующаго, конечно, заслуживаетъ довѣрія, а тѣмъ болѣе, когда онъ объявляетъ оныя именемъ его—и вмѣстѣ съ симъ просилъ его

записать мое имя. Послѣ сего немедленно былъ имъ отправленъ къ князю Кутузову, съ сими донесеніями, конно-гвардейскій офицеръ *Палицынъ* (что нынѣ генералъ-лейтенантъ).

14-го числа французы, подъ начальствомъ маршала Удинó, перешли по сдѣланному мосту чрезъ Березину и стали на дорогѣ, ведущей отъ Борисова къ Зембину, заслонивъ симъ образомъ переправу. Завязалось дѣло—генералъ *Чаплицъ* дѣлалъ все, что могъ, но не былъ достаточно силенъ, дабы нанести рѣшительный ударъ; непріятель дѣйствовалъ единственно, дабы только выиграть время и удержать позицію; перестрѣлка продолжалась до самой глубокой ночи и каждая враждующая сторона осталась на своихъ мѣстахъ и, такимъ образомъ, 14-е число прошло безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія и ограничилось одною перестрѣлкою. Адмиралу, по полученіи донесенія о переправѣ непріятеля, оставалось только тотчасъ сосредоточить всю свою силу въ одну массу, двинуться, даже не стрѣляя, впередъ, ибо число войскъ нашихъ было гораздо значительнѣе тогда, нежели у непріятеля, и все, что только перешло 14-го числа и по утру рано 15-го, все было бы, во всей силѣ слова, уничтожено. Но мы подвигались медленно и, проходя мимо Борисова, даже было повелѣніе открыть, чтò въ ономъ дѣлается. Егеря наши, переправляясь черезъ разобранный мостъ по перекладинамъ, атаковали непріятеля, но были отбиты, и иначе это не могло и быть; а между тѣмъ какъ все сіе происходило, Наполеонъ, оставивъ маршала *Викторa* для прикрытія переправы и собранія остальныхъ къ себѣ войскъ, находившихся еще въ Борисовѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ гвардіею своею перешелъ рѣку и сталъ позади маршала *Удинó* между Бриловымъ и дер. Занивки и, утвердясь на берегу Березины, обезпечилъ переправу мостовъ, имѣя уже возможность и средство служить резервомъ, въ случаѣ надобности, маршалу Удинò и маршалу Викторy.—14-го и 15-го числа, обозы, орудія и все,что только могло переправляться, переходило рѣку и слѣдовало къ Вильнѣ.

Оставленный непріятельскій отрядъ въ Борисовѣ, конечно, на жертву, получа повелѣніе, выступилъ въ ночь 15-го числа изъ онаго для присоединенія къ корпусу Виктора; но симъ несчастнымъ не было суждено исполнить своего преднамѣренія. На разсвѣтѣ 16-го числа, они были открыты, атакованы корпусомъ графа *Витгенштейна* и совершенно уничтожены—весь сей отрядъ съ командующимъ генераломъ [1]) былъ имъ взятъ въ плѣнъ, и въ сей же самый день французы были атакованы на обоихъ берегахъ Березины. Они

[1]) Партунò.

устроили сильныя батареи на всѣхъ высотахъ по дорогѣ, идущей изъ Борисова въ Зембинъ, и окрестностяхъ. Битва началась жестокая и упорная,—но въ нашихъ дѣйствіяхъ не было той совокупности, которая рѣшаетъ участь битвъ. Много было оказываемо частной, личной храбрости, но она терялась въ общихъ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ.

16-го ноября, на пространной долинѣ и въ лѣсу, въ которомъ полными отдѣленіями кавалерія могла проѣзжать, мы дрались, какъ въ тѣсной нагорной битвѣ—все дѣйствовалось орудіями и стрѣлками; если уменьшались и рѣдѣли цѣпи оныхъ, тотчасъ были посылаемы другія на подкрѣпленіе; теряли народъ, разили непріятеля, но не подавались впередъ; правый нашъ флангъ въ одно время, протиснувъ непріятеля, подался было впередъ, но посланный самимъ *Наполеономъ* на помощь резервъ пріостановилъ успѣхъ нашъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что цѣлые полки такимъ образомъ были разбросаны въ стрѣлкахъ и перемѣшаны между собою. Судите, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, какъ могли быть исполняемы разнородныя приказанія—однимъ словомъ, вредъ, нанесенный нами непріятелю, былъ весьма великъ, но не рѣшителенъ. Между тѣмъ графъ *Витгенштейнъ* по взятіи имъ вышеупомянутаго отряда дѣлалъ также сильный натискъ на маршала Виктóра: битва и у него кипѣла, какъ говорится, ключемъ, но *Виктóръ*, хотя терялъ много, но все держался упорно позиціи и прикрывалъ мосты, по которымъ все переходило, что было въ состояніи переправиться. Наступившая глубокая ночь прекратила или, лучше сказать, остановила сію кровавую сѣчь. Въ ночь подъ 17-е число маршалъ Виктóръ, оставивъ мѣсто битвы, перешелъ на другой берегъ рѣки и послѣдовалъ съ остатками своего корпуса въ Зембинъ. Предъ разсвѣтомъ французы взорвали мосты, покинувъ на той сторонѣ 12 орудій, великое множество, какъ казеннаго, такъ и партикулярнаго обоза и всѣхъ тѣхъ, кои замедлили переправиться. Вслѣдъ за нимъ выступилъ Наполеонъ со своею гвардіею, а потомъ остальныя части его арміи.

Маршалу *Нею* предоставлено было прикрывать ретираду.—Сей маршалъ, слѣдуя къ Зембину и перейдя мосты, лежащіе по непроходимымъ почти болотамъ, пожегъ ихъ. *Конечно, если бы мы оные уничтожили прежде отступленія непріятеля, тогда всѣ пожертвованія его, всѣ военныя соображенія Наполеона, всѣ потери, сдѣланныя имъ, дабы только перейти Березину, были бы тщетны*, ибо, бывъ, такъ сказать ,захваченнымъ между Березиною и болотами, еще не совсѣмъ замерзшими, безъ всякаго продовольствія, съ изне-

моженными войсками, безъ покрова при сильномъ морозѣ, при жестокихъ вьюгахъ, ему оставалось—или пасть до послѣдняго подъ выстрѣлами нашими, или отдаться въ плѣнъ.

Многіе военные люди, описывая преслѣдованія главной нашей арміи, упрекали князя *Кутузова* въ непростительной медленности въ отношеніи правилъ военныхъ; въ особенности англійскій генералъ *Вильсонъ*. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, политическія отношенія закрыты для насъ завѣсою тайны: легко можетъ быть, что князь Кутузовъ при дальновидномъ своемъ соображеніи, при великой своей опытности, а можетъ быть и въ силу инструкціи, имъ полученной, но намъ неизвѣстной, не хотѣлъ приносить напрасно въ жертву людей. Видя изнуреніе, видя бѣдствія постигнувшія враговъ, онъ видѣлъ ясно, что морозы, бури, долговременные марши довершатъ уничтоженіе остатковъ полчищъ новаго Тамерлана,—слѣдовательно, всякіе сильные натиски стоили бы намъ много лишней крови и не принесли бы болѣе пользы, каковую мы впослѣдствіи пріобрѣли. Въ дополненіе всему, конечно, и характеръ Наполеона входилъ въ разсчетъ его, ибо когда, не видя уже для себя никакого спасенія, ему предстояло или сдаться въ плѣнъ, или пасть на мѣстѣ битвы, онъ бы навѣрное избралъ послѣднее; но прежде, нежели бы сіе воспослѣдовало, сколько бы пало людей нашихъ—сколько бы пролить надлежало крови!

Въ сіе время и передовыя наши войска главной арміи перешли Березину и мы всѣ пустились преслѣдовать непріятеля по всѣмъ направленіямъ. *Дивизія* генерала *Луазона* [1]), находившаяся въ Вильнѣ, вышла для прикрытія отступленія своей арміи къ Ошмянамъ, но *въ четыре дня потеряла три четверти дивизіи*, а остальные всѣ были почти взяты въ плѣнъ при занятіи нами Вильны. Вся дорога была усѣяна жертвами или умирающими и означала путь арміи. Каждый пригорокъ былъ загроможденъ обозами, пушками, полковыми и артилерійскими ящиками, каждый ихъ бивакъ походилъ на поле кровопролитной битвы, или вѣрнѣе уподобить, это была долина Іосафатова, долина плача и скорби.

Почернѣвшіе отъ дыму и нечистоты, подобно привидѣніямъ, въ безуміи, полунагіе, безъ обуви, они тянулись по дорогѣ или тѣснились около костровъ огня, ими разведеннаго, и желая обогрѣть отмороженные члены свои, они бросались къ огню и не имѣя силы отодвинуться, тутъ же, сгорая, умирали въ жестокихъ мукахъ. Никто изъ нихъ ни о комъ не имѣлъ попеченія, ни сожалѣнія, всѣ

---

[1]) 31-я дивизія, XI корпуса Ожеро.

чувства, всѣ связи дружбы, родства,—все исчезло. И это былъ остатокъ полумилліона людей, за пять мѣсяцевъ тому назадъ шедшихъ во всемъ блескѣ, во всей красѣ въ предѣлы наши!

Перстъ Божій видимо поразилъ ихъ... Но оставимъ суду и милосердію Всевышняго произнесть приговоръ надъ виновникомъ такихъ бѣдъ и страданій, не намъ судить дѣянія вѣнценосныхъ владыкъ земли: они намъ даются свыше. Цари добрые—есть награда, ниспосылаемая Провидѣніемъ за благія дѣла наша. Цари злые—есть бичъ небесный для народовъ за ихніе же грѣхи и намъ остается благоговѣть и покорствовать предъ неисповѣдимыми Его судьбами. Въ сію достопамятную эпоху отечественной войны нашей, проходя мимо сихъ жертвъ честолюбія, я, съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ думою, преисполненною истиннаго умиленія, не разъ возсылалъ теплыя мольбы къ престолу Царя Царей за Александра. Въ величіи его я видѣлъ величіе Россіи, ибо слава Царя — есть слава его народа. Въ милосердіи его—я видѣлъ благоденствіе и счастіе края родного... Прошло уже десять лѣтъ, пройдутъ вѣка, но память его будетъ для сердца русскаго священна.

28-го ноября мы вступили въ Вильно. Я не буду вамъ описывать ни битвъ, ни всего, что мы отобрали у непріятеля послѣ перехода его черезъ Березину до Вильны и далѣе до самаго Нѣмана. Это было бы ничто иное, какъ повтореніе о чемъ много было и говорено и написано, но считаю вещью, довольно любопытною, окончить вамъ разсказъ мой *описаніемъ встрѣчи и перваго свиданія князя Кутузова съ адмираломъ Чичаговымъ*, воспослѣдовавшихъ въ Вильнѣ. Я самъ былъ лично свидѣтель, самый близкій всему, слѣдовательно могу вамъ въ точности передать. Вамъ извѣстно, что оба сіи вельможи—люди умные, оба съ большимъ познаніемъ, оба съ большими достоинствами, но въ отношеніи ихъ взаимной дружбы,—ни Касторъ, ни Поллуксъ не были имъ образцами. По занятіи нами города Вильны, я былъ назначенъ комендантомъ, до прибытія главной арміи. Князя Кутузова ожидали на другой день. Адмиралъ Чичаговъ по утру далъ мнѣ повелѣніе встрѣтить, съ конвоемъ и всѣми конными ординарцами, князя за городомъ и, проводивъ до назначеннаго подъ квартированіе дома, поспѣшить возвратиться съ докладомъ о прибытіи князя. Къ вечеру, въ 8-мь часовъ, князь Кутузовъ въѣхалъ въ городъ и, по принятію отъ меня рапорта, спросилъ объ адмиралѣ. Я ему отвѣчалъ, что будетъ имѣть честь сейчасъ явиться. Немедля ни минуты, я поскакалъ къ адмиралу и доложилъ о пріѣздѣ. Я нашелъ его совсѣмъ готовымъ, но не въ парадномъ мун-

дирѣ, а въ морскомъ вицъ-мундирѣ. Подали карету и онъ велѣлъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Лишь только мы взошли въ переднюю, какъ услышали шаги многихъ. Входимъ въ залу и видимъ самого князя, къ намъ на встрѣчу идущаго, сопровождаемаго по крайней мѣрѣ 30-ю или болѣе генералами и штабъ-офицерами. Здѣсь они обнялись и взявшись рука объ руку, пошли въ дальнія комнаты; я, какъ чиновникъ пріѣхавшій съ адмираломъ и принадлежащій ему, послѣдовалъ съ протчими за ними. Они, пройдя двѣ комнаты, взошли въ каминную. Свѣтлѣйшій посадилъ адмирала возлѣ себя. Когда мы всѣ заняли мѣста (стоя) и когда все утихло и воцарилась тишина, князь Кутузовъ, наклонивъ немного голову, сказалъ адмиралу: «*поздравляю васъ, Ваше Высокопревосходительство, съ одержанными побѣдами надъ врагомъ и вмѣстѣ съ симъ благодарю Васъ за всѣ ваши распоряженія*». Мнѣ самому показалось, что при семъ послѣднемъ словѣ онъ подвысилъ голосъ. Адмиралъ, не останавливаясь ни мало, голосомъ твердымъ и громкимъ отвѣчалъ: «*честь и слава принадлежитъ вамъ одному, Ваше Сіятельство, ибо все, что ни дѣлалось, все, что ни исполнялось—исполнялось буквально во всей силѣ слова повелѣній вашихъ, слѣдовательно побѣды и всѣ распоряженія есть ваше достояніе*». Отпустивъ другъ другу такого рода привѣтствія, оба пріумолкли. Въ сію минуту подали чай и разговоръ начался обыкновенный. Адмиралъ, пробывъ около получаса, всталъ, простился и князь Кутузовъ опять его проводилъ до залы.

Замѣчанія графа Орурка по поводу взятія Борисова и сраженія при Березинѣ въ 1812 г.

(Письмо къ А. И. Михаиловскому-Данилевскому).

(Графъ Іосифъ Корниловичъ О'Руркъ, по происхожденію ирландецъ, былъ однимъ изъ боевыхъ дѣятелей нашихъ въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Военную службу началъ въ л.-гв Измайловскомъ полку. Принималъ участіе въ войнахъ со Швеціей и Польшей, а въ 1798 г. былъ командированъ въ корпусъ принца Конде. По возвращеніи въ Россію участвовалъ въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1807 годовъ и затѣмъ въ Турецкой войнѣ, въ которой особенно отличился, командуя сформированнымъ имъ Волынскимъ уланск. полкомъ. Въ эту кампанію онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ орденомъ Св. Георгія 3 класса. Въ Отечеств. войну 1812 г. командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ арміи Чичагова, участвуя въ главнѣйшихъ бояхъ при Березинѣ. Затѣмъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. Въ царствованіе Имп. Николая I командовалъ 1 пѣх. корпусомъ. Скончался въ 1849 г. въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, на 86 году отъ роду).

Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ.

Вамъ угодно было получить отъ меня выписку о сраженіи подъ Березиной, но я заѣзжалъ къ отставному генералу Степану Семеновичу *Храповицкому* [1]) и засталъ тамъ четыре книжки, выданныя вами о войнѣ 1812 года. Въ четвертомъ томѣ есть описано о сраженіи подъ Березиной и взятіи штурмомъ черезъ генералъ-лейтенанта *Ламберта* укрѣпленія или батареи подъ Борисовымъ—оно точ-

[1]) Степанъ Семеновичъ Храповицкій, братъ Ясона Семеновича, автора «Воспоминаній», въ 1812 году былъ сподвижникомъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ Давыдова и также служилъ въ Волынск. улан. полк. Отецъ ихъ Юхновскій у. предвод. дворянства въ 1812 году формировалъ партизанскіе отряды изъ крестьянъ. Въ октябрѣ 1812 года оба Храповицкіе удостоены по представленію Кутузова Высочайшихъ наградъ, отецъ награжденъ орденомъ, а сынъ произведенъ въ подполковники. (См. В. Сухомлиновъ: На большой Смоленской дорогѣ. Изъ партизанскихъ дѣйствій 1812 г. Спб. 1893). *К. В.*

но такъ было—но 28-й и 32-й егерскіе—*Павлоградскій гусарскій*—два казачіе и 200 человѣкъ *Волынскаго уланскаго* полка *не находились* подъ командою полковника *Корнилова*, а были подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Чаплица*; — корпусъ *Воинова* и корпусъ *Булатова* были отряжены главнокомандующимъ генералъ-адмираломъ Чичаговымъ, которые шли черезъ Двинъ на Кобринъ. Я былъ въ тѣхъ двухъ корпусахъ авангарднымъ командиромъ. Узнавши, что австрійскіе генералы, графъ *Моро* и *Зигенталь*, находятся въ Пружанѣ, просилъ позволенія отъ корпуснаго командира итти впередъ и атаковать непріятеля. Мостъ былъ сожженъ, я велѣлъ построить на витинахъ помѣщичьихъ другой мостъ и перешелъ.

Непріятель уже отступилъ въ Бѣловѣжскую пущу, оставивъ въ Пружанахъ лазаретъ и большое количество фуража и провіанта.—О занятіи г. Пружанъ донесъ я корпусному командиру, оставя въ Пружанахъ егерскій полкъ подъ командою полковника *Бѣлокопытова*, имѣлъ намѣреніе аттаковать арріергардъ оныхъ генераловъ, состоящій изъ *гусарскаго Гессенъ-Гомбургскаго* полка. Въ то самое время прибылъ ко мнѣ генералъ-маіоръ графъ Павелъ *Паленъ* съ своимъ драгунскимъ полкомъ, а такъ какъ онъ былъ старшимъ генераломъ отъ меня, то я предлагалъ ему, дабы онъ атаковалъ гусаръ съ фронта и далъ ему одинъ егерскій полкъ съ орудіями, а самъ хотѣлъ обойти отъ Бѣловѣжской пущи и во время аттаки Палена взять ихъ въ спину. И точно полкъ весь былъ бы взятъ въ плѣнъ. Но прибывшій генералъ Воиновъ приказалъ мнѣ съ тремя казачьими полками ихъ атаковать, я ихъ сбилъ и взялъ въ плѣнъ 60 человѣкъ и одного офицера и прогналъ полкъ до Бѣловѣжской пущи. При преслѣдованіи онаго полка много было убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ командиръ онаго полка *принцъ Гессенъ Гомбургскій.*

Отрядъ генерала *Лидерса* былъ моимъ въ Сербіи, а возвратившись, подъ Хотинымъ, по повелѣнію адмирала, оный сдалъ ему, а самъ отправился для командованія авангардомъ въ армію. Изъ Бухареста получилъ я повелѣніе отъ адмирала итти въ авангардъ къ рѣкѣ Дрину и, переправясь чрезъ Дунай, приготовить на цѣлую армію фуража, ибо онъ имѣлъ намѣреніе итти чрезъ Черныя Горы въ Италію. Не довольно, что успѣлъ приготовить фуража для цѣлой арміи, но начальникъ сербовъ *Кара-Георгій* далъ мнѣ 20,000 отличныхъ сербскихъ воиновъ съ орудіями, дабы они находились подъ моею командою въ авангардѣ и шли со мною въ Италію, о чемъ я донесъ главнокомандующему.

По взятіи батареи, главная квартира перешла въ Борисовъ. *Ламберта* авангардъ впереди онаго, а вся армія Дунайская осталась за рѣкою. Ошибка состояла въ томъ, что Ламбертъ, будучи раненъ, не имѣя назначеннаго сейчасъ на мѣсто свое авангарднаго начальника, который бы навѣрно казаковъ, состоящихъ подъ командою полковника или генерала *Грекова*, отправилъ впередъ по дорогѣ къ Оршѣ, по движенію непріятеля; но оное было упущено. Въ Борисовѣ начальникъ штаба генералъ-лейтенантъ *Сабанѣевъ* послалъ за мною и объявилъ повелѣніе адмирала, чтобы я принялъ авангардъ и шелъ по дорогѣ, вамъ уже извѣстной. Я просилъ уволить меня отъ командованія авангардомъ и на мѣсто мое послали графа *Палена* до прибытія генерала *Чаплица*. Узнавши, что нашъ авангардъ встрѣтился съ непріятелемъ, генералъ *Воиновъ* взялъ меня съ собою и поѣхали мы къ авангарду. На дорогѣ попалась намъ на встрѣчу конная артилерія, идучи на рысяхъ,—я велѣлъ итти имъ шагомъ, дабы не испугать наши войска. Воиновъ возвратился назадъ, а я поѣхалъ впередъ и нашелъ кавалерійскіе регулярные полки, выстроенные по дорогѣ, на полянкѣ въ лѣсу. Спрашивалъ ихъ, гдѣ авангардный начальникъ, они мнѣ говорили, что впереди съ казаками; я полковнику *Аргамакову* совѣтовалъ, ежели они получатъ отъ авангарднаго начальника повелѣніе къ отступленію—отступить въ порядкѣ и не бѣгать, а *гусарскаго Александрійскаго полка* полковнику *Ефимовичу* приказалъ съ полкомъ прикрывать ретираду, увѣряя его, что четыре егерскіе полка, которые были въ авангардѣ, прикроютъ въ лѣсу ихъ фланги при отступленіи, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что егерей уже нѣтъ, что они взяты въ плѣнъ. Не хотѣлъ я ему вѣрить, пока не удостовѣрился изъ выстрѣловъ непріятельскихъ егерей. Лошадь моя была ранена; я поѣхалъ назадъ. Не доходя до перваго моста, увидѣлъ, что вся кавалерія регулярная въ безпорядкѣ бѣжитъ назадъ—я имъ приказалъ остановиться, они говорили, что нѣтъ начальника, на что я имъ отвѣчалъ, что я ими командую. *Аргамаковъ* собралъ до 200 драгунъ, а подполковникъ Александрійскаго гусарскаго полка *князь Мадатовъ* до 60 гусаръ. Стоялъ я съ ними до самаго вечера, а городъ Борисовъ занималъ генералъ-маіоръ *князь Щербатовъ*, но онъ, не дождавшись вечера, отправился со своими гренадерами чрезъ мостъ. Послалъ я генералу Воинову дежурнаго своего штабъ-офицера, Ясона Семеновича *Храповицкаго*, просить, чтобы прислалъ одинъ пѣхотный полкъ, съ которымъ и удержу Борисовъ до невозможности. Полкъ не дошелъ половины моста и *шарахнулся назадъ*.

Храбрый мой дежурный штабъ-офицеръ остановилъ ихъ и пошелъ съ ними впередъ, но они вторично повернулись и ушли. Это былъ *Апшеронскій пѣхотный полкъ.* Непріятель не преслѣдовалъ сильно и не вступалъ въ Борисовъ, но безпорядокъ, удерживаемый въ авангардѣ, привелъ полки къ разстройству. Довольно бы было времени, если бы поставили на мосту команду, чтобы обозъ въ порядкѣ перешелъ и ничего въ Борисовѣ не осталось бы. На другой день адмиралъ Чичаговъ приказалъ мнѣ съ *Волынскимъ уланскимъ* полкомъ и 2-мя казачьими итти къ мѣстечку Березинѣ, уничтожить тамъ переправу, удержать непріятеля до его прибытія, а попадающій мнѣ на встрѣчу отрядъ генерала Эртеля взять подъ свою команду. Эртеля я не засталъ нигдѣ и шелъ я съ своими полками на рысяхъ, и что десять верстъ,—оставлялъ по два казака на летучей почтѣ. Одинъ казачій полкъ откомандировалъ я по рѣкѣ, но непріятеля нигдѣ не видно было, а уже Дунайская армія выступила за мною вслѣдъ. Чаплицу приказано оставить Студенку и итти къ Борисову. Отойдя три мили, донесъ я главнокомандующему, что непріятеля нигдѣ не видать и не слыхать, что они направленіе взяли къ Березинѣ, а навѣрно въ Борисовѣ или ниже по рѣкѣ; таковыхъ рапортовъ я ему посылалъ нѣсколько.

Сдѣлавши десять миль, послалъ я вновь рапортъ, что непріятеля не видать и что вѣроятно будетъ дѣлать переправу ниже Борисова. Получивъ мои рапорты, отойдя отъ Борисова 7 верстъ, собралъ всѣхъ генераловъ и совѣтовался съ ними, показавъ имъ мои донесенія и повелѣнія къ нему отъ фельдмаршала. *Всѣ генералы, кромѣ Ланжерона, отвѣчали «какъ Вамъ угодно». Но Ланжеронъ ему сказалъ, что Орурку надо вѣрить, не въ первый разъ онъ противъ французовъ воюетъ и надобно рекогносцировать внизъ за Борисовымъ, не переправляется тамъ гдѣ нибудь непріятель?* Адмиралъ остался на ночь на томъ самомъ мѣстѣ, а по утру удостовѣрился, что я правъ и что непріятель переправляется въ Студенкѣ. Тамъ было оставлено Чаплицемъ два егерскіе полка подъ командою полковника Корнилова, а я получилъ повелѣніе возвратиться назадъ. Прибывъ въ м. Березинъ, отправилъ я сейчасъ храбраго своего дежурнаго штабъ-офицера Ясона Храповицкаго чрезъ рѣку Березину отыскать непремѣнно непріятеля—но вмѣсто его нашелъ онъ партизана Давыдова и авангардъ подъ командою генерала Ожаровскаго, которые ему объявили, что они идутъ вслѣдъ за непріятелемъ, который переправляется чрезъ рѣку Березину при мѣстечкѣ того же названія. Прибывъ назадъ, засталъ

я главнокомандующаго въ деревнѣ за милю за Борисовымъ. Дунайская наша армія была въ дѣлѣ съ непріятельскою подъ командою графа генерала Ланжерона. Ночью послалъ меня адмиралъ съ Волынскимъ уланскимъ полкомъ и двумя казачьими и двумя резервными баталіонами гренадеровъ за полторы мили, гдѣ онъ, по извѣстіи полученномъ, узналъ, что находится французскій генералъ съ большимъ отрядомъ. На мѣсто того, нашелъ я тамъ ничто другое, какъ большое число французскимъ мародеровъ. Оттоль отправился я съ своимъ отрядомъ и догналъ авангардъ подъ командою генерала Чаплица; оставилъ ему своихъ гренадеръ и Волынскій—уланскій полкъ, а отъ него взялъ два полка казачіе и съ сими четырьмя полками шелъ я за непріятелемъ отъ Молодечной до Ковно и не сражавшись съ нимъ, забралъ пропасть плѣнныхъ и множество орудій, которые я передалъ Чаплицу. Они устали съ голоду и морозу и не было уже никакой надобности съ ними драться. Я три полка распустилъ по деревнямъ на ночь, а съ однимъ находился въ бивакахъ подъ самымъ непріятелемъ. Эти казаки мѣшали имъ фуражировать по бокамъ дороги, а при разсвѣтѣ начинали ихъ фланги обходить, а потому они, бѣдные всегда были въ походѣ. Вы можете обо всемъ узнать наивѣрнѣе отъ Ясона Семеновича Храповицкаго, отставного генералъ-маіора и члена министерства Внутреннихъ дѣлъ, проживающаго на Италіанской ул. д. Де-Лакини, подъ № 64. При чемъ честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ П. Оруркъ.

6-го октября 1839 г
Г. Новогрудокъ.

Записки генерала Изюмова

о дѣйствіяхъ Чугуевскаго уланскаго полка въ 1812 году.

I.

Боевой генералъ Николай Григорьевичъ *Изюмовъ*, начальникъ кавалеріи всѣхъ округовъ Кіевскихъ и Подольскихъ военныхъ поселеній, участникъ отечественной войны и другихъ кампаній происходилъ изъ дворянъ Бѣлорусско-Могилевской губерніи. Онъ родился въ 1779 году и восемнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1797 году, былъ зачисленъ рядовымъ въ Чугуевскій уланскій полкъ, которымъ впослѣдствіи командовалъ.

Проходя послѣдовательно службу, Изюмовъ въ 1803 году былъ произведенъ въ корнеты и въ этомъ чинѣ получилъ боевое крещеніе въ Турецкой кампаніи, 1806 г. въ бою при д. Фламундѣ; въ 1808 году былъ произведенъ въ поручики и назначенъ шефскимъ адъютантомъ, а черезъ два года за штурмъ болгарскаго города Базарджика, былъ награжденъ золотымъ знакомъ. Въ кампаніи противъ турокъ въ Валахіи, Молдавіи и Болгаріи, Изюмовъ почти все время находился въ передовыхъ отрядахъ и участвовалъ въ 26 крупныхъ сраженіяхъ, не считая мелкихъ авангардныхъ стычекъ.

Съ неменьшимъ отличіемъ дѣйствовалъ онъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. 15-го сентября 1812 г. онъ участвуетъ въ бою близъ д. Ставки, 3 и 4 ноября подъ г. Волковыскомъ, при атакѣ генерала Сакена на саксонскій корпусъ Рейнье, съ 1 января 1813 г. до заключенія Рейхенбахскаго договора противъ Наполеона, въ блокадѣ крѣпости Глогау (1—21 марта) въ бою между м. Геренгевальдомъ и Вальтенгеймомъ (23 апрѣля) и кромѣ того во всѣхъ арьергардныхъ стычкахъ; въ одной изъ нихъ (2 мая) онъ получаетъ тяжелую контузію, которая на мѣсяцъ укладываетъ его въ госпиталь. Едва оправившись, Изюмовъ возвращается въ свой полкъ и 11-го августа, соединивъ свой эскадронъ съ дивизіономъ венгерскихъ Лихтенштейнскихъ гусаръ, разбиваетъ подъ м. Бемишлейнъ сильную непріятельскую партію и беретъ въ плѣнъ 25 человѣкъ. 3 сентября въ лихой кавалерійской атакѣ при д. Петерсвальдѣ Изюмовъ разсѣкаетъ пѣхотную непріятельскую колонну и на другой денъ повторяетъ съ успѣхомъ при д. Шенвальдѣ и Ноледорфѣ тотъ же маневръ. За эти дѣла онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст. Въ Лейпцигскомъ сраженіи (4 октября 1813 г.), онъ съ 3 эскадронами Чугуевскихъ уланъ атакуетъ нѣсколько пѣхотныхъ колоннъ непріятеля, и, остановивъ ихъ, спасаетъ два брошенныхъ австрійцами орудія, а затѣмъ (6 октября), послѣ нѣсколькихъ стремительныхъ атакъ на непріятельскую кавалерію, беретъ въ плѣнъ много офицеровъ и солдатъ. 11 октября при м. Бутельштейнѣ Изюмовъ, командуя Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, опрокинулъ пять полковъ французскихъ драгунъ и, преслѣдуя ихъ болѣе 5 верстъ, взялъ въ плѣнъ свыше 200 солдатъ и офицеровъ. 17 января 1814 года, онъ участвуетъ при переправѣ черезъ Рейнъ на французскую сторону и послѣ столь труднаго дѣла, на другой же день, удерживаетъ въ теченіе полусутокъ наступленіе непріятеля, подвергаясь все время пушечному огню и имѣя въ своемъ распоряженіи всего

4 эскадрона. За эти два дѣла онъ жалуется кавалеромъ орд. Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Участвуя затѣмъ въ бояхъ: при Мерина-Сенѣ (26-го января) при д. Рошели (28-го января), при г. Ножанъ-на-Сенѣ (29 и 30-го января), при м. Мармонѣ (5-го февраля), при г. Бернардъ (15-го февраля), при д. Ліоберсель (19-го февраля), при г. Труа (20-го февраля), и въ генеральномъ сраженіи при г. Арси (9-го марта).—13-го марта при Фершампенуазѣ Изюмовъ, командуя полкомъ, съ успѣхомъ нѣсколько разъ атакуетъ непріятельскую, пѣхоту и кавалерію, преслѣдуетъ врага до наступленія ночи и беретъ въ плѣнъ до 300 человѣкъ и 3 орудія. За эти отличія онъ вторично награждается орденомъ Св. Владиміра 4 ст.

При генеральной атакѣ Парижа, наблюдая за замкомъ Венсенъ, Изюмовъ замѣчаетъ, что изъ Парижа въ Венсенъ двигается отрядъ непріятельскихъ войскъ; онъ его атакуетъ и несмотря на жестокій перекрестный огонь, подъ самыми стѣнами Парижа заклепываетъ 18 орудій, а 10 орудій со снарядами, 12 офицеровъ и много нижнихъ чиновъ беретъ въ плѣнъ (18-го марта). На другой день, пройдя Парижъ, при преслѣдованіи остатковъ французскаго корпуса, по дорогѣ къ Фонтенебло, Изюмовъ былъ раненъ пулей въ ногу. За бои при Арси и подъ Парижемъ ему жалуется орденъ Св. Георгія 4 кл.

По заключеніи мира Изюмовъ въ мартѣ 1815 г. былъ на смотру при г. Вертю, а затѣмъ участвовалъ въ обратномъ походѣ въ Россію, куда вернулся въ сентябрѣ 1815 г.

Въ 1818 г., въ чинѣ подполковника, онъ назначается командиромъ Чугуевскаго уланскаго полка и въ 1826 г. производится за отличіе въ полковники.

Съ 1826 по 1828 г. Изюмовъ участвуетъ въ Персидскихъ компаніяхъ, завершившихся Туркменчайскимъ миромъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева, графа Паскевича-Эриванскаго, графа Сухтелена и генерала Розена 6-го.

Въ 1831 г. Изюмовъ принимаетъ участіе въ усмиреніи мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ и литовскихъ губерніяхъ, чѣмъ и заканчивается его многолѣтняя боевая дѣятельность.

Будучи произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры (6 декабря 1834 г.) Изюмовъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, а затѣмъ начальникомъ округовъ военныхъ поселеній 2-й уланской дивизіи (30 сентября 1835 г.).

Въ 1840 г. Онъ Высочайше командированъ для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ въ округахъ военныхъ по-

селеній Кіевской и Подольской губерній, въ сентябрѣ 1844 г. назначается начальникомъ 5-ти округовъ военныхъ поселеній въ тѣхъ же губерніяхъ и въ декабрѣ 1844 г. производится за отличіе въ генералъ-лейтенанты. Въ 1845 г. Изюмовъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1 ст. и въ 1847 г. Св. Владиміра 2 ст.

Умеръ Н. Г. Изюмовъ въ преклонномъ возрастѣ, 70 лѣтъ отъ роду, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ.

Въ своей запискѣ «О дѣйствіяхъ Чугуевскаго уланскаго полка въ 1812 г.» Н. Г. Изюмовъ описываетъ шестимѣсячный походъ своего полка изъ Малой Валахіи на Слонимъ и Бѣлостокъ въ Варшаву подъ начальствомъ генерала Булатова. Такъ какъ полку пришлось проходить по мѣстамъ, отдаленнымъ отъ непріятеля, то въ запискѣ описывается почти исключительно трудное движеніе полка, безъ обоза, при ноябрьской стужѣ и дождяхъ. Изюмовъ вспоминаетъ о прибытіи въ Варшаву, какъ вступленіе въ обѣтованную землю.

Записки

похода Чугуевскаго уланскаго полка въ 1812 году.

По заключеніи съ турками мира, Чугуевскій уланскій полкъ поступилъ въ отрядъ, состоящій подъ командою генералъ-маіора Булатова въ Малой Валахіи. По полученному повелѣнію въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 г. полкъ выступилъ оттоль 12-го числа и слѣдовалъ на Слатину, Челонешти, Бухарестъ, Урзычени, Бузео, до гор. Фокшанъ, имѣя обыкновенные роздыхи; но отъ Фокшанъ, всѣ войска, состоявшія въ отрядѣ, слѣдовали по правому берегу рѣки Серета, форсированнымъ маршемъ, со всею воинскою предосторожностію, въ одной общей колоннѣ.

Неизвѣстно, какія причины заставили генералъ-маіора Булатова не позволять кавалеріи отдѣляться отъ пѣхоты. Кажется, со стороны Австріи, не предвидѣлось опасности; и хотя мы проходили не далеко отъ границы Трансильваніи, но по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, войскъ тамъ не было. Между тѣмъ черезъ утомительный маршъ, кавалерія много потерпѣла; тащась вмѣстѣ съ пѣхотой и безпрерывно останавливаясь, не было времени выкормить лошадей: приходили поздно и выступали до разсвѣта; только въ городѣ Романѣ, гдѣ переправа черезъ Серетъ, имѣли мы дневку и то потому, что за проливными дождями отстали обозы. Вслѣдствіе такого распоряженія въ кавалеріи и артилеріи лошади совершенно изну-

рились. между людьми оказалось много больныхъ и слабыхъ такъ что по прибытіи къ крѣпости Хотину, принуждены были отправить весь вагенбургъ и лазареты въ Могилевъ на Днѣстрѣ; а войска, переправясь черезъ Днѣстръ у Хотина, пошли къ Каменецъ-Подольску. Отрядъ генералъ-маіора Булатова шелъ столь поспѣшно, что опередилъ графа Палена, стоявшаго съ своими войсками около Берлата. Зато у него кавалерія была сохранена и въ полномъ числѣ, а у насъ кромѣ изнуренія лошадей, за отдѣленіемъ больныхъ, оставалось только по 9-ти рядовъ во взводѣ. Это было весьма не выгодно, готовясь къ великой отечественной войнѣ.

При гор. Каменецъ-Подольскомъ простояли мы нѣсколько дней пока всѣ отряды войскъ стянулись. Въ это время главнокомандующій арміею—Адмиралъ Чичаговъ—пріѣзжалъ въ нашъ отрядъ, изъявить генералу Булатову благодарность за быстрое прибытіе къ сборному мѣсту и поручилъ ему на другой день выступить, слѣдуя вдоль границъ Галиціи къ сторонѣ Кобрина, гдѣ должны были соединиться съ арміею генерала Тормасова. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ встрѣтили мы 15-го сентября, въ лѣсу, не доходя деревни. Ставки, непріятеля, съ которымъ и завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся до вечера—и кончившаяся его отступленіемъ.

Вся армія соединилась 16-го сентября. Мы прошли Кобринъ и переправясь черезъ Мухавецъ, при селеніи Булковѣ, обратились къ Бресту-Литовскому.

Полученное извѣстіе о занятіи Наполеономъ Москвы посѣяло въ войскѣ уныніе. Подробностей о дѣйствіяхъ главной арміи намъ не было извѣстно; многіе считали все уже потеряннымъ, но большая часть съ вѣрою въ Бога надѣялась восторжествовать надъ общимъ врагомъ.

Непріятель ретировался и наша армія, пославши казачьи полки для наблюденія его, остановилась. Главная квартира заняла Брестъ-Литовскъ, а отрядъ генерала Булатова, переправясь чрезъ Бугъ и пробывъ два дня въ окрестностяхъ Тересполя, расположился по селеніямъ къ сторонѣ Влодавы, гдѣ простояли около двухъ недѣль, посылая разъѣзды къ рѣкѣ Цнѣ.

Главнокомандующій адмиралъ Чичаговъ съ большею частію своей арміи отправился къ Березинѣ, оставивъ генерала барона Остенъ-Сакена въ Брестѣ-Литовскомъ, въ корпусъ котораго поступилъ и нашъ отрядъ.

Съ отбытіемъ главнокомандующаго непріятельскія войска, подъ начальствомъ князя Шварценберга, перейдя на лѣвый берегъ Буга,

заняли мѣстечко Бялу. Генералъ Булатова послалъ ротмистра Изюмова съ партіею развѣдать о непріятелѣ, приказавъ между тѣмъ отряду своему соединиться и быть въ готовности. Только что ротмистръ отправился, какъ узналъ отъ посланныхъ разъѣздовъ, что отрядъ войскъ, подъ командою генерала Эссена 3-го, идетъ на непріятеля. Немедленно донесъ онъ о томъ генералу Булатову, а самъ пошелъ далѣе къ сторонѣ Медзержыи; но съ прибытіемъ на одну высоту мѣстечка Бялы, услыша пушечные выстрѣлы и удостовѣрившись, что генералъ Эссенъ вступилъ въ дѣло, послалъ о томъ съ донесеніемъ къ своему генералу. *Ротмистръ Изюмовъ* съ партіею своею, будучи отдѣленъ отъ мѣста сраженія топкою и болотистою рѣчкою, имѣлъ всю удобность наблюдать за непріятелемъ, который сперва не рѣшался вывести изъ мѣстечка свой резервъ въ дѣло; но послѣ двухъ часоваго боя опрокинулся всѣми силами на генерала Эссена. Какъ-бы кстати въ это время генералу Булатову принять участіе въ сраженіи, но вмѣсто того, чтобы поспѣшить къ бою, находясь уже на походѣ, онъ вдругъ непонятно по какой причинѣ, остановилъ свой отрядъ и далъ знать партіи возвратиться къ нему. Битва кипѣла, день склонялся къ вечеру и генералъ Эссенъ, хотя съ отличною храбростію отражалъ всѣ непріятельскія нападенія, но тѣснимый превосходными силами, потерявъ одно орудіе, принужденъ отступить. Съ прибытіемъ ротмистра Изюмова, привезшаго о томъ извѣстіе, генералъ *Булатовъ* приказалъ своимъ войскамъ поспѣшно идти назадъ къ Тересполю. Непріятель, удовольствовавшись своимъ успѣхомъ, возвратился въ мѣстечко Бялу и въ ту же ночь выступилъ и потянулся къ Немирову гораздо покойнѣе, нежели ожидалъ.

Корпусный командиръ, генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, извѣстясь, что князь Шварценбергъ, оставилъ генерала Ренье съ саксонскими войсками въ Волковыскѣ, а самъ съ австрійцами занялъ Слонимъ, вознамѣрился воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и, собравъ корпусъ свой, двинулся къ Волковыску, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ ежели не разбить, то отбросить далѣе саксонскія войска. Въ ночь съ 2-го на 3-е число ноября мы находились въ пяти верстахъ отъ города, какъ вдругъ прискакавшіе 4-го Украинскаго полка нѣсколько казаковъ объявили, что на полкъ ихъ, посланный для наблюденія Слонимской дороги, неожиданно напала непріятельская кавалерія и весь разсѣяла. Тотъ же часъ корпусу велѣно было поспѣшить аттаковать Волковыскъ. Пользуясь темнотою ночи, мы напали врасплохъ на непріятеля; говорятъ, что генералъ

Ренье едва успѣлъ выскочить изъ занимаемаго имъ дома; однако же послѣдствія этой экспедиціи не имѣли того, какъ предполагали, успѣха: съ разсвѣтомъ мы увидѣли саксонскія войска выстроенными и занимающими крѣпкую позицію, которую и удержали за собой, отразивъ всѣ наши нападенія. 4-е число прошло въ перестрѣлкѣ и разныхъ маневрахъ безъ особенной выгоды, а съ наступленіемъ ночи мы снялись съ своей позиціи и пошли по направленію къ Бѣловѣжской пущѣ.

Двумъ эскадронамъ Чугуевскихъ уланъ назначено было идти въ аріергардѣ и подбирать всѣхъ отсталыхъ. Это порученіе было самое трудное изъ всего похода; мы шли всю ночь и на другой день увидѣли, что и непріятельскій авангардъ слѣдуетъ за нами; много было хлопотъ выгонять пѣхотныхъ солдатъ изъ деревень: по счастію непріятель слабо насъ преслѣдовалъ. Къ вечеру остановились у мѣстечка Свислочь и Чугуевскіе эскадроны, бывшіе въ арріергардѣ, присоединились къ полку. До разсвѣта войска наши поднялись; но приближаясь къ Бѣловѣжской пущѣ, встрѣтили австрійцевъ, спѣшившихъ отъ Слонима, чтобы отрѣзать единственный намъ путь. Пѣхота наша успѣла однако же занять тѣснины и мостъ черезъ рѣчку Наревку. *Чугуевскіе карабинеры* отбили нападеніе венгерскихъ гусаръ и, дождавшись присоединенія послѣдняго казачьяго полка, вошли вмѣстѣ въ пущу и укрылись отъ непріятеля подъ защитою пѣхоты. Утомленныя лошади требовали отдыха и мы, пройдя верстъ 15-ть, остановились ихъ кормить лѣсной травой: другого корма негдѣ было достать. Послѣ четырехъ часового отдыха, когда приблизилась къ намъ пѣхота, мы пошли къ мѣстечку Бѣловѣжъ, гдѣ и пробыли до разсвѣта другого дня. Пасмурная погода превратилась въ дождливую и разгрязнила дорогу черезъ лѣсъ. Съ большимъ трудомъ тащились обозы, артилерію едва везли истощенныя лошади, а подъ батарейныя орудія роты *полковника Поля* употреблены были строевыя лошади *Смоленскаго драгунскаго полка.* Пройдя пущу, мы встрѣтили за мѣстечкомъ Шерешовымъ лучшую дорогу. Въ ночь 12-го числа ноября подулъ сѣверный вѣтеръ и дождь превратился въ снѣгъ, а къ утру сильный морозъ заковалъ грязь и движеніе войскъ сдѣлалось свободнѣе. Часа за два до разсвѣта, поднялись съ мѣста ночлега; рѣзкій и холодный вѣтеръ пронизывалъ до костей; платье, намокшее въ дождливые дни, сдѣлалось какъ лубокъ; верхомъ ѣхать было слишкомъ холодно и люди, по перемѣнкамъ, бѣжали пѣшкомъ. *Шефъ Смоленскаго драгунскаго* полка, генералъ-маіоръ *Гамперъ*, состарившійся на службѣ, едва

не заплатилъ за встрѣчу съ зимой своею жизнью: онъ такъ перезябъ, что почти говорить не могъ. По счастью скоро встрѣтилась жидовская, съ топившеюся печкою, корчма. Съ трудомъ сняли его съ лошади и ввели въ избу, гдѣ успѣли отогрѣть; но съ приближеніемъ находившихся въ арріергардѣ казаковъ надобно было поспѣшнѣе удалиться и мы, посадя почтеннѣйшаго старца на лошадь, догнали на рысяхъ колонну. Три дня мы не были обезпокоиваемы непріятелемъ; но подойдя къ рѣкѣ Мухавцу, показались его войска, однако же мы успѣли перейти рѣку и уничтожить мостъ. Весь день продолжалась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба; ночь проведена довольно покойно и со стороны непріятеля не было тревоги, но съ разсвѣтомъ возобновилась артилерійская перестрѣлка, продолжавшаяся болѣе половины дня. Выждавъ, пока главныя наши войска отошли на значительное разстояніе къ сторонѣ Кобрина, велѣно и намъ слѣдовать за ними, предоставя непріятелю устраивать переправу. Отойдя верстъ шесть, встрѣтили нѣсколько повозокъ съ бочками, это была винная порція, которую возили за отрядомъ генерала Булатова, но неизвѣстно по какому разсчету не отпускали нижнимъ чинамъ, а теперь принуждены были бросить и, чтобы не досталось непріятелю, велѣно разбить бочки. Пѣхотные солдаты, какъ рой къ ульямъ, кинулись набирать въ манерки; но разрубили обручи, вино полилось и съ прибытіемъ нашего арріергарда заставили солдатъ удалиться. Они отходя роптали, для чего имъ прежде не отпускали порціи и кажется имѣли на то полную справедливость. Городъ Кобринъ прошли мы ночью, по дорогѣ къ мѣстечку Ратно и остановились на ночлегъ. Съ разсвѣтомъ узнали, что непріятель далѣе не преслѣдуетъ; отрядъ нашъ, отойдя два перехода, встрѣтилъ свой обозъ и заводныхъ лошадей, отправленныхъ сюда еще прежде отъ Брестъ-Литовска. Эта встрѣча была для насъ праздникомъ, потому что бывшія съ нами бѣлье и обувь слишкомъ обносились и мы здѣсь могли перемѣнить ихъ свѣжими. Кто не былъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, тотъ не можетъ судить о томъ удовольствіи, которое мы чувствовали, когда послѣ продолжительной бивачной жизни подъ дождемъ и снѣгомъ, въ грязи и на сильномъ холодѣ, могли въ теплой избѣ умыться и переодѣться. Дней десять простояли въ окрестностяхъ Ратно; здѣсь пронесся слухъ, что Наполеонъ оставилъ Москву и войско его бѣжитъ по дорогѣ къ Смоленску, сильно преслѣдуемое большою арміею подъ личною командою фельдмаршала Кутузова. Восторгъ нашъ былъ неизъяснимъ: мы обнимали другъ друга и поздравляли взаимно съ столь счастли-

вымъ событіемъ; но боялись еще увлекаться радостію, не имѣя достовѣрныхъ о томъ свѣдѣній.

Шефъ Чугуевскаго уланскаго полка, генералъ-маіоръ *Лисаневичъ*, получилъ предписаніе съ *Чугуевскимъ уланскимъ* и съ первымъ *Калмыцкимъ* полками, отправиться для поисковъ за непріятелемъ къ Пинску и отъ толь къ Слониму. Отдѣлившись отъ отряда, мы пошли прямѣйшею зимнею дорогою къ Пинску, отъ толь на Логишинъ и далѣе по направленію Огинскаго канала. 10-го декабря, пройдя мѣстечко Полонки, встрѣтили непріятельскую партію, которая только что завидѣла насъ, бросилась бѣжать. Калмыки погнались за нею, нѣсколько человѣкъ изрубили и одного тяжело раненаго поляка привели къ генералу. Отъ этого плѣннаго узнали, что князь Шварценбергъ со всѣми войсками поспѣшно ретируется къ Бѣлостоку, куда и мы взяли свое направленіе. По дорогѣ набрали много плѣнныхъ, большею частію австрійцевъ. Бѣлостокъ нашли очищеннымъ уже отъ непріятеля, и за сутки предъ нами были тамъ Россійскія войска изъ корпуса генерала *Милорадовича*. Мы обратились къ Бѣльску и остановились въ окрестностяхъ Граева. Здѣсь генералъ Лисаневичъ получилъ повелѣніе присоединиться къ корпусу генерала Милорадовича. 24-го декабря перешли рѣку Бугъ и расположились около Соколова, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. Въ первый разъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, досталось ночевать въ квартирахъ и бѣдныя лошади наши получили хорошій кормъ подъ защитою отъ непогоды. Послѣ шестидневнаго отдыха выступили къ Варшавѣ и новый 1813 годъ встрѣтили съ неизъяснимою радостію въ предѣлахъ Варшавскаго герцогства, торжествуя ниспосланную Небомъ на враговъ Россіи побѣду.

Николай Изюмовъ.

Записка

Рижскаго коменданта, генералъ-лейтенанта И. Ѳ. Эмме, о блокадѣ Риги въ 1812 году.

Насколько я могу припомнить, наиболѣе замѣчательныя событія, происходившія въ 1812 году во время блокады города Риги французами, были слѣдующія.

Вмѣсто князя Лобанова военнымъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи и командующимъ всѣми

войсками этого округа былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ *Эссенъ* [1]).

Что касается до нравственныхъ качествъ генерала Эссена, его вѣрности, прямодушія и честности, руководившихъ всегда имъ, то съ этой стороны онъ являлся безупречнымъ. Но къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, благодаря своему рѣзкому и черезчуръ вспыльчивому характеру, онъ иногда ставилъ себя въ неловкое положеніе въ затруднительныхъ случаяхъ, касавшихся, какъ его лично, такъ и администраціи, ввѣренной ему, такъ какъ придавалъ слишкомъ много значенія и легко поддавался совѣтамъ лицъ, окружавшихъ его. Кромѣ присущей ему нерѣшительности въ распоряженіяхъ имъ часто и очень не кстати овладѣвала боязнь, иногда даже какой то паническій ужасъ, происходившій впрочемъ не изъ трусости, что онъ имѣлъ случай неоднократно доказать, но единственно изъ страха тяготѣвшей на немъ отвѣтственности; это обстоятельство при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, вредило его чести. Это и заставляло его часто терять голову и отмѣнять данныя часъ тому назадъ распоряженія; онъ почти никогда не былъ увѣренъ въ томъ, насколько они соотвѣтствуютъ данному моменту. Таковымъ выказалъ себя генералъ Эссенъ, вступивъ во ввѣренное ему командованіе.

Въ первые дни не случилось ничего особеннаго, достойнаго упоминанія, исключая развѣ того, что генералъ нашелъ нужнымъ перевести всѣ мѣстныя власти, даже губернатора[2]) въ Перновъ, оставивъ при себѣ для веденія дѣлъ только одного совѣтника правленія.

Затѣмъ онъ рѣшилъ осуществить данную имъ инструкцію объ уничтоженіи предмѣстьевъ, какъ только врагъ подойдетъ къ городу на разстояніе двухъ переходовъ, что и случилось съ занятіемъ французами Митавы; съ этихъ то предмѣстьевъ онъ и началъ.

Къ несчастью, при исполненіи этого приказанія порядокъ совершенно отсутствовалъ: все дѣлалось на спѣхъ, вслѣдствіе чего дома разорялись, не соображаясь съ мѣстоположеніемъ, не разбирая того, могутъ они представлять собою помѣху или нѣтъ, притомъ же все приводилось въ исполненіе съ большими злоупотребленіями и ущербомъ для владѣльцевъ.

Уже при *князѣ Лобановѣ* были предприняты нѣкоторыя работы въ укрѣпленіяхъ для защиты города со стороны Митавы; число

---

[1]) Ген.-лейт. И. Н. Эссенъ 1-й.

[2]) Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ 1812 году былъ дѣйств. статсов. Ос. Осип. Дюгамель. *К. В.*

укрѣпленій, отчасти уже существовавшихъ, увеличивалось, поправлялось укрѣпленіе, защищавшее мостъ, и иныя, менѣе значительныя. На всемъ протяженіи этихъ укрѣпленій, лишенныхъ между собою сообщеній, необходимыя для нихъ работы велись въ широкомъ размѣрѣ. Но слѣдовало также увеличить и число войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Риги, чтобы защищать только одни эти укрѣпленія, такъ какъ самый городъ былъ въ весьма маломъ количествѣ снабженъ войсками какого бы то ни было оружія. Нести службу на валахъ, около пушекъ было некому, такъ что пришлось привлечь изъ цехового общества всѣхъ, кто сколько нибудь годился для этой службы. Ихъ распредѣлили около пушекъ, наиболѣе годныхъ къ употребленію въ случаѣ надобности, такимъ образомъ, что на орудіе приходилось по два артиллериста и по три цеховыхъ мастера, которыхъ. сверхъ того, надо было еще обучить совершенно незнакомому имъ дѣлу. Неудивительно, что въ такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ находился генералъ Эссенъ, не имѣвшій ни средствъ, ни поддержки, при его нерѣшительномъ характерѣ, послѣдній часто затруднялся въ выборѣ мѣропріятія, наиболѣе подходящаго къ обстоятельствамъ. Даже мѣста для возведенія укрѣпленій были отчасти неудачно выбраны, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ были доступны обстрѣлу съ близлежащихъ высотъ, что дѣлало защиту ихъ ненадежной. Мѣстоположеніе Риги со стороны рѣки Двины дѣлаетъ доступъ къ городу почти невозможнымъ и непріятелю пришлось бы преодолѣть не мало препятствій, прежде чѣмъ предпринять правильную атаку этого пункта или штурмъ его, несмотря на то, что линія защиты со стороны рѣки, сама по себѣ, очень слаба. Она не имѣетъ изгибовъ, помогающихъ укрѣпленіямъ поддерживать другъ друга и два крайне слабые пункта прилегаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ къ этому береговому укрѣпленію: съ одной стороны Московское предмѣстье, а съ другой императорскій садъ старой крѣпости, т. е. то, что на языкѣ фортификаціи называется мертвымъ пространствомъ. Вслѣдствіе чего, для предупрежденія высадки непріятеля, я предложилъ построить на двухъ вышеуказанныхъ пунктахъ береговыя батареи; онѣ могли бы быть полезны при защитѣ прохода по рѣкѣ, если бы непріятель попытался использовать его, что и было, такъ какъ сама ширина рѣки представляетъ трудно преодолимое препятствіе для наведенія понтонныхъ мостовъ. Эта работа требовала много времени и много хлопотъ и была не легка для выполненія.

Теперь я перейду къ тому, что вызвало сожженіе Московскаго и Петербургскаго предмѣстій.

Вотъ общее предположеніе о томъ, что привело къ этой катастрофѣ. Довольно продолжительное время все обстояло благополучно и генералъ *Эссенъ* продолжалъ дѣлать распоряженія, которыя онъ находилъ необходимыми. Несмотря на это кажущееся спокойствіе, обитатели вышеупомянутыхъ предмѣстій не переставали обращаться къ генералу съ заявленіями опасенія за свое имущество въ предмѣстьяхъ и съразспросами. Генералъ искренно желая въ тотъ моментъ положить конецъ ихъ безпокойству, приказалъ однажды *объявить на биржѣ, что предмѣстья совсѣмъ не будутъ преданы огню и что каждый можетъ спокойно жить въ своемъ домѣ.*

Увѣряютъ, что объявленіе объ этомъ распоряженіи было вывѣшено на биржѣ; впрочемъ, я не могу ни утверждать, ни отрицать этого, такъ какъ, по моему служебному положенію, моимъ занятіямъ и обязанностямъ, я слѣдилъ и наблюдалъ въ иномъ направленіи и старался не осложнять дѣла. Но такъ какъ рижскій магистратъ долженъ былъ быть болѣе освѣдомленъ о всемъ происходившемъ, то за полученіемъ болѣе полныхъ свѣдѣній и слѣдовало обратиться къ нему.

Къ величайшему, однако, удивленію всей Риги, въ тотъ же самый день, какъ было обнародовано это объявленіе, послѣ полудня, къ генералу Эссену прибылъ главный лѣсничій Курляндіи, *Ренне*, чтобы извѣстить его, что непріятель дѣлаетъ попытки перейти рѣку противъ Московскаго предмѣстья, въ окрестностяхъ Юнгфернгофа. Генералъ Эссенъ приказалъ позвать къ себѣ генерала Левиза [1]) и подполковника *Тидемана*, перешедшаго съ прусской службы на русскую и по квартирмейстерской части и состоявшаго адъютантомъ при генералѣ *Эссенѣ*.

Они составили совѣтъ, на который я, хотя и былъ комендантомъ, приглашенъ не былъ. Самъ я никоимъ образомъ не могъ бы повѣрить извѣстію г-на *Ренне*, сдѣлавъ лично нѣсколько рекогносцировокъ въ разныхъ направленіяхъ вдоль всей рѣки. Съ указанной имъ стороны я никогда не замѣчалъ ни малѣйшихъ признаковъ враждебныхъ намъ приготовленій, о чемъ, конечно, я и доносилъ генералу Эссену и даже въ день, предшествовавшій ночи сожженія предмѣстьевъ, я сдѣлалъ утромъ рекогносцировку со стороны Московскаго предмѣстья, а ночью проѣхалъ по всей цѣпи на-

---

[1]) Ген.-лейт. Ѳед. Ѳед. Левизъ (1767—1824 г.).

ппхъ карауловъ со стороны Митавы и пигдѣ не замѣтилъ ни малѣйшаго движенія, заставившаго бы меня заподозрить какія либо намѣренія непріятеля. Съ обѣихъ сторонъ было отдано распоряженіе спокойно пропускать патрули, не безпокоя ихъ, не только не стрѣляя въ нихъ; такъ что я во время развѣдки не подвергался никакой опасности и прусскія войска, несшія службу на аванпостахъ, имѣли видъ, точно болѣе склонны стоять за насъ, а не противъ насъ. Генералъ Эссенъ, тогда уже нерасположенный ко мнѣ, не допустилъ меня на это совѣщаніе, такъ какъ я не раздѣлялъ его намѣренія сжечь предмѣстья; мое присутствіе на этомъ совѣтѣ было ему нежелательно. Всякая попытка со стороны непріятеля повела бы его къ слишкомъ чувствительнымъ и значительнымъ потерямъ, чтобы рѣшиться на такое движеніе. Канонерскія же лодки, поставленныя въ различныхъ мѣстахъ, дѣлали его выполненіе невозможнымъ. Островъ Газенъ-Хольмъ (Заячій островъ) былъ укрѣпленъ артиллеріей и, по своему положенію и внушительному виду, господствовалъ надъ всей шириной рѣки во всѣхъ направленіяхъ, не давая возможности врагу удержаться на ней. Канонерскія лодки затрудняли доступъ къ острову Газенхольму.

По симъ соображеніямъ единственное преимущество, которое пріобрѣлъ бы непріятель съ занятіемъ Митавскаго предмѣстья, заключалось бы въ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома домахъ, изъ которыхъ онъ могъ бы сдѣлать такъ называемыя кессель-батареи, и съ этой позиціи бомбардировать городъ, сколько угодно, на что наша крѣпостная артиллерія никоимъ образомъ не могла бы отвѣчать съ такимъ же успѣхомъ. Вотъ, каково было положеніе Риги со стороны Курляндіи.

Что касается до другой стороны—отъ Московскаго и Петербургскаго предмѣстьевъ,—то Рига могла выдержать довольно продолжительное время правильную осаду и отбить не одинъ штурмъ, если бы непріятель рѣшился на него. Ширина и глубина рвовъ представляла крупное препятствіе, въ особенности, когда они съ помощью плотины, наполнялись водою. Также не легко было преодолѣть передовыя укрѣпленія; такъ что, по моему мнѣнію, моментъ преданія предмѣстій огню былъ положительно неудачно выбранъ. Пожаръ долженъ былъ состояться лишь тогда, когда непріятель завладѣлъ бы предмѣстьями; намъ онъ принесъ бы пользу, а непріятелю ущербъ и вредъ, такъ какъ съ ближайшихъ городскихъ укрѣпленій мы могли бы метать бомбы, гранаты и брандскугели, которыя осыпали бы врага, завлеченнаго въ узкія пространства улицъ пред-

мѣстій. Въ такомъ положеніи онъ не только не могъ бы тамъ удержаться, но рисковалъ, при хорошей и быстрой вылазкѣ съ нашей стороны, быть окончательно разбитымъ и потерять свою осадную артилерію, которую онъ, вѣроятно, имѣлъ при себѣ. Вотъ что предложилъ я, узнавъ о намѣреніи генерала *Эссена* уничтожить Петербургское и Московское предмѣстья и не сомнѣвался въ успѣхѣ моего плана. Но мое мнѣніе или, вѣрнѣе, мой совѣтъ былъ цѣликомъ отвергнутъ генераломъ Эссеномъ съ его обычной горячностью и рѣзкостью, такъ что я, въ качествѣ Коменданта, находясь непосредственно въ распоряженіи его и обязанный повиноваться ему безпрекословно, болѣе не возвращался къ этому предмету.

Вотъ, каковъ былъ результатъ совѣщанія этого тріумвирата. Рѣшили отправить подполковника *Тидемана* въ Юнгфернгофъ, въ 7-ми верстахъ отъ Риги, и даже далѣе, если онъ найдетъ это необходимымъ. Съ этой цѣлью ему вручили двѣ карточки, съ оттискомъ двухъ разныхъ печатей—красной и черной; красная обозначала, что извѣстіе было ложно, а черная подтверждала его. При этомъ Тидеману приказано, въ случаѣ, если онъ дѣйствительно убѣдится въ дѣлаемыхъ непріятелемъ приготовленіяхъ перейти рѣку, сію же минуту послать обратно карточку съ черной печатью, въ знакъ сигнала къ немедленному сожженію предмѣстій. (Не должно забывать, что это происходило въ тотъ самый день, когда увѣреніе не предавать предмѣстья пламени было помѣщено на биржѣ). Подполковникъ Тидеманъ не успѣлъ еще проѣхать и четверти назначеннаго ему пути, какъ второй посланецъ отъ Ренне (его крестьянинъ) опять прибылъ къ генералу Эссену и повторилъ, что нѣтъ больше никакого сомнѣнія въ намѣреніи непріятеля переправиться черезъ рѣку. Генералъ *Эссенъ*, взволнованный при этомъ извѣстіи, окончательно растерялся. Онъ не далъ себѣ труда здраво разсудить, что если врагъ предпринялъ переходъ черезъ рѣку, то слѣдуетъ предположить, что онъ раздобылъ лодки для перевозки, спрятать которыя такъ, чтобы наши патрули, наблюдающіе за берегомъ рѣки, ихъ совершенно не замѣтили,—было положительно невозможно. Приготовленіе этихъ лодокъ или даже понтоновъ также не могло бы ускользнуть отъ наблюдательности нашихъ передовыхъ линій. Кромѣ того спускъ понтоновъ на воду требовалъ извѣстнаго времени, котораго было бы вполнѣ достаточно, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры и отдать распоряженіе о недопущеніи переправы черезъ рѣку. Но объ этомъ никто не подумалъ, ни генералъ Эссенъ, ни генералъ Левизъ, и, не дожидая извѣстія, которое должно было

придти отъ подполковника Тидемана, посланнаго на развѣдку, генералъ Эссенъ, на клочкѣ бумаги, ни къ кому лично не обращаясь, написалъ слѣдующія немногія слова: *«съ полученіемъ сего зажечь форштаты»*. Начальникъ полиціи *Крюднеръ*, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ эту бумагу, переданную ему безъ обозначенія адреса и сообщилъ мнѣ ея содержаніе. Я сказалъ, что написанное можетъ относиться только къ его особѣ, потому что я, какъ комендантъ, не имѣю ничего общаго съ предмѣстьями и служу въ крѣпости. Затѣмъ я хотѣлъ отправиться къ генералу, чтобы узнать его распоряженія и получить приказы, касающіеся города. Но къ моему величайшему удивленію, когда я пришелъ къ генералу, онъ уже легъ спать, строжайше запретивъ докладывать ему о чемъ бы то ни было и не пропускать къ нему никого. Я не знаю даже, былъ ли принятъ имъ подполковникъ Тидеманъ по возвращеніи его изъ поѣздки на рекогносцировку. Не смѣя противиться такому приказанію, я тотчасъ же отправился въ магистратъ, увѣдомилъ членовъ его о распоряженіи, отданномъ генераломъ Эссеномъ сжечь предмѣстья и просилъ членовъ онаго собраться и изыскать наиболѣе вѣрное средство поддержать спокойствіе въ городѣ. Чтобы никакой безпорядокъ не нарушалъ жизни города, я предложилъ магистрату, не теряя времени, поставить на ноги городскую милицію, приказать ей собраться въ гауптвахтахъ и поручить ей ночной обходъ всѣхъ улицъ города, въ особенности же проявить самое внимательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы не появились злоумышленники, которые, желая воспользоваться общимъ смятеніемъ по случаю пожара въ предмѣстьяхъ, могли бы зажечь и городъ и устроить грабежъ. Но благодаря патріотическимъ чувствамъ и примѣрной преданности своему Государю жителей славнаго города Риги, старавшихся всегда исполнять его Высочайшую волю и дѣлать все, что можетъ доказать ихъ рвеніе,—все было выполнено буквально съ безпримѣрной быстротой и порядкомъ. Всю ночь, благодаря принятымъ мѣрамъ, въ городѣ царило полное спокойствіе и ничей покой не былъ нарушенъ. Я приказалъ закрыть всѣ ворота въ городѣ и запретилъ совершенно входъ въ него, старательнѣйшимъ образомъ изслѣдуя всѣ улицы, не прячется ли въ нихъ злоумышленникъ, снабженный брандеромъ. Но за все время пожара не случилось ничего непріятнаго. Городская конная стража была послана, въ качествѣ патрулей, въ предмѣстья, чтобы поддерживать тамъ порядокъ и помогать тѣмъ, кто будетъ призывать ихъ на помощь для спасенія своего имущества. Вызвавъ изъ города сотню

запряженныхъ телѣгъ, явившихся тотчасъ же, я, не теряя времени, отправился на эспланаду, чтобы, какъ можно скорѣе перевезти значительное количество соломы (не менѣе 120 скирдъ сложенныхъ, по приказанію генерала Эссена на откосѣ), такъ какъ я имѣлъ полное право опасаться, что эта солома, вслѣдствіе близости предмѣстьевъ, можетъ загорѣться отъ какой-нибудь занесенной вѣтромъ головешки упавшей на одну изъ этихъ скирдъ. Остальная солома не замедлила бы вспыхнуть и раздуваемая вѣтромъ, перенесла бы огонь въ городъ. Если бы огонь показался въ городѣ, безпорядокъ и смятеніе разыгрались бы во всей силѣ и зло было бы непоправимо. Теперь же, общими дѣятельными усиліями, вся эта масса соломы, собранная, какъ я думалъ, для употребленія подъ раненыхъ и больныхъ, была перенесена въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ, вся безъ остатка, за городъ. Я оставался здѣсь до четырехъ часовъ утра, до самаго пріѣзда генерала Эссена, прибывшаго верхомъ на лошади. Какъ только генералъ появился, онъ видимо почувствовалъ себя весьма неловко, слыша довольно откровенныя насмѣшки со стороны обитателей предмѣстій. Вотъ какъ кончилась эта несчастная катастрофа, давшая поводъ всевозможнымъ слухамъ, въ которыхъ гораздо больше преувеличеній, чѣмъ дѣйствительныхъ фактовъ. Спустя приблизительно недѣли двѣ генералъ Эссенъ получилъ черезъ графа *Аракчеева* повелѣніе Императора *Александра* донести о томъ, справедливо-ли, что по слухамъ, дошедшимъ до его свѣдѣнія, во время пожара имѣли мѣсто несчастные случаи, т. е. погибли въ огнѣ и сгорѣли люди. Получилъ отъ генерала приказаніе представить ему рапортъ по этому поводу, я отвѣтилъ, что такъ какъ приказаніе сжечь предмѣстья, нисколько меня не касалось, и отдано было не мнѣ, а начальнику полиціи Крюднеру, то я нахожу положительно невозможнымъ удовлетворить его просьбу, тѣмъ болѣе, что только начальникъ полиціи Крюднеръ одинъ знаетъ все, что тогда произошло.

Теперь перехожу ко времени прибытія графа Штейнгеля съ его корпусомъ, насчитывавшимъ отъ 18 до 20 тысячъ человѣкъ.

Къ тому времени, когда графъ Штейнгель прибылъ въ Ригу, была произведена большая вылазка и непріятель, при появленіи такой массы войскъ, окончательно отступилъ и покинулъ Митаву. Генералъ *Эссенъ* занялъ ее и послѣ безполезныхъ разглагольство-

ваній и упрековъ *графу Медему* за управленіе Курляндіей въ то время, когда страна была занята непріятелемъ, вмѣсто того, чтобы выразить ему свое удовлетвореніе за то, что онъ взялъ на себя такую непріятную обязанность единственно только съ цѣлью облегчить населенію тяжесть военной контрибуціи, генералъ Эссенъ публично выразилъ ему, съ обычной горячностью, свое недовольство и грозилъ даже отдать его подъ судъ. Къ счастью, эта сцена длилась недолго, а господа генералы, графъ Штейнгель и Эссенъ, вмѣсто того, чтобы остановиться въ Митавѣ и составлять новую диспозицію, должны были бы послать сильный отрядъ въ Руэнталь, лежавшій невдалекѣ, гдѣ находилась вся осадная артилерія французовъ и другія орудія подъ весьма слабой охраной, — схватить ихъ и если нельзя будетъ увезти, то уничтожить всѣ до послѣдняго, заклепавъ пушки и сломавъ всѣ лафеты. Вслѣдствіе этого такое наше движеніе не только не было бы безполезно, но, наоборотъ, оно доставило бы нашей позиціи большой перевѣсъ, а непріятелю нанесло бы чувствительный уронъ. Но ничего этого не было сдѣлано. Кого надо было въ томъ винить? Этого я не могу выяснить, такъ какъ все наше движеніе, предпринятое съ широкими намѣреніями, не имѣло никакихъ послѣдствій.

Спустя нѣсколько времени, подполковникъ Тидеманъ, намѣреваясь произвести рекогносцировку, долженъ былъ проѣзжать около церкви Даленъ [1]), но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ прусскому пикету, какъ былъ узнанъ однимъ изъ часовыхъ, который, крикнувъ ему «ты измѣнникъ отечеству, вотъ твоя награда», прицѣлился въ него и убилъ на мѣстѣ. Его отвезли въ Ригу.

Вотъ приблизительно всѣ разъясненія, которыя я могу дать, поскольку память моя, по прошествіи 24-хъ лѣтъ, ихъ сохранила. Болѣе точныхъ указаній слѣдуетъ искать въ Ригѣ, гдѣ въ канцеляріи военнаго губернатора и въ магистратѣ вѣроятно найдутся журналы съ описаніемъ вышеупомянутыхъ событій и дѣлъ.

---

[1]) Dalen-Kirchen, близъ мѣстечка того же имени, по дорогѣ изъ Риги въ Фридрихштатъ. Бой 10-го августа 1812 г.: между войсками Левиза и Пруссаками подъ нач. полковника Горна. *К. В.*

Записка о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына.

Князь Александръ Борисовичъ Голицынъ родился въ 1792 г. Начавъ въ ранней молодости службу по гражданской части (въ Главномъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ), онъ, подчиняясь духу того времени, перешелъ на службу военную, въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ и 6-го іюля 1808 года, 16 лѣтъ отъ роду, уже былъ произведенъ въ корнеты. Въ разцвѣтѣ силъ участвовалъ онъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. и былъ свидѣтелемъ многихъ славныхъ дѣлъ Отечественной войны. Въ незабвенный день Бородина князь А. Б. Голицынъ состоялъ ординарцемъ при князѣ Кутузовѣ и оставался на этомъ посту до конца 1812 г. Ревностная служба его по исполненію порученій Главнокомандующаго была награждена пожалованіемъ ему ордена Анны 2-й ст. и Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Отличился кн. А. Б. и по переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу, въ дни расплаты русскихъ съ Наполеономъ за дерзкое вторженіе и сожженную Москву. За Кульмское сраженіе пожалованы ему алмазные знаки на орденъ Св. Анны 2-й ст., а за сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ—золотая шпага съ надписью «за храбрость».

Въ 1814 г. князь А. Б. былъ прикомандированъ къ великому князю Константину Павловичу, адъютантомъ Его Высочества. Въ 1816 г. за отличіе произведенъ въ ротмистры, а 4-го октября 1819 г. въ полковники. Въ 1820 г. кн. А. Б. вышелъ въ отставку прошенію съ мундиромъ.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ князь А. Б. былъ назначенъ Саратовскимъ губернаторомъ, а затѣмъ избранъ Владимірскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители.

Близость князя А. Б. къ главнокомандующему дала ему возможность сдѣлать множество наблюденій, касающихся дѣятельности и жизни главной квартиры Кутузова, что придаетъ его запискамъ особый интересъ. Онѣ служатъ превосходнымъ дополненіемъ къ запискамъ другихъ лицъ о Березинской переправѣ, помѣщеннымъ въ предыдущихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ князь А. Б. точно передаетъ мнѣніе князя Кутузова объ ошибкахъ адмирала Чичагова и другихъ полководцевъ.

Извѣстно всѣмъ, сколько явленіе Кутузова въ армію ободрило всѣхъ. Онъ прибылъ въ Царево-Займище и въ этотъ же день уже распоряжался всѣмъ, такъ какъ будто-бы все отъ него проистекало съ начала кампаніи. Ничто для него не было ново. Онъ все предугадывалъ и былъ главнокомандующимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда въ первый разъ обозрѣвалъ Кутузовъ позицію подъ Бородинымъ—это было послѣ обѣда,—исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый замѣтилъ это и толкамъ не было конца. (Орелъ этотъ предвѣщалъ все хорошее).

Послѣ выбора позиціи, разсуждаемо было въ случаѣ отступленія, куда идти.

Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направленію на Калугу, дабы перенести туда театръ войны въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ оставитъ Московскую дорогу и не пойдетъ болѣе на Москву, а слѣдить будетъ за арміею черезъ Верею; но Кутузовъ отвѣчалъ: «пусть идетъ на Москву». Во время сраженія и послѣ онаго Кутузовъ часто повторялъ, что со смертію Кутайсова армія много потеряла. Хотя гр. Кутайсовъ былъ во всемъ отличный человѣкъ и конечно на поприщѣ военномъ, отличный генералъ, но слова Кутузова не относились къ лицу его; ибо онъ его мало зналъ еще, а къ тому, что на этотъ день не имѣлъ онъ при себѣ начальника артилеріи.

Неизвѣстность распоряженій, сдѣланныхъ Кутайсовымъ, произвела то, что на всѣхъ пунктахъ у насъ стояло менѣе орудій, нежели у французовъ и часто противъ непріятельскихъ батарейныхъ орудій дѣйствовали съ нашей стороны полевыя орудія. Здѣсь упоминается о семъ, ибо Кутузовъ неоднократно приписывалъ этому событію не полный успѣхъ, какъ бы ему быть должно, по его соображенію.

Когда генералъ Уваровъ, имѣвшій столь важное назначеніе сдѣлать диверсію на лѣвый флангъ французской арміи, возвратился и сталъ опять въ линію безъ всякаго на то приказанія, то Кутузовъ, выслушавъ отъ него рапортъ, сказалъ ему: «Я все знаю—Богъ тебя проститъ». Кутузовъ никогда не полагалъ дать сраженіе на другой день, но говорилъ это изъ одной политики. Ночью я объѣзжалъ съ Толемъ позицію, на которой усталые воины наши спали мертвымъ сномъ, и онъ донесъ, что невозможно думать идти впередъ, еще менѣе защищать съ 45 тысячами тѣ мѣста, которыя заняты были 96 тысячами, особенно, когда у Наполеона цѣлый гвардейскій корпусъ не участвовалъ въ сраженіи. Кутузовъ все это зналъ, но

ждалъ этого донесенія и, выслушавъ его, велѣлъ немедленно отступать, поручивъ аррiергардъ Платову. Онъ такъ быстро отходилъ, что въ 2½ часа навелъ почти всю армію французскую на позицію къ Можайску, гдѣ предположено было защищаться и не уступать ея французамъ до другого дня—но дѣло обошлось безъ сего. Кутузовъ, посылая въ аррiергардъ, приказывалъ всякому смотрѣть, въ какомъ положеніи армія французская и доносить ему со всею подробностію, кто что видѣлъ, но когда онъ узналъ, что непріятельскія кавалерійскія колонны составлены изъ сборныхъ войскъ, т. е. что въ томъ же фронтѣ уланъ стоитъ подлѣ гусара, гусаръ подлѣ кирасира, кирасиръ подлѣ конно-егеря и т. д., то онъ говорилъ: «каково ихъ потрясли?»

Et voilà la preuve. Leur cavalerie est tellement désorganisée que pour former des petites masses d'escadrons on a du faire un mélange de toutes les armes [1]).

Безъ особыхъ происшествій отступленіе было до Москвы. Платова смѣнилъ Раевскій, который командовалъ аррiергардомъ одинъ только день; на мѣсто его назначенъ былъ Милорадовичъ, который уже, какъ передовой стражъ арміи, несъ званіе сіе до открытія кампаніи въ 1813 году.

Кутузовъ, всегда довольный имъ, звалъ его «ma maîtresse».

Первое свиданіе графа Растопчина было въ 25-ти верстахъ отъ Москвы, въ деревнѣ Малсоновѣ; послѣ разныхъ обоюдныхъ комплиментовъ, говорено о защитѣ Москвы и рѣшено драться подъ стѣнами ея; резервъ долженъ былъ состоять изъ дружины московскихъ жителей съ крестами и хоругвями. Растопчинъ уѣхалъ съ восхищеніемъ и въ восторгѣ своемъ, какъ ни былъ уменъ, но не разобралъ, что въ этихъ увѣреніяхъ и распоряженіяхъ Кутузова былъ потаенный смыслъ. Теперь ясно, что Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени, подъ стѣнами Москвы, что ее оставятъ, хотя онъ намекалъ въ разговорѣ Растопчину: Au reste, la perte de Smolensk entraine celle de Moscou» [2]).

Наступила роковая минута: совѣтъ въ Филяхъ. Извѣстно, чѣмъ онъ окончился. Но когда Толь подалъ мысль стать на Воробьевыхъ горахъ параллельно дорогѣ Калужской, чтобы избѣгнуть отступленія городомъ, предполагая въ томъ болѣе трудностей, нежели ихъ

---

[1]) И вотъ вамъ доказательство. Ихъ кавалерія настолько разстроена, что для формированія нѣсколькихъ эскадроновъ пришлось составить смѣсь изъ разныхъ кавалерійскихъ полковъ.

[2]) Потеря Смоленска повлечетъ за собой потерю Москвы.

быть могло, Кутузовъ, опровергая его, сказалъ достопамятныя слова: «Vous craignez la retraite par Moscou et moi je la considère comme une Providence car cela sauve l'armée. Napoléon est comme un torrent que nous ne pouvons pas encore arrêter. Moscou sera l'éponge qui le recevra» [1]). (Эту губку трудно будетъ ему выжать). Послѣ Совѣта былъ призванъ военный полицмейстеръ арміи Шульгинъ и дано ему повелѣніе всѣхъ гнать на Рязань. Другое еще лицо было вытребовано: генералъ-интендантъ Ланской (В. С.) «Распорядись продовольствіемъ»—были слова Кутузова—«Но куда мы пойдемъ? На Рязань трудно, ибо всѣ запасы наши—по другому направленію, около Калуги, которая по всему, есть центральный пунктъ». «А развѣ тутъ на Рязань ничего нѣтъ»?—«Быть—будетъ, если прикажете, но жалко и опасно, какъ бы то непропало и долго до насъ не дойдетъ».—«Подумаю, ты приди ко мнѣ завтра, когда мы придемъ на мѣсто».—Къ этому краткому разговору и къ мысли, изъявленной еще на Бородинской позиціи, нужно отнести весь концептъ флангового марша на Подольскъ и дальнѣйшія дѣйствія.

Это одно поставляетъ Кутузова на ряду первѣйшихъ полководцевъ: ибо соображенія и исполненіе оныхъ превосходны. Армія потянулась по Москвѣ, Кутузовъ, въѣхавъ въ городъ, обратясь къ свитѣ своей, сказалъ: «Кто изъ васъ знаетъ Москву»?—Я одинъ явился.—«Проводи меня такъ, чтобъ сколько можно, ни съ кѣмъ не встрѣтились».—Онъ ѣхалъ верхомъ, отъ Арбатскихъ воротъ, вдоль по бульварамъ до Яузскаго моста. Итакъ во все время его проѣзда до моста, никто его не видалъ и онъ ни отъ кого не получилъ ни одного донесенія.

Пріѣхавши къ Яузскому мосту, суматоха была невѣроятная. Мы застали тутъ графа Растопчина, который въ мундирномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, съ нагайкой въ рукахъ, прогонялъ всѣхъ и старался очистить мостъ: ибо и жители, и часть арміи, все должно было переходить этимъ дефилеемъ. Свиданіе было сухое. Растопчинъ начиналъ говорить, но Кутузовъ не отвѣчалъ, а приказывалъ скорѣе очищать мостъ для прохода войскъ. Отъ Яузскаго моста до Коломенской заставы, движеніе народа, смѣшаннаго съ войскомъ, произвело нѣкоторые безпорядки: ломали кабаки и лавки. Народъ русскій пьетъ и отъ горя и отъ радости одинаково. Но все было

[1]) Вы боитесь отступленія черезъ Москву, а я смотрю на это какъ на Провидѣніе, ибо оно спасаетъ армію. Наполеонъ подобенъ быстрому потоку, который мы сейчасъ не можемъ остановить. Москва—это губка, которая всосетъ его въ себя.

тутъ же приведно въ порядокъ и городъ очищался по немногу. Народъ и армія походили на морскую волну, ибо все тѣснилось за нами. Выѣхавъ за заставу, нѣкоторые корпуса уже были расположены на привалѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги, около старообрядческаго кладбища. На самой же большой дорогѣ избралъ себѣ мѣсто Кутузовъ. Сѣлъ на скамейку въ ожиданіи донесенія отъ Милорадовича. Прискакиваетъ отъ него адъютантъ съ извѣстіемъ, что онъ долженъ будетъ драться въ городѣ, если сдѣланныя имъ предложенія Мюрату не будутъ приняты; въ случаѣ такомъ онъ просилъ подкрѣпленія. Это встрѣвожило старика, но въ продолженіи не болѣе 1/4 часа присланъ полковникъ Потемкинъ (Яковъ Алексѣевичъ) съ донесеніемъ о выговоренныхъ условіяхъ. Тутъ же Кутузовъ велѣлъ арміи продолжать ретироваться и въ этотъ день она дошла до Па́нки.

Длинный переходъ отъ Кулакова до Подольска продолжался въ теченіе цѣлаго дня. Будучи отправленъ къ Милорадовичу, я догналъ главную квартиру на привалѣ, подъ вечеръ, уже въ деревнѣ Ломѣ. Первый разъ зарево Москвы было намъ такъ видно; Кутузовъ зовъ сидѣлъ и пилъ чай, окруженный мужиками, съ которыми говорилъ. Онъ давалъ имъ наставленія и когда съ ужасомъ говорили они о пылающей Москвѣ, то, ударивъ себя по шапкѣ, сказалъ: «жалко это правда, но подождите, я ему голову проломаю». Кутузовъ на другой день старался собрать усталыхъ и, не дожидаясь болѣе однихъ сутокъ, перешелъ въ Красную-Пахру, на среднюю Калужскую дорогу, гдѣ начинается цѣлый рядъ достопамятнѣйшихъ событій кампаніи сей. Въ Пахрѣ главная квартира была нѣсколько дней; тутъ разстался съ арміей Барклай де Толли, на мѣсто котораго назначенъ былъ Тормасовъ.

Всякій день, просыпаясь, Кутузовъ спрашивалъ: «а что? непріятель гдѣ? не видать еще его? На третій день послѣ свиданія съ корпусными командирами, онъ былъ весьма веселъ, ибо они донесли, что собраны всѣ усталые, что все въ полкахъ въ порядкѣ. (Ему подана за обѣдомъ прекрасная уха изъ стерлядей.—«Откуда рыба эта»?—спросилъ онъ. Калужскіе купцы прислали—былъ отвѣтъ, и обѣщались доставлять такую каждый день.—«Ну, спасибо имъ. Видно, что мы теперь дома, у себя)».

Кутузовъ часто обвинялся за то, что онъ избѣгалъ дать сраженіе для разбитія авангарда французской арміи въ такое время, когда это былъ плодомъ самыхъ глубокихъ размышленій и соображеній его. Когда армія ретировалась отъ Красной Пахры по старой Ка-

лужской дорогѣ. то существовала еще во всѣхъ движеніяхъ обѣихъ армій большая неопредѣлительность. Наполеоново движеніе ничего рѣшительно не обнаруживало; русская же армія, имѣя цѣлью защищать южныя провинціи и получать продовольствіе и подкрѣпленія свои также держала Кутузова въ невѣденіи о будущихъ дѣйствіяхъ ея; всѣ соображенія такой небывалой кампаніи развивались съ каждмъ днемъ. Достигнута была одна цѣль: настоящая безъошибочная центральная операціонная линія, которая преимуществомъ своимъ ободряла всѣхъ и давала Кутузову вѣрнѣйшія надежды въ будущихъ успѣхахъ. Въ такомъ положеніи сіе заставило рѣшиться послѣдовать совѣту Бенигсена, чтобы аттаковать авангардъ французской арміи, какъ вдругъ донесъ Толю подполковникъ Гартингъ, что подъ Тарутинымъ есть позиція, на которой можно будетъ дать сраженіе и твердо ожидать непріятеля.

Простое извѣщеніе сіе заставило Кутузова велѣть продолжать ретироваться, чѣмъ огорчилъ чрезвычайно Бенигсена. Понимать надобно (изъ словъ Бенигсена), что онъ нѣкоторымъ образомъ вынудилъ Кутузова дать ему слово на наступательное дѣйствіе. Выиграть время и усыпить, елико можно долѣе, Наполеона, не тревожа его изъ Москвы, вотъ чего добивался Кутузовъ. Все, что содѣйствовало къ цѣли сей, было имъ предпочитаемо пустой славѣ имѣть нѣкоторую поверхность надъ авангардомъ.

Въ день осмотра позиціи, которая вполнѣ удовлетворяла плану кампаніи Кутузова, старикъ былъ очень веселъ и въ первый разъ расчелъ важность предстоящей зимней кампаніи: онъ позвалъ Толя и Коновницына и тутъ же отдалъ приказъ, чтобы губернаторамъ велѣть снабдить полушубками всю армію.

Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, пилъ чай и диктовалъ подробности сего распоряженія и много говорилъ о будущей зимней кампаніи, какимъ образомъ надобно беречь людей. Вдругъ пріѣзжаетъ Бенигсенъ съ лѣваго фланга сей позиціи и началъ доказывать невозможность принять на этомъ мѣстѣ сраженіе, возражая, впрочемъ, очень справедливо, какъ лѣвый флангъ слабъ; что все сраженіе, если оно будетъ, сосредоточится предъ нимъ и что французская армія легко проберется на Мало-Ярославецъ и будетъ имѣть свободную операціонную линію къ отступленію, куда пожелаетъ. Разговоръ продолжался долго, сперва разсуждали хладнокровно, потомъ Кутузовъ, разгорячившись и не имѣя что возразить на представленіе Бенигсена, сказалъ ему: «Votre position de Friedland était bonne pour vous; eh bien, pour moi je me contente de

celle-ci et nous y resterons, parceque c'est moi qui commande et qui répond de tout»[1]).

Опытъ оправдалъ торжественно Кутузова, но въ Плоцкѣ мнѣ случилось слышать его разсужденіе, почему онъ рѣшился остановиться на Тарутинской позиціи. У него были въ комнатѣ Паулуччи, Толь и я:

«Outre le calcul du temps que je devais chercher à gagner de quelque manière qu' il ne fut, je ne devais pas songer à dépasser Kalouga: où cela nous aurait-il mené? Puis il y aurait eu toujours du temps si l'énnemi aurait marché sur nous. J'avais besoin de rester sur place pour réorganiser l'armée et pour ne pas trop inquieter Napoléon. Cette position en valait bien une autre» [2]).

«D'ailleurs j'étais presque sûr qu'il ne voudrait pas se casser le nez contre elle, car il étoit plus intéressé à maneuvrer qu'à livrer bataille. Personne n'a pû prévoir qu'il s'entêterait á rester si longtemps à Moscou et qu'il choisirait pour se retirer la grande route de Smolensk. Tous les jours, que nous sommes restés sur cette position étaient des jours d'or pour moi et pour l'armée, et nous en avons profité» [3]).

Размолвка на Тарутинской позиціи съ Бенигсеномъ была причиною той непримиримой вражды между ними, которая не прекратилась до конца дней Кутузова.

Въ числѣ обвиненій, взводимыхъ на Кутузова, еще есть нерѣшительность его преслѣдовать короля Неаполетанскаго при разбитіи его авангарда подъ Чернишнею. Кутузовъ былъ разстроенъ отъ того, что не удалось ему привести въ исполненіе намѣренія своего наканунѣ сего дня. Атака была назначена однимъ днемъ прежде. Въ диспозиціи назначено было Дорохову выдти на дорогу у Спасъ-Купли и, соединясь съ отрядомъ Орлова-Денисова, дѣйствовать не-

---

[1]) Вамъ нравилась ваша позиція подъ Фридландомъ, а я доволенъ этой и мы на ней останемся, потому что я здѣсь командую и отвѣчаю за все.

[2]) Помимо расчета во времени, которое я долженъ былъ такъ или иначе выиграть, мнѣ нельзя было и думать миновать Калугу. Куда это привело бы насъ? Затѣмъ у насъ всегда было бы время, въ случаѣ если бы непріятель насъ атаковалъ. Мнѣ необходимо было оставаться на мѣстѣ, чтобы укомплектовать армію и не безпокоить особенно Наполеона. Эта позиція во всякомъ случаѣ была не хуже всякой другой.

[3]) Притомъ же я былъ почти увѣренъ. что онъ не захочетъ наткнуться на эту позицію, ибо въ его расчетахъ было маневрировать а не давать сраженія. Никто не могъ предвидѣть, что онъ изъ упрямства такъ долго пробудетъ въ Москвѣ и что для отступленія онъ изберетъ большую Смоленскую дорогу. Каждый день проведенной нами на этой позиціи былъ драгоцѣненъ для меня и для арміи и мы этимъ воспользовалось.

пріятелю въ тылъ. Перемѣна дня для атаки не дозволила Дорохову участвовать въ дѣлѣ и это обстоятельство сердило старика.

Предположенную атаку сохраняли въ такой тайнѣ, что даже никто изъ корпусныхъ командировъ не былъ о томъ предваренъ.— Когда Кутузовъ сѣлъ въ дрожки въ сопровожденіи всей свиты своей, никто не зналъ, куда онъ поѣдетъ и зачѣмъ. Распоряженіе послано было къ Генералу Ермолову, который былъ въ то время начальникомъ Главнаго штаба I арміи и квартировалъ вблизи Леташевки. Ермолова не было дома, а правившій дѣлами у него полковникъ Эйхенъ не рѣшился распечатать конверта. Ермоловъ былъ на обѣдѣ у генерала Шепелева, который съ 1-й бригадой Гвардейскихъ кирасиръ стоялъ на правомъ флангѣ позиціи въ въ с. Спасскомъ. Возвратившись домой, немедленно было имъ сдѣлано распоряженіе и не токмо время не было упущено, но аттака еще лучше могла бы удасться: ибо никакихъ приготовленій для нея не дѣлали и дѣлать не слѣдовало.

Все было на мази. Но какъ часто случается, отъ бездѣльныхъ причинъ бываютъ важнѣйшія послѣдствія. Кутузовъ отправился въ Тарутино передъ вечеромъ, чтобы ночевать тамъ и самому распоряжаться всѣми войсками. Подъѣзжая къ лагерю, его встрѣтили солдатскія пѣсни, музыка и совершенное спокойствіе. Узнавъ причину, что о походѣ для занятія мѣстъ передъ аттакою не было еще приказанія—онъ былъ въ такомъ изступленіи, въ которомъ еще его никогда не видали. Все оборвалось на бѣдномъ Эйхенѣ, который безвинно сдѣлался виновникомъ; онъ его разругалъ, велѣлъ выгнать изъ арміи и аттака была отмѣнена. Въ тоже самое время корпусные командиры явились къ нему съ докладомъ, что получивъ въ ту же минуту приказаніе, они готовы выступить немедленно и объявили, что какъ распоряженіе предшествовало нѣсколькими часами назначенію, то выступленію арміи никакой остановки или перемѣны въ распоряженіяхъ быть не можетъ и умоляли его дозволить имъ идти. Но сколько убѣжденія таковыя ни казались основательными, однако же ничто не могло заставить Кутузова перемѣнить даннаго приказанія отложить походъ до другого дня и тутъ же отправилъ онъ повелѣніе Дорохову не дѣйствовать, дабы не возбудить вниманія непріятеля.

Такому упорству Кутузова можно предположить одну только причину. Онъ боялся возбудить дѣятельность Наполеона и придерживался своей мысли выиграть время, чтобы не тревожить его изъ

Москвы. Рѣшившись дать сраженіе сіе онъ какъ бы проявилъ согласіе свое вопреки внутренняго убѣжденія своего: что время поражать Наполеона не настало еще. Этимъ взрывомъ на Эйхенѣ, онъ выигралъ цѣлыя сутки и этимъ случаемъ прикрылъ невниманіе свое къ справедливымъ настояніемъ корпусныхъ командировъ.

Въ день сраженія, неудача всѣми обходными корпусами прибыть во время на тѣ пункты, гдѣ предполагалось каждому, раздражила Кутузова до чрезвычайности. Началась аттака, непріятель побѣжалъ; всѣ его преслѣдуютъ и при Кутузовѣ не осталось никого кромѣ его адъютантовъ. Вдругъ пріѣзжаетъ урядникъ Жирова казачьяго полка, находящагося въ партизанскомъ отрядѣ у князя Кудашева подъ Подольскомъ. Онъ привезъ перехваченное предписаніе Бертье къ г. Д'Аржану, чтобы не медля всѣ тяжести шли къ Можайску. Вотъ обстоятельство, которое укрѣпило Кутузова въ истинѣ, что Наполеонъ рѣшительно ретироваться будетъ, но куда и въ какое время было ему еще неизвѣстно. Опасеніе, не обходитъ ли онъ насъ по дорогѣ къ Калугѣ,—вотъ, что занимало старика,—и въ этомъ тайномъ совѣщаніи собственно съ собою (ибо ни одного лица изъ генераловъ его штаба не было тутъ) онъ рѣшился не преслѣдовать. Упорство его было непонятно, негодованіе всѣхъ чрезвычайно. Кутузовъ молчалъ. И здѣсь оправдалась его предусмотрительность. Вскорѣ потомъ: Беннгсенъ, Милорадовичъ, Толь, Коновницынъ, Ермоловъ, всѣ явились съ одною просьбою, чтобы дозволилъ преслѣдовать. Вотъ его слова: «коль скоро неумѣли мы его вчера живымъ схватить и сегодня придти во время на тѣ мѣста, гдѣ было назначено, преслѣдованіе сіе пользы не принесетъ и потому не нужно,—что насъ отдалитъ отъ позиціи и отъ операціонной линіи нашей». Тутъ же на мѣстѣ самъ приказалъ движеніе всѣмъ корпусамъ, а Дохтурову велѣлъ идти къ Боровску, но не прежде, какъ сваривши кашу солдатамъ. Дохтуровъ вышелъ поздно и дошелъ только на 4-й день до Аристова, откуда поворотилъ на Мало-Ярославецъ, узнавши о занятіи Боровска корпусомъ вице-короля. Сеславинъ первый подтвердилъ, что непріятель тянется по дорогѣ на Боровскъ; онъ слѣдилъ корпусъ вице-короля, вскарабкался на дерево и видѣлъ какъ онъ проходилъ мимо его. Послѣ того, схвативъ нѣсколько мародеровъ Италіанской гвардіи и узнавъ отъ нихъ движеніе арміи, поспѣшилъ о томъ дать знать. Вслѣдъ за этимъ пришли донесенія отъ Дорохова и Дохтурова, подтверждающія одно и то же, а отъ Милорадовича, что непріятеля предъ нимъ нѣтъ.

Надобно одному только удивляться, что Кутузовъ, имѣя въ самый день сраженія въ рукахъ своихъ глухое предписаніе сосредоточить тяжести къ Можайску и вслѣдствіе сего остановивши преслѣдованіе непріятеля, не принялъ никакихъ мѣръ къ занятію Мало-Ярославца и не приготовилъ арміи къ походу. Казалось бы, что корпусъ короля Неаполитанскаго можно было продолжать поражать во весь день—онъ много бы потерялъ еще,—а на другой день велѣть войску воротиться на старую позицію.—Послѣ сраженія подъ Мало-Ярославцемъ взята позиція въ 4-хъ верстахъ. Позиція сія выбрана была ночью подполковникомъ Гартингомъ, когда генералъ Бороздинъ пріѣзжалъ съ испуганнымъ лицомъ на бивакъ, гдѣ ночевалъ Кутузовъ, разбудилъ Коновницына, и донесъ что французы опять заняли городъ [1]). Такимъ образомъ они какъ бы находились на одной линіи съ нашей позиціей и для того положено было до разсвѣта оставить ее. Въ случаѣ аттаки со стороны французовъ, дано было повелѣніе отступать съ арріергардомъ на армію и занять свои мѣста. Диспозиція же была идти 3-мя колоннами на встрѣчу его, начать сраженіе гдѣ бы ни встрѣтился непріятель: Кутузовъ хотѣлъ цѣлою арміею опрокинуть головы колоннъ французской арміи, когда онѣ выходить будутъ изъ Мало-Ярославца, разбивъ ихъ, вступить въ городъ и тогда уже держаться въ этой позиціи. Но когда гр. Милорадовичъ далъ знать, что непріятель покоенъ и летучіе отряды донесли о направленіяхъ его къ Вереѣ, Кутузовъ рѣшился отступить въ Гончарово.

Переходъ этотъ, дознанный всѣми ненужнымъ и заставившій насъ потерять трое сутокъ, былъ послѣ единственнымъ обвиненіемъ которое возводимо было на него. Сужденіе о событіи семъ и послѣ времени не оправдало Кутузова въ глазахъ Императора Александра, даже когда онъ пожалъ лавры побѣды и изгналъ французовъ изъ Россіи, несмотря на совершенное уничтоженіе арміи. Первая встрѣча ихъ, когда они увидѣлись въ Вильнѣ была, что Государь съ негодованіемъ потребовалъ отъ старика отчета въ такъ называемомъ имъ бездѣйствіи арміи. Оправданіе Кутузова коротко, ясно и удовлетворительно.

---

[1]) Бутурлинъ несправедливо пишетъ, что городъ не былъ очищенъ передъ вечеромъ. Кутузовъ понималъ важность имѣть его въ рукахъ нашихъ и рѣшившись оставаться на бивакахъ на ружейный выстрѣлъ отъ города, обратился съ просьбою къ Коновницыну, чтобы онъ самъ ѣхалъ въ городъ и занялъ бы его вновь такъ, чтобъ болѣе къ непріятелю не переходилъ. Коновницынъ исполнилъ сіе съ 3-ю дивизіею и возвратившись поздно, донесъ о томъ Кутузову. Въ городъ введенъ былъ 8-й корпусъ. *Пр. автора.*

Образъ войны былъ новый, еще не вполнѣ рѣшенный имъ самимъ. Неизвѣстность, какое направленіе возметъ Наполеонъ, хотя положительно знали, что онъ ретируется; но никогда Кутузовъ не полагалъ, что онъ изберетъ путь къ отступленію изнуреннымъ трактомъ на Смоленскъ. Онъ его выжидалъ на Юхновъ и тогда могъ его одинаково поразить. Такимъ образомъ неопредѣлительность того направленія, какое возметъ французская армія и по которому пойдетъ наша, невозможность оставаться на позиціи, которую выбрали ночью въ той крайности, въ которой находились, — были поводомъ, что въ этомъ промежуткѣ была нѣкоторая неопредѣлительность. Обстоятельство, рѣшившее еще отступить на нѣсколько верстъ, изъ чего тогда не предвидѣли неудачи (которая обнаружилась въ послѣдствіи въ отношеніи къ стратегіи), было, что отъ быстраго перехода къ старой Калужской дорогѣ на новую не было ни продовольствія, ни запасныхъ снарядовъ: ибо все шло обходомъ на эту дорогу; этотъ недостатокъ заставилъ насъ идти къ Вязьмѣ немедленно. Подойдя къ ней, Кутузовъ остановился для поджиданія воловьихъ фуръ съ провіантомъ. Это его столько заботило, что въ нетерпѣніи своемъ онъ посылалъ каждый часъ ординарцевъ на встрѣчу подводъ и самъ расчитывалъ часы прихода ихъ къ арміи.

Одна эта заботливость его достаточно доказываетъ, сколько онъ самъ старался не потерять нигдѣ времени. Теперь судить неудачи легко послѣ событій, а въ то время, когда надобно было дѣйствовать безъ ошибочно и осторожно, едва ли всякій другой на мѣстѣ Кутузова не сотворилъ бы ту же самую ошибку.

Во время Мало-Ярославскаго сраженія князь Кудашевъ, шедшій по пятамъ за французской арміей, аттаковалъ въ тылу непріятельскій конвой, съ эскадрономъ вновь сформированнаго Татарскаго уланскаго полка, подъ командою ротмистра Гельмерсена. Аттака была уже подъ вечеръ, а потому и разглядѣть было невозможно; но послѣ узнали, что это былъ конвой самого Наполеона, который едва не былъ схваченъ. Италіанская гвардейская кавалерія опрокинула Татарскій эскадронъ и такимъ образомъ спасся Наполеонъ.

Извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Березину достигло до главной квартиры на послѣднемъ переходѣ къ Березинѣ, утромъ, въ 6-ть часовъ. Его привезъ адъютантъ Великаго Князя Константина Павловича Палицынъ, который былъ въ летучемъ отрядѣ графа Ожаровскаго. Вскорѣ послѣ пріѣхалъ М. Орловъ. Досада Кутузова была чрезвычайна, но не зная еще подробностей, онъ давалъ только приказанія, какъ преслѣдовать непріятеля до Нѣмана, опредѣляя

направленіе всякому корпусу. Но когда впослѣдствіи обнаружились дѣйстія всѣхъ главныхъ начальниковъ нашихъ, онъ менѣе всѣхъ винилъ Чичагова: противъ него было то, что онъ потерялъ время добраться до Борисова, когда шелъ отъ Бреста на Минскъ. По всѣмъ расчисленіямъ Кутузова, Чичаговъ могъ быть на мѣстѣ 5-ю днями ранѣе и этого времени было бы достаточно, чтобы обозрѣть всѣ пункты, на которыхъ могла совершиться переправа французской арміи, сдѣлать нѣкоторыя укрѣпленія и рекогносцировать дорогу отъ Борисова на Бобръ и далѣе.

Чичагову не должно бы переходить за Березину, а оставаясь въ тетъ-де-понѣ и укрѣпивъ позицію сію, ожидать непріятеля. За рѣку же слѣдовало ему пустить перейти по всѣмъ направленіямъ летучимъ отрядамъ. Такими дѣйствіями могъ бы онъ знать съ опредѣлительностію, гдѣ находится непріятель; слѣдовать за его движеніями и тогда не потерялъ бы авангарда и всѣхъ экипажей своихъ. Партіямъ, отъ него посланнымъ, надобно было сдѣлать связь съ главной арміей и съ Витгенштейномъ. Однимъ словомъ летучіе отряды Чичагова должны бы были извѣщать его о малѣйшемъ направленіи французской арміи. Вообще не понятно, а потому и не простительно, какъ мало знали русскіе генералы о направленіяхъ непріятельской арміи въ собственной землѣ своей. Этой причинѣ надобно приписать большую часть неудачъ въ преслѣдованіи французовъ.

Кутузовъ оправдывалъ Чичагова, что стерегъ переходъ черезъ Березину въ направленіяхъ къ Игумену: ибо прямая операціонная линія Наполеона была къ Варшавѣ, на корпусъ князя Шварценберга. Къ тому же всѣ направленія, даваемыя ему изъ главной квартиры, имѣли цѣлью возбудить вниманіе его болѣе на этотъ пунктъ. Но для приведенія въ исполненіе сего предположенія, какъ и того, чтобы быть стражемъ всей Березинской линіи, нужно ему было оставаться на центральномъ Березинскомъ пунктѣ и быть только извѣщеннымъ во-время о дѣйствіяхъ французской арміи лучше, нежели онъ былъ. Тогда Чичаговъ могъ поспѣть вездѣ, гдѣ бы Наполеонъ не рѣшился совершить переправу свою. Кутузовъ не одобрялъ Чичагова за то, что послѣ взятія Борисовскаго укрѣпленія, вздумалъ расположиться самъ въ Борисовѣ и въ медленномъ потомъ движеніи отъ Борисова черезъ Стахово, что не дозволило ему воспользоваться невыгодностію положенія непріятеля и дать сраженіе въ загибѣ рукава, составленномъ заворотомъ Березины.

Онъ, впрочимъ, говорилъ съ насмѣшкою: что простить даже можно Чичагову по той причинѣ, что моряку нельзя умѣть ходить на сушѣ и что онъ не виноватъ, если Государю угодно было подчинить такія важныя дѣйствія въ тылу непріятеля человѣку, хотя и умному, не невѣдающему военнаго искусства и который, испытавъ на себѣ первую неудачу, не имѣлъ достаточно свѣдѣній, чтобы быть главнымъ распорядителемъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ искусство, опытность и знаніе стратегіи замѣнить должны бы были недостатокъ войскъ. Кутузовъ жалѣлъ, что не отрядилъ Толя къ нему послѣ сраженія подъ Краснымъ, чтобы придать Чичагову помощника въ важномъ предназначеніи своемъ. Чаплица же называлъ онъ «коровою и дуракомъ» и не оправдывалъ его ни въ чемъ. Главное обвиненіе состояло въ томъ, что съ начала не дошелъ до Студёнки, не разглядѣлъ, что дѣлаютъ французы, не донесъ о настоящихъ приготовленіяхъ Наполеона къ переправѣ и, когда она уже совершилась головами колоннъ его, почему самъ не предпринялъ направленія своего на Зембинъ, уничтожая за собою мосты, которые какъ дефилей простирались до 2-хъ верстъ. Чаплицу слѣдовало держаться до нельзя; въ случаѣ бѣды ретироваться на До́кшицы и присоединиться къ Витгенштейну, оставивъ на трактѣ къ Борисову одинъ летучій отрядъ, который бы далъ знать Чичагову о его положеніи. Но Кутузовъ обвинялъ во всемъ Витгенштейна, который изъ самолюбія и нежеланія подчиниться Чичагову, изобрѣлъ множество предлоговъ не исполнить Высочайшаго назначянія перейти за Березину [1]). Лѣвый флангъ его долженъ бы былъ занять и укрѣпиться въ Лепелѣ, а ему самому слѣдовало избрать среднюю линію передъ Докшицею и имѣть сильный отрядъ по Зембинской дорогѣ. Такимъ образомъ соединеніе съ Чичаговымъ было бы совершено и всѣ пункты, возможные для переправы Наполеона, были бы обезпечены, и армію его можно было остановить на нѣсколько дней; куда бы онъ ни сунулся, вездѣ дѣйствовать было возможно съ соединенными силами.

За рѣкою достаточно было оставить корпусъ отъ 10 до 12 тысячъ съ приказаніемъ слѣдить армію французскую и, избѣгая сраженія, дѣйствовать только при переправѣ. Сраженіе же при Студенкѣ дѣлаетъ мало чести графу Витгенштейну. Имѣя предъ собою одинъ корпусъ Виктора, разстроенное войско и переправу трудную ему слѣдовало въ этотъ день дѣйствовать рѣшительнѣе.

---

[1]) Г. Бутурлинъ довольно искусно оправдывалъ гр. Витгенштейна, потому вѣроятно, что онъ еще въ живыхъ и фельдмаршалъ Россійскій. *Пр. автора.*

Кутузовъ говорилъ, что отдѣльныя дѣйствія Витгенштейна оправдать нельзя, а могутъ онѣ только прощаться ради тогдашней славы его, ради изгнанія непріятельской арміи изъ Россіи и совершеннаго пораженія ея на другихъ пунктахъ;—что Богъ довершитъ то, чего не умѣли сдѣлать отдѣльные русскіе генералы. Кутузовъ послѣ сраженія подъ Краснымъ разсчиталъ, сколько маршей Наполеонъ имѣетъ впереди и, не полагая болѣе настичь его во-время до Березины, рѣшился не изнурять войско свое усиленными маршами. Къ тому же онъ избѣгалъ дать сраженіе съ главною арміею, ибо она ежедневно сокращалась отъ переходовъ. Онъ почиталъ необходимымъ дойти съ нею на Нѣманъ такъ, чтобы головы колоннъ его были цѣлы. Зная, что въ короткое время хвосты полковъ подойдутъ, онъ говорилъ: «je veux que l'existence de notre grande armée soit une réalité pour l'Europe et non un prestige ou une ombre; quoiqu'elle se fonde en marchant, mais un mois de repos avec de bons quartiers la referont. Il n'y a que cela qui mettra du poids dans la balance et décidera l'Allemagne en notre faveur [1]).

О свиданіи Кутузова въ Вильнѣ съ Чичаговымъ есть записки въ Москвѣ у одного знакомаго, который, для любопытства, писалъ все, что слышалъ. Первое свиданіе было такъ.

Чичаговъ ожидалъ Кутузова во дворцѣ. Онъ былъ въ морскомъ вице-мундирѣ, съ кортикомъ, фуражка подъ мышкою, руки въ штанахъ. Онъ привѣтствовалъ главнокомандующаго, отдавъ ему строевую записку и у адъютанта изъ рукъ взявъ ключи города. Тутъ Кутузовъ не нашелъ другого ему сказать какъ то, что взятые у него въ Борисовѣ экипажи съ посудою его и проч., отобраны и, что велѣно ихъ ему доставить. На это Чичаговъ съ хитрою улыбкою отвѣчалъ: est-ce pour un dir que je n'ai pas de quoi manger—je puis au contraire vous offrir et vous fournir de tout dans le cas même ou vous voulez donner des diners [2]).

---

[1]) Я желаю, чтобы существованіе большой нашей арміи стало для Европы дѣйствительностію, а не химерою: хотя она и уменьшается во время похода, но мѣсяцъ отдыха и хорошія квартиры снова ее поставятъ на-ноги. Только это рѣшитъ вопросъ и привлечетъ Германію на нашу сторону.

[2]) Если это намекъ на то, что мнѣ ѣсть нечего—то я наоборотъ могу самъ угостить Васъ и даже предоставить все необходимое на случай если бы Вы даже пожелали давать обѣды.

Записки неизвѣстнаго о сдачѣ Москвы.

Всякое происшествіе лишается отъ времени политической важности, которую оно имѣло въ продолженіе своего существованія; тогда оно входитъ въ составъ исторіи, начинаютъ его изслѣдовать и подвергаютъ сужденію, а сіе бываетъ тѣмъ справедливѣе, когда оно основано на описаніяхъ самовидцевъ. Въ семъ положеніи находится Отечественная война: освободивъ Европу, она принадлежитъ нынѣ къ исторіи почти во всѣхъ своихъ отношеніяхъ. Поэтому ничто не должно препятствовать обнаруживать того, что въ нашемъ присутствіи случалось, тѣмъ болѣе, что многіе изъ генераловъ, принимавшихъ въ сей войнѣ участіе, прекратили уже жизнь. Обратимъ вниманіе на 2 сентября 1812 г.—самый горестный день похода.

Отъ границы избѣгали генеральнаго дѣла сперва по причинѣ, что арміи не соединились, а послѣ по недостатку выгоднаго мѣста, на которомъ съ меньшимъ числомъ, но можно бы было противиться непріятелямъ превосходнымъ въ силахъ. Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма, Гжатскъ, оставлены подъ симъ предлогомъ; Бородино избрано для окончательнаго сраженія. Въ теченіи восемнадцати часовъ усилія почти всѣхъ державъ Европы и искусстнѣйшихъ полководцевъ нашего времени были тщетны; они были отбиты и мы полагали, что 27-ое августа, возобновивъ дѣло, рѣшитъ нашу участь. Въ ночь приказанія готовиться на другое утро къ сраженію были разосланы, но вскорѣ велѣно отступить. Непріятель едва сему повѣрилъ; съ разсвѣтомъ онъ не появлялся на полѣ битвы, и показался въ самомъ маломъ числѣ по утру около десяти часовъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли мы удалились и позволено ли имъ будетъ подвинуться впередъ. Наши войска заглянули съ сокрушеннымъ сердцемъ на поле, на которомъ чаяли искупить отечество и впервые въ нихъ поселилась мысль, что можетъ быть до самой Москвы не дадутъ непріятелю отпору.

Мы шли пять дней сряду по большой Московской дорогѣ; насъ оставалось немного болѣе пятидесяти тысячъ: на сей-то горсти людей опочила безопасность Имперіи. Сверхъ того потеря въ начальникахъ была примѣтна. Болѣе тысячи офицеровъ пали съ оружіемъ въ рукахъ; иными полками командовали поручики; полковники—бригадами и дивизіями. Непріятель, сильно наступалъ; близость Москвы удвоивала ихъ стремленіе, для насъ пагубное, потому что

не позволяло намъ устроиться. Опытный начальникъ арріергарда могъ одинъ, удерживая непріятеля далеко отъ арміи, подать намъ къ сему средство; а посему арріергардъ, два дня послѣ Бородинскаго сраженія, поручили Милорадовичу. Онъ на каждомъ шагу останавливалъ короля Неаполитанскаго и 29 августа принудилъ его даже отступить послѣ кровопролитнаго дѣла, продолжавшагося во весь день. Онъ вообще столь искусно дѣйствовалъ, что однажды находился отъ главной квартиры въ сорока верстахъ. Наконецъ мы приблизились къ Москвѣ. Неизъяснимыя чувства волновали души, потому что сердца русскихъ не могли постигнуть, чтобы враги могли быть вблизи матери городовъ нашихъ. Перваго сентября рано по утру Свѣтлѣйшій Князь прибылъ на Поклонную гору, откуда столица представилась со всѣми своими прелестными окрестностями и безчисленными колокольнями. Онъ сѣлъ, по своему обыкновенію, на небольшую скамью; пѣхота, конница, артиллерія и ополченія медленно и въ безмолвіи тянулись по дорогѣ, покрывали поля и выходили изъ лѣсовъ. Почетнѣйшіе изъ генераловъ окружили главнокомандующаго. Это была торжественная минута. Мы увидѣли здѣсь графа Растопчина, который въ первый разъ пріѣхалъ въ армію. Многіе изъ офицеровъ отыскивали позиціи для сраженія, потому что были еще въ увѣреніяхъ въ скоромъ времени встрѣтиться съ непріятелемъ и на нѣкоторыхъ возвышеніяхъ вдоль Поклонной горы начали рыть укрѣпленія [1]). Но по обозрѣніи мѣстнаго положенія оказалось, что оно пересѣкаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дѣла воспрепятствовали бы переводить войска съ одного мѣста на другое, подкрѣплять резервами ослабѣвшіе отряды и употреблять конницу. Позиція простиралась на четыре версты; пространство сіе было слишкомъ велико для арміи, обезсиленной Бородинскимъ днемъ; позади оной находилась столица и Москва рѣка, имѣющая крутые берега. Такимъ образомъ въ случаѣ неудачи армія была бы уничтожена и въ невыгодномъ мѣстѣ своего расположенія и во время переправы чрезъ Москву рѣку и при отступленіи по пространнѣйшему городу въ Европѣ. Однако же мысль пережить отдачу Москвы еще болѣе была ужасна, хотя съ отступленіемъ отъ оной предвидѣлись великія выгоды, потому что приспѣвало время, въ которое ежедневно должны были присоединиться къ намъ свѣжія войска. Отъ разныхъ соображеній, колебавшихъ генераловъ, начертывалась нерѣшимость на лицахъ ихъ; они постигали важность послѣдствій, которыя должны

---

[1]) Слѣды этихъ укрѣпленій сохранились до сихъ поръ. *Прим. изд.*

были произойти отъ всякаго предпріятія, на каковое бы они ни покусились. Иногда столѣтія не перемѣняютъ порядка существующихъ вещей, а въ другое время часъ рѣшаетъ участь отечества.

Въ семъ положеніи Свѣтлѣйшій князь пригласилъ первенствующихъ генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые находились еще при войскахъ, ими предводимыхъ, на совѣщаніе въ главную его квартиру, въ деревню Фили, въ 4-мъ часу пополудни. Кажется, что намѣреніе его отступить отъ Москвы было уже твердо принято: онъ не обязанъ былъ по власти своей спрашивать чьего либо совѣта, но грядущія времена налагали на него долгъ узнать мнѣнія генераловъ въ такомъ случаѣ, котораго послѣдствія долженствовали распространиться и на позднихъ потомковъ. Можетъ быть способствовала къ сему и мысль о превратности счастія и о возможности неудачнаго продолженія войны.

Въ совѣтѣ находились, кромѣ Главнокомандующаго, генералы: Бенигсенъ, Барклай-де-Толли, Платовъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Раевскій, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковникъ Толь и генералъ-интендантъ Ланской. Милорадовичъ не присутствовалъ, потому что былъ въ аріергардѣ. Свѣтлѣйшій князь, открывъ засѣданіе вопросомъ: «принять ли сраженіе передъ Москвою, или отступить за оную», изложилъ мнѣніе свое о неудобствахъ позиціи и о выгодахъ, кои могутъ произойти отъ отступленія, онъ присовокупилъ, что «доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ сохранимъ надежду благополучно довершить войну; но когда уничтожится армія,—погибнетъ Москва и Россія». Бенигсенъ сказалъ: «Мы спасемъ армію и Москву, когда сами пойдемъ атаковать непріятеля. Намъ сіе потому можно исполнить, что Наполеонъ отрядилъ корпусъ вице-короля италіанскаго обойти насъ справа и другой корпусъ, чтобы обойти насъ слѣва— отъ сего силы его гораздо уменьшились; сверхъ того многія тысячи мародеровъ разстраиваютъ его армію; а посему если мы пойдемъ прямо на него, то онъ будетъ неминуемо разбитъ, а оба корпуса, посланные, чтобы насъ обойти, будутъ сами отрѣзаны. Если вы сего мнѣнія не примете, то я предлагаю стянуть всѣ наши силы къ лѣвому крылу, стать къ сторонѣ дорогъ Смоленской и Калужской, имѣя позади насъ Воробьевы горы и тутъ ожидать, что непріятель предприметъ». Барклай-де-Толли: «Если бы мы были намѣрены атаковать, то сіе надлежало бы прежде; не надобно подходить близко къ Москвѣ, потому что гибель наша неизбѣжна въ случаѣ несчастія, т. е. отступленія чрезъ оную». Принявъ потомъ въ уваженіе невыгоду позиціи, онъ предложилъ идти назадъ. Съ нимъ со-

гласились всѣ, за исключеніемъ Бенигсена, Дохтурова, Уварова и Коновницына, которые говорили, чтобы передъ Москвою сражаться. «Теперь надобно рѣшиться», сказалъ—главнокомандующій—«въ которую сторону намъ направиться». Барклай-де-Толли предложилъ идти къ Волгѣ, куда въ теченіе лѣта посланы были офицеры для осматриванія мѣстъ. Сверхъ того, присовокупилъ онъ: «Волга, протекая по плодоноснѣйшимъ губерніямъ, кормитъ Россію». «Но мы должны помышлять теперь» — отвѣчалъ фельдмаршалъ—«не о краяхъ, продовольствующихъ Россію, но о тѣхъ, которые снабжаютъ армію, а посему намъ слѣдуетъ взять направленіе на полуденныя губерніи». Въ заключеніе положено идти по Рязанской дорогѣ. Совѣщаніе продолжалось съ небольшимъ часъ. Свѣтлѣйшій князь закрылъ оное словами: «чтобы ни случилось, я принимаю на себя отвѣтственность предъ Государемъ, отечествомъ и арміею».

Протокола или журнала сего засѣданія не существуетъ [1]). Имѣя честь бесѣдовать неоднократно со многими генералами, бывшими въ ономъ, какъ-то: Бенигсеномъ, Дохтуровымъ, Коновницынымъ и Толемъ, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность записывать то, что каждый изъ нихъ мнѣ сказывалъ, но здѣсь сообщаю не подробности преній, а только ходъ ихъ и сущность, предоставляя себѣ до дальнѣйшаго времени издать полное описаніе мнѣній, изложенныхъ въ Военномъ Совѣтѣ.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали въ лагерѣ опредѣленія совѣта. Генералы, засѣдавшіе въ ономъ, прибыли въ сумеркахъ къ войскамъ своимъ. Уныніе было повсемѣстно, когда узнали о сдачѣ Москвы, хотя сего ожидали и были увѣрены въ необходимости сей мѣры. Немедленно сообщено о семъ Милорадовичу, съ тѣмъ, чтобы онъ на другой день старался, сколь можно болѣе, удерживать непріятеля своимъ аріергардомъ, дабы дать время арміи, казеннымъ и частнымъ обозамъ пройти чрезъ Москву и, буде нужно, «*почтилъ бы сраженіемъ древнія стѣны столицы*». Въ то же время извѣстили о семъ графа Растопчина, который не былъ въ Совѣтѣ. Военнымъ запретили безъ особеннаго позволенія отлучаться изъ лагеря въ городъ, гдѣ ночью было все спокойно; но тишина сія уподоблялась безвѣтрію, предшествующему бурѣ.

[1]) Въ Военно-Ученомъ архивѣ имѣется донесеніе Бенигсена Императору Александру о Военномъ Совѣтѣ въ Филяхъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «*Extrait du contenu du Conseil de guerre qui a eu lieu le 1 Septembre 1812*» Оно сообщено покойнымъ В. И. Харькевичемъ въ янв. книжкѣ «Военнаго Сборника» 1903 года. *К. В.*

На другой день, 2-го сентября, армія выступила изъ лагеря, когда первые лучи солнца возвѣстили прекраснѣйшую погоду и освѣтили необыкновеннымъ блескомъ вершины столицы, въ коей родилися герои наши и Монархи, классическую страну, увѣковѣченную важнѣйшими происшествіями и воспѣтую безсмертными пѣвцами. Армія проходила въ порядкѣ, по утру, по разнымъ улицамъ города, а за нею слѣдовали толпы жителей всѣхъ состояній и лѣтъ, спрашивая куда имъ спасаться. Многіе не вѣрили, что непріятель идетъ за нами; надлежало ихъ убѣждать въ семъ честнымъ словомъ. Иные изъ офицеровъ оставляли на нѣкоторое время ряды свои, чтобы навѣстить домы родныхъ своихъ, нынѣ опустѣлые, другіе спѣшили къ церкви, чтобы въ молитвахъ почерпнуть новыя силы. Въ сіе время возобновились явленія, описываемыя греками, когда Аѳиняне бѣжали изъ отчизны при нашествіи варваровъ; настоящая война по опустошеніямъ была подобна войнамъ древнихъ, съ тою разницею, что нынѣ вели ее въ несравненно большемъ размѣрѣ.

По выѣздѣ изъ Москвы, Свѣтлѣйшій князь велѣлъ оборотить лицомъ къ городу дрожки свои и, облокотя на руку голову, посѣдѣвшую въ бояхъ, смотрѣлъ съ хладнокровіемъ на столицу и на войска, проходившія мимо его съ потупленнымъ взоромъ; они въ первый разъ, видя его, не кричали ура. Посвятивъ пятьдесятъ лѣтъ на служеніе отечеству въ полѣ, въ совѣтахъ и въ посольствахъ, онъ цѣнилъ, конечно, болѣе всѣхъ потерю Москвы, потому что кто лучше его могъ знать, сколь она необходима для славы Россіи, для красы ея и благоденствія. Оттуда, гдѣ онъ остановился, видны были многія изъ любопытныхъ мѣстъ, но село Коломенское обращало преимущественно вниманіе нѣкоторыхъ изъ насъ. Вотъ возвышеніе, думали мы, гдѣ Петръ Великій игралъ въ дѣтствѣ, гдѣ онъ училъ первыя войска; на этихъ поляхъ чувствовалъ онъ вдохновеніе и преобразованіе Имперіи; мебель, ему служившая, разныя произведенія рукъ его, и самая колыбель его—должны сдѣлаться добычею непріятеля.

Пройдя нѣсколько верстъ, армія сдѣлала привалъ; ожидали съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ аріергарда, вслушивались раздаются ли пушечные выстрѣлы, спрашивали у прибывавшихъ изъ Москвы далеко ли непріятель и не вступилъ ли уже въ оную? Милорадовичъ получилъ по утру письмо на французскомъ языкѣ отъ фельдмаршала, для доставленія онаго къ начальствующему непріятельскою арміею, въ которомъ по обыкновенію, принятому на войнѣ,

русскіе больные и раненые, находящіеся въ Москвѣ, поручались его покровительству. Онъ письма сего вдругъ не отправилъ, а расположилъ войска въ боевой порядокъ, чтобы дать упорнѣйшее сраженіе, выславъ небольшой отрядъ на Воробьевы горы, дабы показать, что онъ намѣренъ ихъ защищать. Но въ непродолжительномъ времени непріятельскія колонны появились во множествѣ и обходили со всѣхъ сторонъ и даже съ Воробьевыхъ горъ аріергардъ, который въ сіе время находился въ шести верстахъ отъ столицы и движеніями сими былъ отъ нея отрѣзанъ. Въ семъ затруднительномъ положеніи иные думали атаковать, другіе на позиціи принять сраженіе, а третьи—идти назадъ, сколь можно поспѣшнѣе. Сими средствами не достигнута была бы главная цѣль и тѣмъ временемъ какъ аріергардъ сражался или отступалъ, обошедшіе его непріятели ворвались бы въ Москву, завладѣли бы обозами, стѣсненными въ улицахъ и воспрепятствовали бы нѣкоторой части арміи выйти за городъ, а самый аріергардъ сдѣлался бы неминуемо жертвою превосходнаго числомъ непріятеля. Милорадовичъ не принялъ предложенныхъ ему мнѣній, но потребовалъ офицера, знающаго хорошо французскій языкъ и когда сей прибылъ, то онъ сказалъ ему, съ торжественнымъ видомъ, отдавая ему помянутое письмо фельдмаршала къ непріятельскому генералу о пощадѣ раненыхъ и больныхъ: «отправтесь къ королю Неаполитанскому, командующему непріятельскими войсками противъ меня, вручите ему сіе письмо и скажите моимъ именемъ, что я уговорилъ жителей Москвы не зажигать города, если непріятель не войдетъ въ оный, доколѣ всѣ обозы изъ онаго отправлены не будутъ и не пройдетъ мой аріергардъ. Если король на сіе согласенъ, то чтобы онъ остановилъ сейчасъ слѣдованіе колоннъ, которыя обошли меня съ Воробьевыхъ горъ и которыя изъ другихъ заставъ должны сію минуту вступить въ Москву. Но когда онъ откажетъ, то объявите ему, что я самъ зажгу Москву, буду сражаться передъ нею и въ стѣнахъ ея и погребу себя подъ ея развалинами. — «Слова сіи изумили предстоящихъ и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «Général, on ne brave pas ainsi l'armée française». — «C'est a moi à la braver et à vous à mourir», отвѣчалъ Милорадовичъ [1]). Посланный въ скоромъ времени возвратился съ извѣстіемъ, что не токмо король Неаполитанскій принимаетъ сдѣланное ему предложеніе и приказалъ войскамъ своимъ не входить въ Москву доколѣ тяжести и аріергардъ нашъ чрезъ оную не пройдутъ,

[1]) Для исторической точности я помѣщаю слова сіи на французскомъ языкѣ, на которомъ они были произнесены. *Прим. автора.*

но что онъ склонитъ жителей не зажигать столицу. Милорадовичъ отрядилъ двухъ генераловъ для учрежденія порядка въ улицахъ Москвы, а самъ, пробывъ нѣсколько времени на позиціи, началъ мало-по-малу отступать, прошелъ черезъ городъ часу въ пятомъ пополудни, способствуя жителямъ спасать себя и имущество свое. Едва онъ расположился за городомъ, въ ближайшей деревнѣ, какъ поспѣшилъ къ нему генералъ Панчулидзевъ [1]) съ донесеніемъ, что не успѣвъ выйти за заставу съ двумя командуемыми имъ драгунскими полками, какъ непріятель ихъ окружилъ и что сіи полки находятся теперь въ цѣпи ихъ. Пославъ къ французскому генералу требовать освобожденія ихъ, Милорадовичъ сѣлъ верхомъ, опередилъ своего посланнаго, проскакалъ безъ трубача и безъ всякаго сопровожденія чрезъ непріятельскіе посты, къ великому ихъ удивленію, и требовалъ громко начальствующаго генерала. Явился Себастіани и началъ говорить, что Россія и Франція не имѣя причины къ ссорѣ, должны жить въ согласіи. «Можно ли намъ думать о мирѣ»,—сказалъ Милорадовичъ—«видя Москву въ вашихъ рукахъ» и, окончивъ сіи слова, скомандовалъ упомянутымъ двумъ драгунскимъ полкамъ: «По три направо», вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи, уговоривъ Себастіани освободить множество казенныхъ и частныхъ обозовъ, которые тутъ же были задержаны. Аріергардъ расположился въ самой близи отъ столицы, а армія при деревнѣ Панкахъ.

Такимъ образомъ кончился сей для Россіи незабвенный день сдачи Москвы.

---

[1]) Генералъ-маіоръ Иванъ Давидовичъ Панчулидзевъ 1-й, командовавшій бригадою изъ Харьковскаго и Черниговскаго драгунскихъ полковъ въ IV кав. корпусѣ гр. Сиверса. Братъ его, Семенъ Давидовичъ Панчулидзевъ 2-й, командовалъ бригадою изъ Каргопольскаго и Ингерманландскаго драг. полковъ во II кав. корпусѣ барона Корфа. *К. В.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

войсковыхъ частей, упоминаемыхъ въ запискахъ современниковъ.

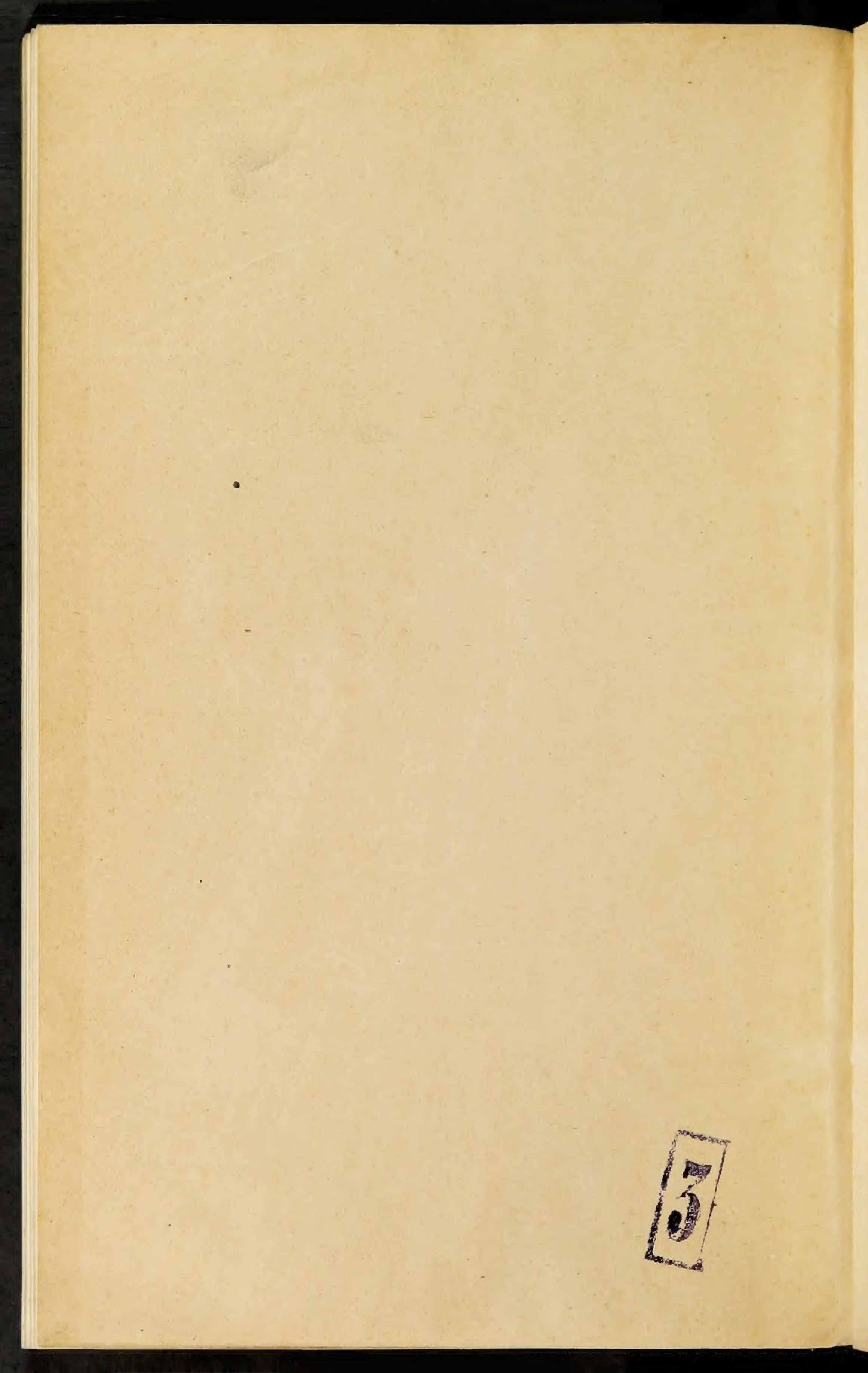
Журнальныя статьи того же автора, относящіяся къ 1812 году *).

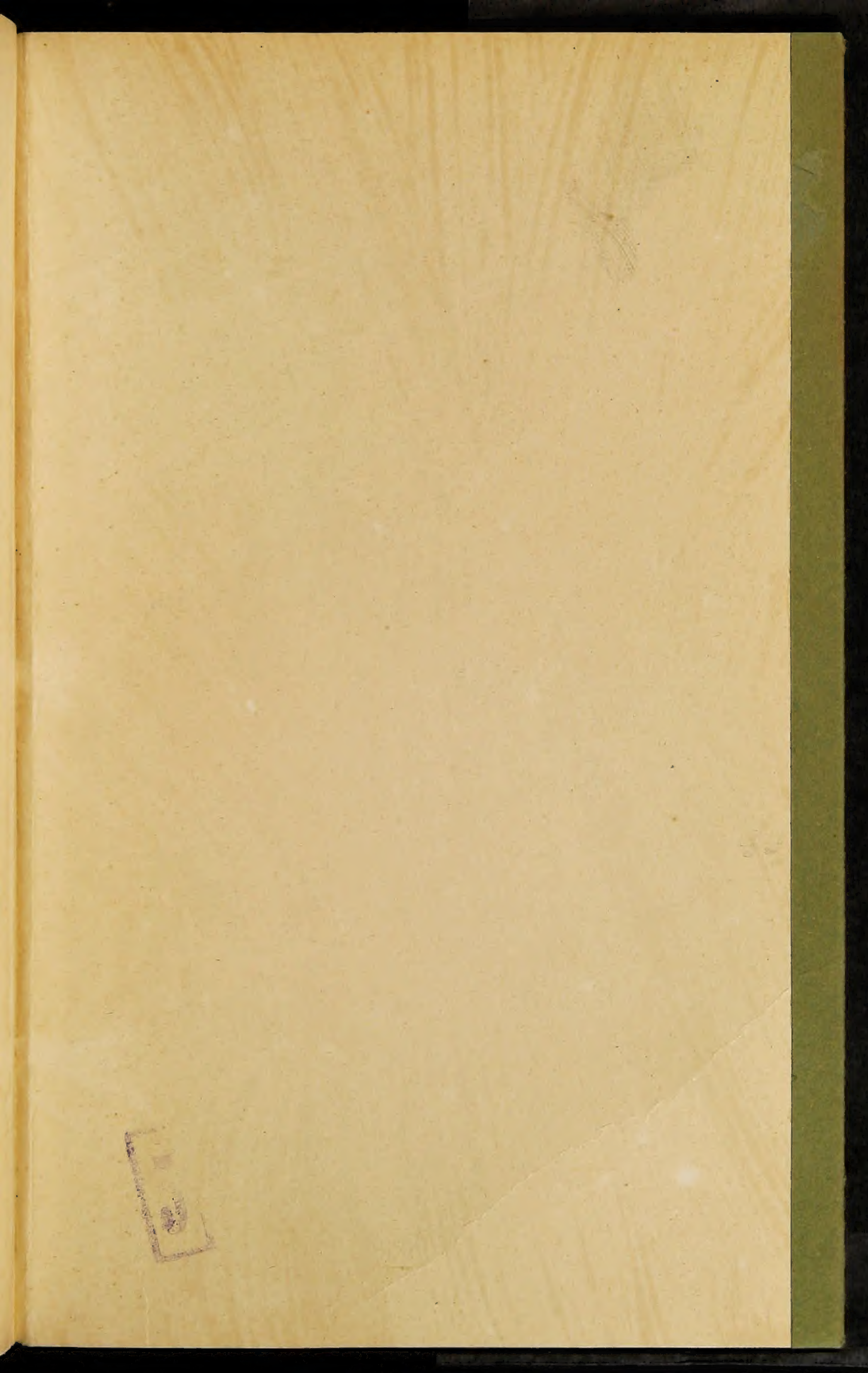
1. Послѣдній изъ ветерановъ Великой арміи, Р. С. Апрѣль 1896.
2. Французская актриса въ Россіи наканунѣ 1812 г. И. В. Октябрь 1901.
3. Воспоминанія Хлоповскаго о войнѣ 1812 года. В. И. Л. Октб. 1902.
4. Собраніе Н. Х. Колодѣева на 1812 году. СП-бургъ В. С. 1904 г. № 2.
5. Наполеонъ и Борисовскіе евреи въ 1812 году. В. С. 1906 г. № 9.
6. Двѣ бесѣды полковника Мишо съ Императоромъ Александромъ въ 1812 г. В. С. 1906 г. № 10.
7. Бонапартъ и русскіе плѣнные. В. С. 1906 г. № 12.
8. Свиданія французскихъ генераловъ съ русскими во вторую половину кампаніи 1812 года. В. С. 1907 г. № 10.
9. Пріѣздъ графа Нарбонна въ Вильну въ Маѣ 1812 года. Р. С. Авг. 1907 г.
10. Царскосельскій лицей въ 1812 году Р. С. Мартъ 1908.
11. Русскій памфлетъ въ 1812 году. Р. С. Декабрь 1908 г.
12. Костромское ополченіе въ 1812 году. В. А. 1909 г. Вып. XIX.
13. Отечественная война въ воспоминаніяхъ современниковъ. В. С. 1911 г. №№ 8—12.
14. Библіографія Отечественной войны. Р. Б. Февраль 1911 г. № 1.

---

*) Сокращенія: Р. С.—«Русская Старина».
И. В.—«Историческій Вѣстникъ».
В. С.—«Военный Сборникъ».
В. А.—«Вѣстникъ Археологіи и Исторіи».
Р. Б.—«Русскій Библіофилъ».
В. И. Л.—«Вѣстникъ Иностранной Литературы».

3

Сочиненія того же автора.

---

1. **Отечественная война въ русской журналистикѣ.** Библіографич. Сборникъ. С.-Петербургъ 1906 г. 225 стр. 8 д. л. Тип. «Бережливость».

2. **Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года.** Томъ I. Литва и Западная губерніи. С.-Петербургъ 1909 г. XLIV+582+IX стр. 8 д. л. Тип. А. Ф. Штольценбурга.

3. **Костромское Ополченіе въ 1812 году.** С.-Петербургъ 1909 г. 33 стр. 4 д. л. Синодальная тип.

4. **Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года.** Томъ II. Балтійская окраина въ 1812 году. С.-Петербургъ 1911 г. L+573 стр. 8 д. л. Тип. А. Ф. Штольценбурга.
